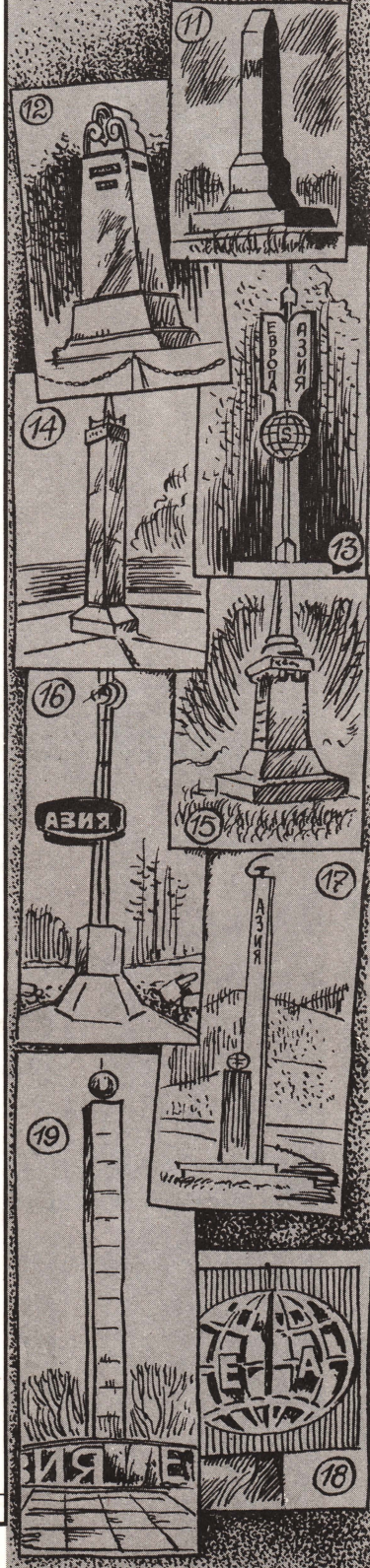
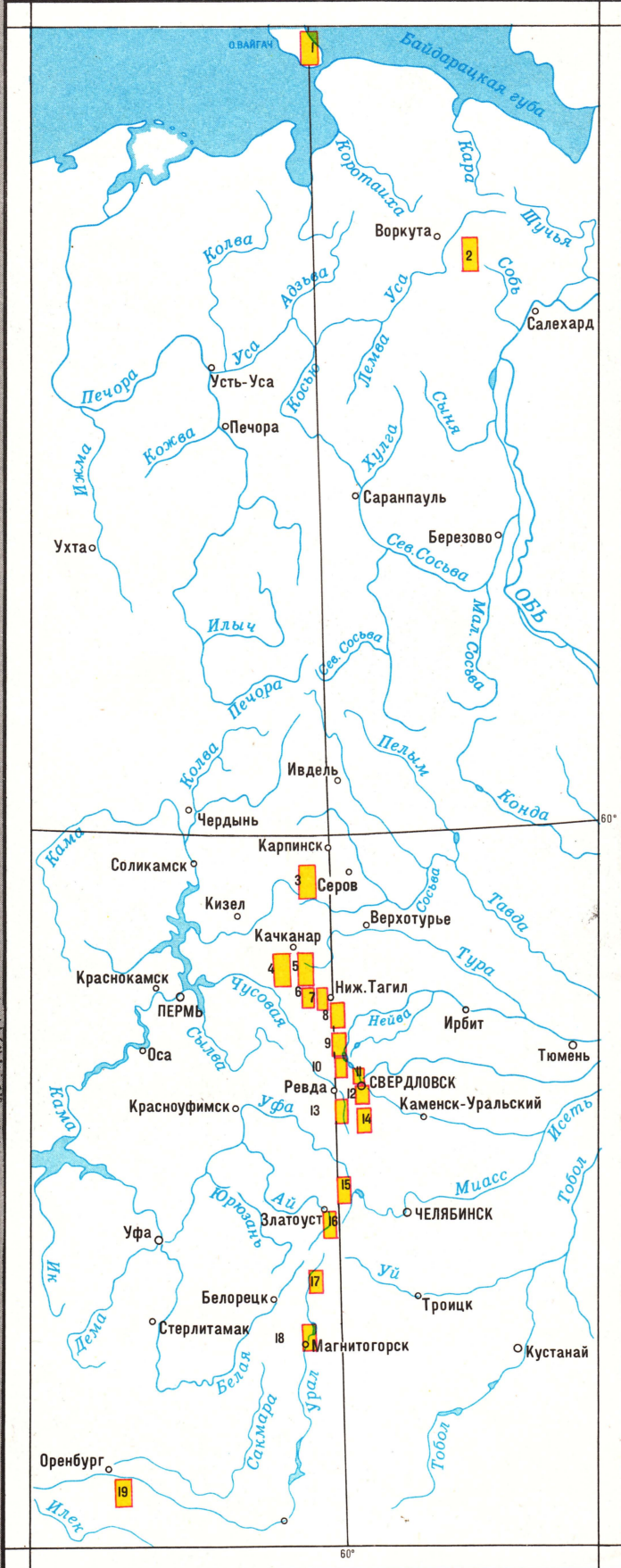
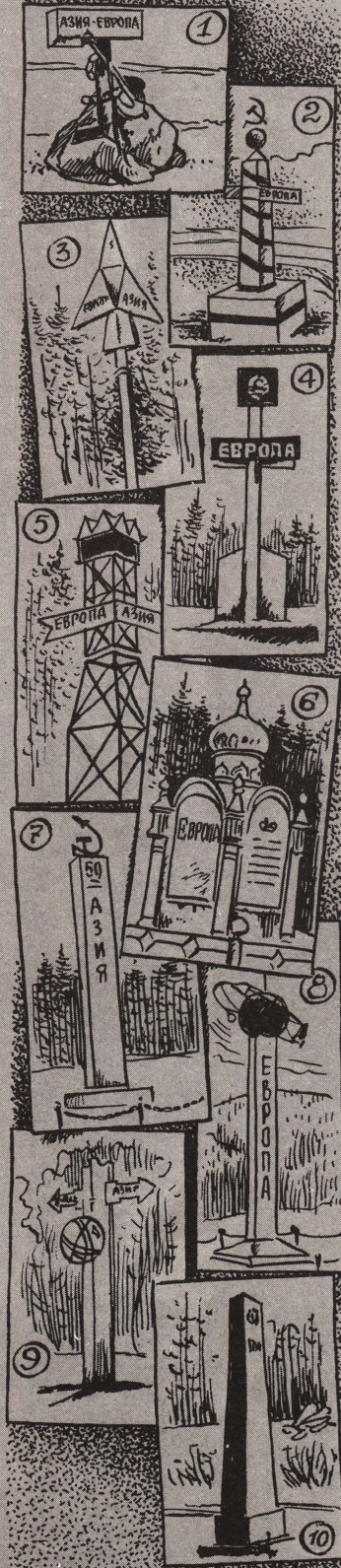

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

6 '89

ЧАСОВЫЕ НЕОБЫЧНОЙ ГРАНИЦЫ
 Читайте очерк Аркадия Карякина
 и Нины Архиповой на стр. 3.

В НОМЕРЕ:

Н. Архипова ГДЕ ПРОХОДИТ РУБЕЖ?	2
А. Карякин, Н. Архипова ЧАСОВЫЕ НЕОБЫЧНОЙ ГРАНИЦЫ	3
С. Казанцев ПРОДОЛЖАЯ ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ	5
С. Верников НАШИ ЗЕМЛЯКИ	7
Н. Беляева, Е. Егорова ВОЗВРАЩЕНИЕ СЕРГЕЯ ДЯГИЛЕВА	8
В. Топоров С ГОДАМИ ПРОШЛОЕ БОЛЬНЕЙ...	10
В. Крапивин ОСТРОВА И КАПИТАНЫ. Роман. Книга третья. НА- СЛЕДНИКИ. Окончание.	11
Б. Емельянов «КРАСНЫЙ, ОПАСНЫЙ...»	33
В. Черных ВИТВИЦКИЕ — ОТЕЦ И СЫН	34
А. Шмаков РУКОЙ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА	35
Л. Осинцев ДЕТИ ПЕТРОГРАДА	36
О. Силюнова «ОСОБАЯ МИЛОСТЬ» ДЕМИДОВА	36
Л. Данилов ЕГО ПЕСНИ ПЕЛА ВСЯ РОССИЯ...	37
Е. Ольшанская ПО СЛЕДАМ «ТАШКЕНТСКОГО АЛЬБОМА»	38
С. Попов ЛЮДИ, СТАВШИЕ ОСТРОВАМИ	40
В. Суров, А. Андреев СТИХИ	44
Г. Рыженков ГРИБ — ДИТЯ ЛЕСА	44
Э. Молчанов СТИХИ	46
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
А. Ульяновский КОЛЕСО	47
Н. Копылов НЕВИДИМКИ	54
Л. Арабесков КОНКУРС МИСТЕРА ГОПКИНСА	61
М. Исангазин НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ: 1988—1989.	65
М. Исангазин В ПОИСКАХ КОМПАСА...	66
А. Варламов ЗАПАХ СТРАХА	67
Р. Фиш ТЕРРОРИСТ	73
Мир на ладони	79
А. Лысяков СОБЕРЕМСЯ, КУЗНЕЦЫ!	80

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в
Телефоны отделов:
51-55-56 (писем,
молодежных проблем),
51-22-40 (секретариат),
51-09-71 (фантастики, прозы
и поэзии),
51-53-20 (науки и техники,
публицистики),
51-09-69 (краеведения)

Рукописи принимаются перепе-
чатанными на машинке через 2
интервала, 60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и достав-
ки обращаться в районные от-
деления «Союзпечати». Брако-
ванные экземпляры отправлять
в типографию издательства
«Уральский рабочий».

Сдано в набор 03.03.89.
Подписано к печати 18.04.89.
НС 15077.
Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,0.
Усл. кр.-отт. 11,34.
Тираж 494 000.
(1-й завод: 1 : 250 000).
Заказ 454.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
620151, г. Свердловск,
пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки фото
Олега Капорейко «Арабел-
ла» — модель работы Е. Т.
Ершова.

Где проходит РУБЕЖ?

Нина
АРХИПОВА

Вопрос о том, где проходит рубеж, отделяющий Европу от Азии, восходит к глубокой древности. Еще финикийцы за много веков до нашей эры выделяли на Земле три части света: Европу (от финикийского «эреб» — заход солнца, запад), Азию (от «асу» — восход, восток) и Ливию (землю к западу от Нила — единственную известную в то время часть Африки). Эти три части света в средние века получили название «Старый Свет», а Америка и Австралия, открытые в XVI и XVII веках, — «Новый Свет». Так исторически сложилось понятие о частях света.

Однако в древности не знали, что Европа и Азия не имеют сплошных морских границ, а составляют единый материк, т. е. огромную сушу, омываемую со всех сторон морями. Этот материк по предложению А. Гумбольдта позже стал называться Евразией. Таким образом материк (или континент) — понятие географическое, его не надо путать с понятием «часть света».

Впервые наметили границу между Европой и Азией древние греки. Они проводили ее по Понту (Черное море). Позже римляне «сместили» границу на Танаис (река Дон) и Меотиду (Азовское море). В средневековье арабские ученые «отодвинули» ее еще дальше на восток — к рекам Итиль (Волга) и Каме. А западноевропейские ученые и путешественники принимали за восточную границу Европы реку Обь и даже Енисей.

Русские люди во второй половине XVI века наметили рубеж по Камню (так тогда называли они Урал). Новгородские ушкуйники переваливали через Камень еще в XIV веке, а возможно, и ранее. С присоединением Сибири к России (после походов Ермака) государство русское стало подразделяться на две части: Русь, или Московию (к западу от Уральских гор), и Сибирь (Урал и все известные в ту пору земли к востоку от него). Таким образом, в России наметилась граница между Московией и Сибирью (т. е. Европой и Азией в нашем представлении) вдоль западного склона Уральских гор.

В начале XVII века появился другой вариант границы: просто по Камню (т. е. Уральскому водораздельному хребту). Наиболее ранним источником его служит так называемая Есиновская летопись 1636 года. Тобольский дьяк Савва Есинов писал: «Между государствами Российского и Сибирские земли облежит Камень превысочайший зело... яко стена граду утверждена... На этом Камне растут разные деревья... живет много зверей и певчих птиц. Из сего же Камени реки многие изтекоша, ови (одни) поидоша к Российскому царству, ови же (другие) в Сибирскую землю...»

С начала XVIII века граница по Уральским горам прочно закрепилась и удерживается до наших дней. Заслуга в этом принадлежит видному государственному деятелю, известному историку и первому исследователю Урала В. Н. Татищеву. Он представлял Урал как обширную горную систему, протянувшуюся на многие сотни верст с севера на юг. Он первым из русских стал называть горы «Уральскими», или просто «Уралом».

На основе личных наблюдений, а также ряда письменных источников Татищев пришел к выводу о пограничном положении Уральских гор между двумя частями света — Европой и Азией. Мысль эта наиболее полно и обстоятельно вы-

ражена в труде «Общее географическое описание всей Сибири», опубликованном только в советское время, в 1950 году. Именно поэтому идеи Татищева о пограничном положении Уральских гор долгое время приписывали то Ф. И. Страленбергу (шведский ученый, попавший после Полтавской битвы в плен и долгие годы проживший в Сибири), то русскому ученому П. И. Рычкову, известному исследователю природы Южного Урала.

В подтверждение своей точки зрения Татищев приводит такие соображения: «Из сих гор как на восток в Сибирь, так и на запад в Европу происходит великое множество рек малых и великих»; «сии реки не токмо течением, но и водами разенствуют» (имея в виду разницу в видовом составе рыб); «на западной стороне хребта около 57° находятся дубы и арешник, а в Сибири ни под 50° (т. е. в лесостепи) оных деревьев нет... На западной стороне кедров, почитай, нет, но в Сибири великое множество... Сии и сему подобные обстоятельства подают притчину утверждать сии горы за границу между Азией и Европою».

С современной точки зрения эти доказательства Татищева не совсем точны и правильны, но для того времени, когда Урал представлялся «белым пятном», — основательны. Позже Татищев развил свою мысль и наметил границу не только по Уральским горам, но и далее: «...Весьма приличнее и натуральнее провести границу от узкости Вайгач (пролив Югорский Шар) по Великому Поясу (Уральским горам)... который продолжается гребнем или грядой до вершины Яика (истоков реки Урал)... и по Яику вниз до Оренбурга... через море Каспийское до реки Кумы или гор Таурисских» (т. е. до гор Кавказа и Крыма).

Татищев считал границу, предложенную им как рубеж между Европой и Азией, «натуральной», т. е. естественной, природной. И в этом был отчасти прав: Уральские горы не только водораздел рек, но и климатическая, и ботаническая границы.

Однако в свете современных научных представлений уральская граница двух частей света по водораздельному хребту может считаться лишь условным рубежом, потому что по своему происхождению (геологическому строению и рельефу) Уральские горы — это сложное единое целое. Водораздельная полоса Уральских гор очень расплывчата и во многих местах переходит то в область западных, то в область восточных предгорий. Это обусловлено новейшими геологическими движениями, начавшимися с конца неогена (более пяти миллионов лет назад). Главное же: Урал на обоих своих склонах и по водораздельному хребту пересекается рядом природных зон — от тундр на севере до полупустынь на юге (горы Мугоджары признаются теперь за южную оконечность Урала).

Современные ученые поэтому считают более правильным проводить границу между Европой и Азией не по водораздельному хребту, а вдоль подошвы восточного склона Уральских гор, относя всю эту горную страну к Европе. (В Свердловской области граница идет, примерно, по линии несколько западнее Ивделя, Серова, Алапаевска, Сухого Лога и Каменска-Уральского).

И все же граница, проведенная В. Н. Татищевым два с половиной века назад, при всей своей условности, сохраняет историческое значение и до настоящего времени:

она известна всему миру! Только юго-восточный отрезок ее до сих пор вызывает споры: одни ученые проводят ее целиком по реке Урал (от Орска на Оренбург и Гурьев), другие смещают на реку Эмбу.

Многочисленные обелиски с надписью «Европа — Азия», установка которых началась на Урале еще в прошлом веке и продолжается до сих пор, неизменно привлекают туристов и гостей Урала своей романтикой.

Часовые необычной границы

Аркадий КАРЯКИН,
Нина АРХИПОВА

Более чем на три тысячи километров протянулись Уральские горы с севера на юг. И на всем их громадном протяжении, на водоразделе рек Волги и Печоры на западе и Оби на востоке, установлены пограничные знаки между двумя частями света — Европой и Азией. Каждый неповторим и имеет свое лицо.

Установка знаков началась в прошлом веке и продолжается до сих пор. Теперь их около двадцати: точную цифру назвать трудно, ибо столбы никто не нумеровал, а сообщения о них чаще ограничиваются местной прессой.

В 1829 году Урал посетили известные немецкие ученые — А. Гумбольдт и Г. Розе. На всем протяжении следования от Кунгура в Екатеринбург они проводили барометрическое нивелирование дороги и установили место перевала с западного склона Уральских гор на восточный в районе горы Березовой. Перевал этот едва заметен. Сам Гумбольдт по этому поводу писал: «...Не следует удивляться, что путешественники, лишенные средств для определения высот, могли утверждать, что цепь Урала исчезает или совершенно прерывается близ Екатеринбурга. Но прерыва там нет». Именно на этом месте (бывшем Сибирском тракте, теперь Московском шоссе) в связи с посещением Урала наследником престола, будущим Александром II, в сопровождении его наставника поэта В. А. Жуковского, и был установлен к весне 1837 года первый на Урале столб «Европа — Азия» — мраморная пирамида с царским гербом.

После Октябрьской революции этот знак, как символ царской власти, был разрушен. В 1926 году на том же месте сооружена новая отметка границы в виде массивного, интересной конфигурации обелиска (12). Здесь в 1951 году родилась традиция ежегодного проведения зимних туристских слетов «Европа — Азия».

Столб находится на территории Первоуральского района Свердловской области, теперь уже на старом участке шоссе, в 6 км от Первоуральска и 40 — от Свердловска. Первоуральцы включили обелиск в состав герба своего города. Молодые люди, вступающие в брак, после торжественной церемонии обязательно едут на границу Европы и Азии.

Раньше здесь проходил главный путь из Москвы в Сибирь, называвшийся Сибирский тракт. Ехали многочисленные обозы, подводы, группами и в одиночку шли пере-

селенцы. Известна была дорога и как кандалная — путь в сибирскую ссылку.

Ныне бетонный обелиск облицован полированным гранитом, огорожен чугунными цепями, а в направлении с севера на юг идет узкая полоска зеленого камня — серпентинита — это линия границы.

Всего в полутора километрах от этого столба, на северном склоне горы Березовой проходит железная дорога из Свердловска на Кузино и Пермь. Здесь, около станции Вершина, у кромки неглубокой выемки стоит еще один бетонный обелиск (11). Он был установлен во время подготовки к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов, проходившему в Москве в 1957 году. В столицу ехала молодежь из Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Всем хотелось узнать, где кончается Азия и начинается Европа.

Территория в районе этих двух столбов и все окрестные леса на площади в 2500 гектаров объявлены ландшафтным памятником природы союзного значения.

Из Первоуральска удобно попасть еще к одному столбу, установленному в 1966 году на автодороге, идущей через Билимбай в Верх-Нейвинск (10). Он находится между деревнями Починок и Тарасково, на хорошо заметном перевале через Бунарский хребет. По конструкции — это монолитная усеченная пирамида высотой более 3 м. В верхней части столба на лицевой грани — рельефное изображение герба СССР. К знаку можно попасть и от станции Калиново по железной дороге Свердловск — Нижний Тагил.

Другую группу из пяти столбов можно назвать горнозаводской, так как добираться к ним удобнее всего с Горнозаводской железной дороги.

Один (отметка границы сделана двумя совершенно одинаковыми знаками, установленными по обе стороны от железной дороги) расположен между станциями Европейская (Пермская обл.) и Хребет Уральский в Свердловской обл. (Кушвинский горсовет). Это решетчатая конструкция в форме четырехгранной усеченной пирамиды высотой 6 м. Угловые стойки сделаны из рельс — тех самых, что укладывали при строительстве первой на Урале Горнозаводской дороги. Верхнюю часть конструкции завершают металлические камеры, напоминающие миниатюрные теремки. Камеры разделены пополам железной перегородкой. Когда в наш быт еще не вошло электричество, в каждую половинку камеры устанавливали керосиновые фонари (5).

Пограничный знак на автодороге Кушва — Серебрянка (в 4 км от пос. Кедровка) установлен в 1868 году по заказу и на средства золотопромышленников Северного Урала, о чем свидетельствуют надписи (6). Он чугунный и по форме напоминает башенку-часовенку, собран из литых деталей. Нижняя часть — квадратное основание, над ним возвышается центральная часть — тоже квадратная камера, увенчанная красивым рельефным куполом. По углам установлены круглые колонны, также увенчанные маленькими куполами. Раньше купола были позолочены, на шпилье центрального помещался литой царский герб. Создатели обелиска архитектор В. Архипов и лейтеник К. Романов. В период гражданской войны столб был разрушен, часть деталей утеряна. Туристы-энтузиасты Нижне-Салдинского завода в наши дни восстановили его.

Адрес другого столба — перевал через хребет Высокие Горы недалеко от пос. Уралец на шоссе Нижний Тагил — Висим (8). Это квадратная колонна высотой 6 м. Вверху — макет земного шара, вокруг которого по стальным орбитам «вращаются» спутники и корабль «Восток». Столб установлен в 1961 году и посвящен первым успехам советской космонавтики.

Из Нижнего Тагила удобно попасть еще к одному столбу. Рейсовым автобусом надо ехать в пос. Синегорский (25 км). Не доезжая 2 км, на небольшой светлой поляне около дороги в 1967 году установлен обелиск — в честь 50-летия Великого Октября (7). Основу сооружения составляет стела прямоугольного сечения из листового стали. На верхней грани стелы — металлические серп и

молот. Оба столба расположены в Пригородном районе Свердловской области.

Ближайший путь к пятому обелиску из этой группы — от железнодорожной станции Теплая Гора. Этот знак — единственный в Пермской области. Он расположен неподалеку от пос. Промысла, известного тем, что в 1829 году здесь был найден первый в России алмаз (4). От поселка дорога идет вверх и на перевале раздваивается: одна ведет в пос. Медведка, другая — в пос. Косья и город Качканар. На развилке, еще до революции, была установлена отметка границы в виде легкой и изящной металлической пирамидки. В 1973 году, когда в Теплой Горе проводился областной слет туристов, была установлена другая отметка. Современная же конструкция — макет ракеты — существует с 1985 года.

Наиболее «молодыми» из семейства обелисков, установленных в последние годы в Свердловской области, являются те, что находятся в районах Ревды, Верх-Нейвинска и Полевского.

Ревдинский столб возведен на Уральском водораздельном хребте и находится на перевале автодороги из Ревды в Дегтярск (13). Семиметровая конструкция украшена стальной сферой в виде шара диаметром 1,3 м. Обелиск установлен в 1984 году — к 250-летию г. Ревды. Изготовлен Дегтярским рудоуправлением по проекту художника Л. Г. Меншатова и архитектора З. А. Пуляевской.

Около Верх-Нейвинска в марте 1985 года также сделана отметка границы. Металлическую конструкцию с солнечными часами высотой 4 м изготовили и установили активисты туристского клуба «Кедр». Она находится на горе Перевальной по старой дороге из Верх-Нейвинска в дер. Пальники, в истоках рек Тагил, Шишим и речки Бунарки, текущей в город (9).

Обелиск в Полевском районе воздвигнут на тракте, ведущем из Свердловска в Полевской, на возвышенном месте близ старинного с. Курганово (14). Отсюда открывается панорама Верхнемакаровского водохранилища, а в ясные дни можно увидеть и овеянную легендами гору Азов. Лучшим из 20 представленных на конкурс был признан проект молодого художника Северского трубного завода С. П. Юшкова. Мраморный обелиск имеет две надписи: одна констатирует, что здесь проходит самая восточная граница Европы на Среднем Урале, а другая сообщает, что знак установлен в год 250-летия со дня научного обоснования границы между Европой и Азией В. Н. Таттшевым. Обелиск открыт в июне 1986 года по решению Полевского горисполкома, место выбрано совместно с членами Свердловского отдела Географического общества СССР.

На севере Свердловской области, в 8 км на юго-запад от пос. Кытлым, на автодороге в Верхнюю Косью, находится еще один столб, очень популярный у туристов (3). Нижняя часть — стальная труба диаметром 30 см. Верхняя часть — плоская металлическая фигура, напоминающая стрелку-указатель. Столб установлен работниками Южно-Заозерского прииска в 1981 году.

Самый северный из столбов-obeliskов находится на южном материковом берегу пролива Югорский Шар (Архангельская область, Ненецкий национальный округ)*. Здесь Уральский хребет «ныряет» в воды Северного Ледовитого океана и появляется вновь в виде высоких обледенелых гор Новой Земли (1). Знак установили в 1973 году сотрудники полярной станции и участники экспедиции на катере «Замора», следовавшей от Архангельска до Диксона, повторяя путь поморов. Как писали сами строители, «наш географический знак не отличается оригинальностью. Был раздобыт где-то заржавленный якорь, к нему приварена цепь. На металлической трубе была приварена плита, на ней написаны слова «Европа» и «Азия».

Севернее Полярного круга, тоже на материке, в 1965 году установлен еще один пограничный знак (2) — близ ст. Полярный Урал (Коми АССР).

В декабре 1941 года вошла в строй однопутка Северо-Печорской железной дороги. Значение ее трудно переоценить. Коксующиеся угли Воркуты после потери Дон-

басса буквально спасли страну. В дальнейшем дорога реконструировалась. В 1955 году был принят в эксплуатацию участок дороги Чум — Лабитнанги. Здесь, на 98-м км, вблизи станции Полярный Урал, откуда хорошо просматривается водораздел рек Соби (приток Оби) и Ельца, установлен обелиск в форме столба шестигранного сечения. Вершину его венчает шар с серпом и молотом. Основание — бетонный куб. Весь столб раскрашен полосами желтого и черного цвета, идущими спирально сверху вниз: такая расцветка сделана в память о старых верстовых столбах. Столб установлен по инициативе и при участии дорожного мастера Н. И. Озюменко к Дню железнодорожника (обновлен в 1981 году).

Несколько отметок необычной границы расположены на Южном Урале. Самый первый из них — Уржумский. Он установлен вблизи станции Уржумка железной дороги Челябинск — Златоуст в 1892 году — в знак завершения строительства участка транссибирской железнодорожной магистрали (15). Столб массивный, прочный. Конструкция состоит из четырех частей квадратного сечения. Нижняя — основание. На нем — кубическая колонна, выше ее опоясывает выступающий на полметра пояс, на двух сторонах его укреплены металлические плиты. Верхняя часть столба — бетонный шпиль.

Совсем недавно, в 1987 году, на автомагистрали Челябинск — Миасс — Уфа, в 8 км южнее Златоуста, на высокой горе отрогов водораздельного хребта Уралтау установлен новый столб — в виде высокой стелы из нержавеющей стали. Выполнен по макету художника А. Полякова (16).

В Магнитогорске пограничный знак установлен на правом берегу реки Урал, слева и справа от проезжей части одного из трех городских мостов. По форме это два массивных блока, изготовленных из бетона. На лицевых торцах изображен чугунный земной шар с буквами «Е» и «А». Обелиск возведен в июне 1979 года (архитектор В. Н. Богун) трестом «Магнитстрой» — в честь 50-летия города (18).

В Учалинском районе Башкирии, по дороге от райцентра Учалы на Белорецк, на обоих берегах реки Урал, близ д. Ново-Байрангулово в 1968 году установлены две одинаковых стелы. Обе увенчаны серпом и молотом. На одной написано «Европа», на другой — «Азия». Пограничный знак выполнен по эскизу художника Д. М. Адигамова и архитектора У. Ф. Зайниеева (17).

На юго-западной окраине Оренбурга, на левом берегу реки Урал, вблизи автомобильного моста возвышается грандиозная квадратная колонна высотой около 15 м. На ней шар из нержавеющей сплава. На металлическом массивном постаменте — рельефные металлические буквы. Знак установлен в 1981 году по проекту архитектора Г. И. Наумкина (19).

Оренбургский обелиск как бы завершает меридионально вытянутый строй часовых необычной границы, некогда обозначенной В. Н. Таттшевым.

Мы рассказали о тех обелисках, что официально установлены в разные годы в разных районах Уральских гор. Но есть еще целый ряд отметок, поставленных школьниками, самодельными туристами, лесниками (например, супругами М. Е. и В. Ф. Ляпуновыми из с. Елизаветинского на старом Демидовском тракте) без согласования с местными музеями, властями, областными отделами Географического общества СССР. Возможно, что-то упущено, не учтено. Краеведы дополнят картину.

* На карте-схеме обелиск ошибочно помещен на о. Вайгач.

И. Б. Соловьева. Июнь 1963 г.
Снимок публикуется впервые.
Фото Б. Смирнова

«БЕЛЫЕ ПЯТНА»
ИСТОРИИ

ПРОДОЛЖАЯ ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

Сергей КАЗАНЦЕВ

«ВОСТОК-7», «ВОСХОД-3» — ТАКИХ НАЗВАНИЙ КОСМИЧЕСКИХ КОРАБЛЕЙ НЕ БЫЛО В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ КОСМОНАВТИКИ. КАК НЕ БЫЛО ИМЕН ТЕХ, КТО МОГ ИХ ПИЛОТИРОВАТЬ. НЕ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ...

«Белые пятна» космонавтики... Какой необходимостью оправданы они? То, что в СССР подготовка к космическим стартам велась втайне, привело лишь к тому, что после успешного полета Ю. А. Гагарина западная пропаганда вывалила массу измышлений о том, что до «Востока-1» при неудачных запусках погибли пять... восемь... четырнадцать (!) советских космонавтов. Договорились и до того, что Гагарин вовсе в космос не летал, а по приказу правительства изображал слетавшего... Оправдываясь, приходилось раскрывать «секретов» больше, чем умалчивали прежде...

Подобная ситуация повторилась и после полета В. В. Терешковой. Ребенку было ясно, что вместе с первой женщиной-космонавтом к старту готовилась и вторая — дублер. И что эта вторая поведет следующий корабль — не впустую же затрачены время и деньги на под-

готовку. Однако миновал год, другой... О подругах «Чайки» ни слова. Новая пища для недоброжелательных измышлений...

Об этих высоких материях я и не думал двадцать лет назад, когда впервые загорелся желанием выяснить, кто же во втором скафандре провожал Валентину Терешкову до самой ракеты. Это не было праздным любопытством. Где-то во второй половине 60-х годов среди журналистов Северного Урала распространился слух: дублером-де у Терешковой послужила наша землячка, чуть ли не из Серова родом, зовут Ириной. Гордость за родной край («И собственных Невтонов...») заставила искать подробностей. Однако глухая стена государственной тайны не поддавалась и тогда, когда я работал уже в областной печати.

И все же ее фамилию, имя и необычное, красивое отчество я узнал еще десять лет назад. Из очень достоверного источника, каковым оказался журналист, писатель, автор книг о Ю. А. Гагарине и Центре подготовки космонавтов, где он был не просто «своим человеком», но и начинал тренироваться для полета на орбитальную станцию, и если бы не умер Сергей Павлович Королев, который единственный мог дать, как обещал, попробовать писателю живой космос на зубок... Этот писатель — Ярослав Голованов. Надеюсь, сегодня его не накажут «за разглашение». Тем более что все эти десять лет я все равно не мог ни написать о засекреченной землячке, ни встретиться с ней — до тех пор пока не была соблюдена иерархия государственной печати: в центральном журнале «Работница» опубликовали фотоочерк о девичьей группе первого отряда космонавтов.

Их было пятеро вместе с Валентиной Владимировной

Терешковой: Жанна Дмитриевна Еркина (ныне Сергейчик), Татьяна Дмитриевна Кузнецова (ныне Пицхелаури), Валентина Леонидовна Пономарева и — дублер «Чайки», начавшая путь к космодрому с Урала, — Ирина Баяновна Соловьева.

Вот тут придется оговориться. Как ни велико желание иметь побольше знаменитых землячков, — будем честными краеведами: Ирина Соловьева родилась не на Урале, а в Тульской области, в рабочем поселке Киреевский рудник (знают ли об этом тульские следопыты?). На Северный Урал ее привезли горькой дорогой войны. Было Ирине четыре года...

Семья эвакуировалась без отца. Преподаватель истории и литературы Баян Владимирович ушел на фронт. И пропал. Пришла в ответ единственная официальная бумага: «Выбыл в другую часть». У Вечного огня в Серове отчеканено на плите и его имя. В этой памяти дань уважения и вдове — известной и любимой в городе учительнице. Вера Владимировна Писарева сейчас на пенсии. Каждый год навещает ее Ирина Баяновна.

Здесь, в Серове, Ирина окончила среднюю школу. Что дальше? У каждой эпохи свой выбор. Середина 50-х

требовала инженеров-технарей. И пошло все следующее поколение учительской семьи — Ирина, старший брат Лев и сестра Елена — в инженеры. Металлург Лев Баянович — начальник аглофабрики на Серовском металлургическом комбинате. Елена Баяновна работает в проектно-институте в Свердловске. А Ирине быть бы всю жизнь строителем. Если бы не случай...

«Не пройди мимо случая», — вспоминает Ирина Баяновна слова писателя Владимира Саннина. Случайно увидела она в своем Уральском политехническом объявление о записи в парашютный кружок. А вот мимо не прошла — не случайно. Рано или поздно, все равно бы начался полет, пусть в иных сферах. Но случай подвернулся вовремя — и студентка Соловьева, разделив свою жизнь между небом и землей, успела в небе проявить себя настолько, что ее пригласили участвовать в космическом конкурсе.

К этому времени Ирина Соловьева стала членом сборной команды СССР по парашютному спорту, имела на личном счету всесоюзные и мировые рекорды, участвовала в международных соревнованиях, готовилась к своему первому чемпионату мира парашютистов в США. Таких успехов студентка и выпускница УПИ добилась, занимаясь в Свердловском аэроклубе ДОСААФ имени Героя Советского Союза Анатолия Серова — того летчика, чьим именем назван и ставший Ирине родным северный уральский город.

«Великие люди были в нашем аэроклубе!» — Ирина Баяновна через тридцать лет без запинки называет своих наставников: начальник клуба, подполковник, фронтовик Спартак Иосифович Маковский, первый ее инструктор Дмитрий Иванович Мухачев, первый командир звена Иван Филиппович Сикорский. А инструктором в институтском кружке был Сергей Киселев — хороший спортсмен, душа команды. Сергей Александрович, муж Ирины Баяновны, тоже выпускник УПИ, неоднократный рекордсмен мира, заслуженный тренер РСФСР, и поныне ведет парашютную подготовку космонавтов. А в спортивной команде Москвы у него тренировалась Светлана Савицкая.

Птенцы быстро обучаются летать в здоровой стае. Свердловский аэроклуб выпустил немало отличных спортсменов. Но главное, он привлекал людей неравнодушных, любящих небо, и делал их друзьями на всю жизнь. Приезжает Ирина Баяновна в Свердловск, собираются в гостях у ее сестры бывшие аэроклубовцы. Некоторые уже бабушки и дедушки, а смотрятся орлами. И вот тут не удержусь от банального комплимента, хотя обещал, по требованию Ирины Баяновны, поскромнее описывать ее персону. Дай бог нынешним тридцатилетним хотя бы внешне выглядеть так, как эти заслуженные спортсмены!

Летали, прыгали — с восхищением. Упивались высотным ветром и не могли утолить всей жажды. Ирина прыгала наравне с парнями, опасаясь — по-детски, смешливо — одного: «Только бы мама не узнала!» «Маме не говори!» — напоминала младшей сестре Елене. Как будто мама не знала, не чувствовала, деликатно поддерживая заговор дочерей. Рекорды, сборная Союза — все это было и гордостью маминной, и тайным страхом за отчаянную дочь. И когда Ирина вдруг исчезла на таинственные «сборы», сердце маминно сжалось сильнее: такого еще не было.

А Ирина улетала не в Америку. Такая досада! Чемпионат мира, историческое, можно точно сказать, событие. Готовились, тренировались. А ее вдруг вызвали в Москву, на какую-то спецкомиссию. Ну какой уж очень указательный палец, как перст судьбы, пал на нее?!

Тогдашний уход из команды Ирина Баяновна до сих пор считает большой потерей. Уже объяснили ей тогда цель вызова, уже поэтические собеседования позади, пройдена поражающая своей строгостью медкомиссия, а все еще сердце шемит: ну найдишь хоть малейшая зацепка, не раздумывая, с радостью вернулась бы назад. Кажется, даже хотелось, чтобы эта проклятая зацепка скорее нашлась. Так любила свою команду, подруг.

...А секрету было из этого отбора! Татьяна Кузнецова, член той же парашютной сборной, проходя собеседования

параллельно с Ириной, вынуждена была скрывать это и от нее. То-то хохоту было, когда встретились в госпитале на заключительном обследовании...

В последний день февраля 1962-го Ирина закончила медицинское обследование. Не дожидаясь окончательного решения комиссии, отпросилась съездить домой. Наверно, почувствовала, что вот-вот — и побывка долго не удастся. Женский праздник встретила достойно: власть попрыгала на лед Верх-Исетского озера. И 12 марта по вызову Москвы явилась в Звездный.

По-журналистски нахально задаю некорректный вопрос: «Если бы знали заранее, что полететь не придется, пошли бы в отряд?» Ирина Баяновна задумывается. Проблема выбора любого из нас преследует всю жизнь. «Всегда что-то теряешь...» — медленно говорит она. «Я ни о чем не жалею, — продолжает спокойно и строго. — Главное — любимое дело осталось со мной». С того памятного, переломного дня, когда она бесповоротно выбрала Звездный, ей удалось совершить еще более 1500 прыжков с парашютом. Любимое дело скрашивало затянувшееся с июня 1963-го ожидание.

Ночь на 16 июня 1963 года она провела на космодроме Байконур, в домике, где ночевал перед историческим стартом Ю. А. Гагарин. Рядом были две Валентины — Терешкова и Пономарева, второй дублер. Все трое заранее знали, что полетит Терешкова. Радовались за подругу, не переживали. «Почему не я?!» Понимали обе — и Соловьева, и Пономарева, — что их полет, может, даже более интересный, впереди, совсем близко. Ведь у парней и года не проходило, когда взлетал дублер. Сергей Павлович Королев под большим секретом рассказал: «Скоро будем осваивать выход в открытый космос, вначале ребята, а потом ваша очередь — готовьтесь!» Еще до полета Павла Беляева и Алексея Леонова был составлен экипаж нового корабля «Восход»: командир — Валентина Пономарева, Ирина Соловьева готовится к выходу в открытый космическое пространство. Готовились. Сначала на «Восход». Потом на «Союз»-«Салют». Если бы не умер Королев...

Женскую группу расформировали только в 1969-м. Девушки наконец получили возможность заняться устройством личной жизни. Почти одновременно, через год у всех появились дети...

У Ирины Баяновны и Сергея Александровича погодки. Сын Алексей после первого курса Кировоградского летного училища гражданской авиации пошел в армию. Дочь Елена закончила 10 классов и поступила в пединститут. Бабушка Вера Владимировна довольна, и так ведь из учительской династии выпало целое поколение. Хотя... наверное, Ирину сегодня можно причислить к педагогам.

Она получила второй диплом, окончив Военно-воздушную академию имени Жуковского. В этом дипломе записано: «Летчик-инженер-космонавт». Как у Гагарина. Сегодня И. Б. Соловьева в редком для женщины звании полковника занимается вопросами инженерной психологии, подготовкой космонавтов к действиям в экстремальных условиях. Это тема ее защищенной кандидатской диссертации.

Но почему психология? Она убеждена, что именно психологии принадлежит будущее. В ней — решение проблемы «человеческого фактора» на производстве, в космонавтике, в обществе. Соловьева — не только теоретик, но и практик, проверяет на себе методику подготовки к действиям в экстремальных условиях. Это и затяжные прыжки с парашютом с большой высоты, и — особая страница биографии, тоже не упущенный случай — четыре арктических похода в составе женской научно-спортивной группы «Метелица». В прошлом году готовилась с «Метелицей» пройти по Антарктиде, даже слетала туда, к Южному полюсу, но не пошла — служба.

Ее подруги по первому отряду космонавтов тоже работают в Звездном. Кандидат технических наук В. Л. Пономарева специализируется на разработке операций сближения на орбите космических объектов. Руководитель лаборатории Т. Д. Пицхелаури организует геофизические

эксперименты на орбите. Как и Татьяна, выпускница Военно-воздушной академии Ж. Д. Сергейчик проводит с будущими экипажами тренировки на тренажерах. Каждая нашла свое, важное место в Центре подготовки космонавтов, достойно продолжая прерванный в 69-м полет.

Первая женская группа была засекречена еще больше, чем мужская. А что знаем мы о нынешних кандидатах на космический полет? И полетят ли они вообще? Годы проходят после двух орбитальных экспедиций С. Е. Савицкой, а ведь она оба раза — без дублеров приезжала на космодром... Ирина Баяновна слишком редко видит в Звездном этих девушек, они числятся в «горячем резерве» и пока, в ожидании предстартового сигнала, работают в своих НИИ. Словом, вся надежда на многоместный «Буран». В США, между прочим, на «шаттлах» летали уже 8 женщин, некоторые — не по разу.

А может, женщины вообще пока в космосе не нужны? Слышу, слышу возмущенные опровержения космических рыцарей, помню, нам всем показывали телеэкраны, какой радостью сняли лица орбитальных долгожителей-мужчин, когда они преподносили милой Светлане букетик выращенных в невесомости орхидей...

Ирина Соловьева такой награды не дождалась. К слову сказать, ошиблась, к сожалению, свердловская газета, год назад сообщив, что «после полета В. Терешковой Ирина была удостоена высокой государственной награды — ордена Ленина». Не была она удостоена ордена. Даже фотографий на память о том дне почти не осталось. А ведь до старта В. В. Терешковой репортеры на всякий случай фотографировали обеих. Не поделится ли кто из них с дублером «Чайки» и, хорошо бы, с нашим редакционным музеем или все тогда, еще в 63-м, сдано в спецхран? А в каком спецхране найдутся воспоминания И. Б. Соловьевой? Нет их. А жаль. Кое-что для нашего журнала рассказала Ирина Баяновна.

Байконурский вечер. Утром старт. Пришел Сергей Павлович Королев. Старался приободрить в своей манере — шутил. Больше поддерживал Валентину: «Ну что, завтра «мама» не закричишь?» Ночь для Ирины была не самая спокойная. После утренней зарядки Пономарева уехала на наблюдательный пункт. С ней ближе всех успела подружиться, и без нее стало как-то грустновато. Начали надевать скафандры. И тут порвалась резиновая оболочка на шее. Что делать? Нельзя же без дублера! И Ирина ощутила: теперь уж точно не ее черед. Попробовали скафандр Пономаревой. Подошел, фигурками они с Ириной одинаковы. Но все равно уже не то — в чужом скафандре не выпустят. Как бы в утешение, с соловьевского родного тайком спорили эмблему «Чайки» и подарили ей. В автобусе усадили отдельно, и она вдруг почувствовала себя одинокой. Зато какое было облегчение, когда закончилась дублерская вахта и она оказалась на старте вместе с девочками. «Восток» ушел. Валентина бодрым голосом докладывала: «Полет проходит нормально!» Вечером все вчетвером выходили встречать звездочку, проплывающую над космодромом. Переживали и радовались за подругу. Каждая твердо знала: ее звездный час впереди.

Наши земляки

Бережно храню небольшой желтоватый блокнот. Записи в нем сделаны в 1963 году в Серове. Накануне мне позвонили из Свердловска, из редакции окружной газеты «Красный боец» и попросили встретить двух ее корреспондентов. Приехали журналист подполковник Юрий Левин и фотокорреспондент Герман Чертополохов, оба хорошо знакомые мне и по публикациям, и лично, оба в прошлом фронтовики. Под большим секретом сообщили, что наша землячка, серовчанка Ирина Соловьева готовит-

ся к космическому полету. Свердловчане хотели побеседовать с матерью Ирины — Верой Владимировной.

Снова перелистываю странички своего блокнота с карандашными записями, сделанными в небольшой квартире Веры Владимировны. Недавно сверил эти беглые записки с теми документами, что хранятся ныне в Серовском историческом музее, с данными персональной музейной карты Ирины Баяновны Соловьевой, заполненной ею лично во время приезда в Серов в октябре 1987 года.

Баян Владимирович Соловьев, преподаватель русского языка и литературы в ФЗУ, и Вера Владимировна Писарева, тоже работавшая в школе фабрично-заводского ученичества, познакомились и стали супругами в нашем городе. Впоследствии они жили и на Южном Урале, и в Тульской области. Баян Владимирович не вернулся с войны, пропал без вести на фронте в трудном 1942 году. В январе этого же года Вера Владимировна с тремя детьми приехала в Серов. Тяжелой была эвакуация. Приходилось и пешком идти, и под бомбежку попадала. Потом в Кашире сели в железнодорожный эшелон. Мать вспоминает, с каким нетерпением переносили невзгоды эвакуации сын Лев и дочь Ирина. О ней Вера Владимировна сказала так: «В детстве говорила, что хотела бы стать мальчиком. Была спокойной, не капризничала. Дети были дружными».

Ирина училась в 12, 17 и 22-й серовских школах. После окончания десятилетки поступила на строительный факультет УПИ. Увлекалась парашютным спортом. В 1959 году И. Соловьева стала чемпионкой СССР. В 1961-м она добилась выдающихся результатов на международных состязаниях в Чехословакии и Франции, входя в состав сборной Советского Союза. Ирина Соловьева три раза становилась чемпионкой нашей страны, пять раз устанавливала мировые рекорды.

В марте 1962 года по рекомендации ЦК ДОСААФ Ирина Соловьева была зачислена в первый женский отряд космонавтов, стала одним из дублеров Валентины Терешковой.

В том же 1963 году, когда готовилась к полету Валентина Терешкова и ее дублеры, старший сержант Виктор Савиных завершал армейскую службу на строительстве железной дороги Ивдель — Обь, ездил с разрешения командования с Урала в Москву сдавать вступительные экзамены в институт.

Мы служили с ним в одной части, он дружил с одним из моих подчиненных солдатом Владимиром Бугаевым. Виктор Савиных учился в партийной школе, где мне довелось преподавать. Хорошо знал я и непосредственного начальника В. Савиных — уравновешенного, доброжелательного подполковника Ермолина и старшину роты Николая Шишкина.

Старший сержант Савиных командовал взводом и возглавлял комсомольскую организацию подразделения. В память о времени строительства у меня есть среди многих и две таких реликвии. Первая — машинописный литературный сборник стихов и очерков о воинах-строителях дороги Ивдель — Обь. И фотография — старший сержант Савиных читает товарищам вслух страницу из этой рукописи.

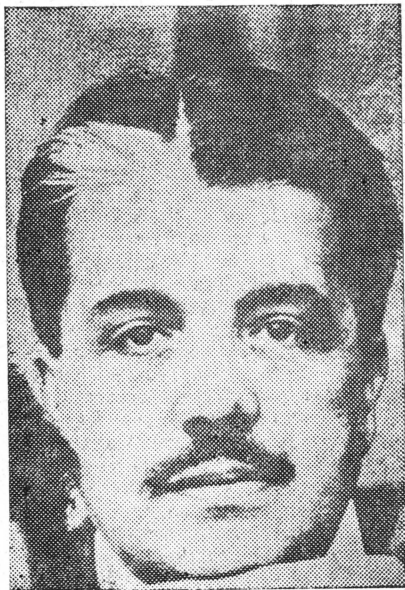
В 1978 году после окончания института Виктор Петрович Савиных был зачислен в отряд космонавтов. 12 марта 1981 года был его первый космический старт — 75 суток полета. 6 июня 1985 года второй полет — почти шесть месяцев. В 1988 году третий раз летал в космос, в составе советско-болгарского экипажа. Ныне он не только дважды Герой Советского Союза, но и удостоен звания Героя Народной Республики Болгарии.

С. ВЕРНИКОВ,
подполковник в отставке
г. Серов

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЕРГЕЯ ДЯГИЛЕВА

Надежда БЕЛЯЕВА,
Евгения ЕГОРОВА

В залах Пермской государственной художественной галереи в мае нынешнего года открылась вторая выставка «С. Дягилев и художественная культура XIX—XX вв.»

Имя этого человека у нас еще не общеизвестно. И потому закономерно будут вопросы: кто же такой Сергей Павлович Дягилев и почему выставка открылась именно в Перми?

Некоторые исследователи считают Сергея Дягилева только меценатом, другие — только антрепренером. То и другое — лишь одна из сторон его многогранной деятельности.

Сергей Павлович был необыкновенно одаренным организатором, пропагандистом русского искусства на Родине и за рубежом. Не будучи ни художником, ни композитором, ни хореографом, он прекрасно разбирался во всех видах искусства, имел верный глаз, тонкий слух, безошибочную художественную интуицию. Обладая даром «предугадывать» таланты, всячески помогал им и вдохновлял. Его «крестниками» были композиторы Игорь Стравинский и Сергей Прокофьев, танцовщики Вацлав Нижинский и Сергей Лифарь, живописцы Филипп Малявин и Борис Анисфельд...

Сергей Дягилев — потомок уральской, пермской ветви Дягилевых, переселившихся на Урал в середине XVIII века из Тобольска. Его прадед, Дмитрий Васильевич (1773—1823), сын маркшейдера, управителя Каменского завода, приехал в Пермь в 1793 году. Он был разносторонне

образованным человеком — музыкант, художник, коллекционер, библиофил. В молодости писал басни, сказки, которые печатал в первом уралосибирском журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». В семье долгое время хранился портрет родоначальника пермской ветви Дягилевых, к сожалению, утраченный*.

Почти столетие с небольшим перерывом семья Дягилевых являлась в Перми организатором концертов, спектаклей, многих культурных и благотворительных начинаний. Не случайно их фамилия довольно часто появлялась на страницах «Пермских губернских ведомостей».

Пермский период жизни Сергея Павловича Дягилева (1880—1890) наименее изучен. Исследователи считают, что он как личность сформировался в Петербурге. Тем не менее именно в Перми определялся круг его духовных интересов, ярко проявилась любовь к музыке, театру, настойчивость и воля стали доминирующими чертами его характера.

Родился Сергей Павлович 19 марта 1872 года (по старому стилю) в селе Грузино Новгородской губернии, где стоял полк, в котором служил его отец Павел Павлович, кавалергардский офицер. Мать Евгения Николаевна умерла через несколько дней после рождения сына.

Сергею привезли в Пермь восьмилетним мальчиком.

На старых photographиях — экспонатах выставки — городской театр и благородное собрание, где часто устраивались концерты музыкального кружка и любительские спектакли с участием членов семьи Дягилевых. Мужская гимназия, в которой учился Сергей. Здесь и в здании женской мариинской гимназии он участвовал в ученических спектаклях, концертах. Дом деда (сейчас средняя шко-

* Последняя хранительница семейной коллекции А. В. Панаева-Карцева умерла во время блокады в Ленинграде, и дальнейшая судьба коллекции Дягилевых неизвестна.

ла № 11 по ул. Карла Маркса, 33) был одним из самых интересных и культурных домов города. По четвергам здесь собиралась интеллигенция. Музицировали, репетировали пьесы, обсуждали репертуар предстоящих концертов. Сережа рано стал участвовать в домашних спектаклях. Это были пантомимы по сказкам. Их обычно ставили в Бикбарде, в имени деда, куда летом съезжалась вся многочисленная дягилевская семья. Красная Шапочка, Мальчик-с-пальчик, Принц в «Спящей красавице» — вот его первые роли.

Когда сыну исполнилось два года, Павел Павлович вторично женился. Елена Валериановна и Сережа сразу подружились. Она внесла в дом Дягилевых особую атмосферу приветливости и доброжелательности, вскоре стала душой всех домашних и публичных концертов, прекрасно пела, декламировала.

Большую роль в музыкальной жизни города и музыкальном образовании Сергея сыграл нермский музыкальный кружок, организованный в 1874 году Иваном Павловичем Дягилевым, дядей Сергея, профессионально образованным музыкантом, одним из восьми старшин кружка и бессменным аккомпаниатором всех концертов. Силами кружка, а иногда и вместе с профессиональными артистами ставились даже сцены из оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин».

В 1883 году Сергей поступил в гимназию. В эти годы он много занимался языками, музыкой, вокалом, пробовал свои силы в композиторской деятельности, писал стихи, рисовал, участвовал в ученических концертах и спектаклях. На photographиях этого периода: Сережа-гимназист, директор гимназии И. Ф. Грацинский, группа педагогов, программа одного из последних ученических концертов, в котором Сергей принимал участие, а также два его подлинных рисунка.

В 1890 году Сергей окончил

Пермскую гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Начался новый период в его жизни. Он берет уроки пения у известного баритона Антонио Катоньи, уроки композиции у профессора консерватории Н. А. Соколова. Пробует сочинять музыку.

Перед нами карандашный автопортрет Александра Бенуа, «президента общества самообразования», в которое Дягилев вошел сразу по приезде в Петербург. Члены общества составили потом ядро художественного объединения «Мир искусства» и редакцию журнала того же названия.

Сергей Дягилев редактирует журнал «Мир искусства», устраивает выставки произведений русских и иностранных художников. Каждую выставку он рассматривает как самостоятельное произведение, в котором «все части объединены каким-нибудь внутренним смыслом». Выставку украсили картины «мирискусников» из фондов Пермской галереи.

В 1904 году объединение «Мир искусства» и журнал прекратили свое существование. Через шесть лет общество возродилось вновь, но уже без Дягилева.

Несколько экспонатов рассказывают о грандиозной историко-художественной выставке русских портретов, устроенной Дягилевым в 1905 году в Таврическом дворце. На ней было представлено свыше 2000 портретов XVIII—XIX веков, собранных Сергеем Павловичем по старым дворянским усадьбам. Это была последняя выставка, организованная Дягилевым в России. А через год он осуществил свое давнее желание — познакомить западную Европу с русским изобразительным искусством. 15 октября 1906 года в Париже открылась ретроспективная выставка «Два века русской живописи и скульптуры». Она занимала 12 залов

в Большом дворце Елисейских полей.

Успех выставки окрылил Дягилева. В 1907 году он организовал в Париже Русские исторические концерты с участием Римского-Корсакова, Рахманинова, Глазунова, Шаляпина. А в 1908-м показал новую постановку оперы «Борис Годунов» с Шаляпиным в заглавной роли и декорациями Александра Головина.

Затем Дягилев впервые организовал в Париже спектакли русского балета. Это было трудное и смелое предприятие: балетное искусство на Западе переживало упадок и мало ценилось. Новизна русских балетных сезонов состояла в том, что их создатели стремились сделать балет целостным и гармоничным произведением искусства, синтезом хореографии, музыки и живописи. Были показаны такие балеты, как «Половецкие пляски», «Жар-птица», «Петрушка», «Весна священная» и «Золотой петушок».

Для осуществления своих замыслов Дягилеву требовались огромные средства. У него их не было. Не раз он оказывался на грани финансовой катастрофы. Спасали поддержка и сочувствие выдающихся представителей русской культуры.

Великая Октябрьская социалистическая революция застала Дягилева за рубежом, и он, не будучи эмигрантом, оказался среди эмигрантов, что наложило определенный отпечаток на его отношения с Советским Союзом.

Тяжелые годы войны и неустойчивое послевоенное время осложнили миссию Дягилева. Он был оторван от России. Его блестящая труппа стала тускнеть. В этот период Дягилев сотрудничает и с мастерами западноевропейской культуры: Пабло Пикассо, Жоржем Браком, Анри Матиссом, Дебюсси, Сати и др.

В последние годы жизни он увлекся библиофильством, стал «неис-

товым собирателем русского прошлого — русской книги». Ему удалось отыскать и приобрести свыше двух тысяч русских изданий, большое количество автографов деятелей русской культуры. Память о России не покидала Дягилева, и он надеялся, что все найденное им вернется на родину. Осуществить это ему самому было не суждено. 19 августа 1929 года он скоропостижно скончался в Венеции, где и был похоронен друзьями. Семья у него не было.

Сразу после смерти Дягилева стали вырисовываться контуры этой, по словам Бориса Асафьева, «замечательной в судьбах русского искусства личности». Выяснилось, что он был ведущим и цементирующим началом в среде высочайших современников — участников «Мира искусства» и «Русских сезонов».

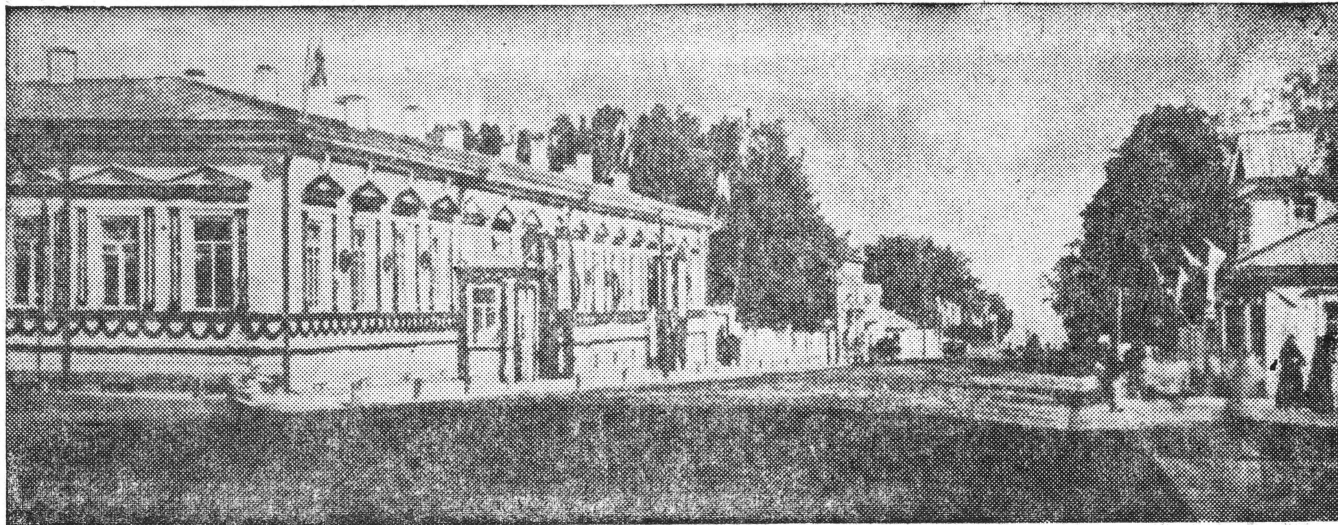
С годами деятельность Дягилева получает все большее признание. В Монте-Карло, где в течение многих лет выступала труппа Дягилева, на скале была установлена мемориальная доска в его честь и воздвигнут памятник. Площадь около Большой оперы в Париже получила имя Сергея Дягилева. В Италии был создан сценарий фильма о Дягилеве, а в Париже поставлен балет.

Во многих городах мира прошли выставки, посвященные театральной деятельности Дягилева. Особое место среди них занимают франко-советские выставки «Париж — Москва» и «Москва — Париж».

Пермские краеведы настойчиво ищут ответа на вопрос: возвращался ли Дягилев при жизни в Пермь? Но бесспорно одно: он вернулся на Родину через 60 лет после того как мир попрощался с ним в Венеции. Вернулся навсегда.

Дом Дягилевых в Перми, 1887.

См. 1—2 стр. вкладки

С ГОДАМИ ПРОШЛОЕ БОЛЬНЕЙ...

МОЯ ЗВЕЗДА

О звезда моя!
Мне помнится,
До тебя —
Был молод, смел! —
С новгородской часозвонницы
Дотянуться я хотел.

И судьба, и руки вскинулись!
Но, почуя твой восход,
На меня все тучи двинулись,
Поднимаясь из болот.

Жизнь, как жизнь, —
Была неласкова.
Ну и ладно —
Пел, как пел...
Я к тебе с хребта Уральского
Дотянуться захотел.

Руки я воздел усталые
К небу за границей дня!
Но смолчали горы старые,
Ввысь не подняли меня.
А живу в твоём лишь свете я,
Ты пьянишь, и дух, и кровь!..
Но ни горная Осетия,
Ни Москва семи холмов,
Ни мечты, что душу холили,
Даже радость от труда
Дотянуться не позволили
До тебя,
Моя звезда.

То исчезнешь ты,
То вынырнешь.
Только понял я уже,
Дотянусь к тебе с вершины лишь,
Обозначенной в душе.

Тени туч упадут на широкое поле.
И по долам покатится гром
И в столицу ворвется.
В жильё городском
Он достанет меня: «Не забудь,
Кто ты есть,
Где остался родительский дом».
И смутится душа,
Затоскует о воле,
Впору —
Ворот рубахи рвануты!

Но живет моя воля,
Где стыдно и больно
За сиротство отеческих нив,
На которых тальник разметался
привольно,

А осинник
Давно не пуглив.

Новгородский ленок,
Голубые ресницы
Неужели смежил ты навек?
Неужели иссякнул и духа криницы
Вдоль теченья скудеющих рек?

...Даже осенью поздней
На древнем, на мгlistом,
На родимом своем берегу
Так хотел бы я стать
Записным оптимистом,
Да вот только пока —
Не могу!

НОЧНОЙ ДОЖДЬ В АЛАПАЕВСКЕ

Чем глубже ночь,
Тем дождь слышней.
Тишь на душе не значит — гладь.
Прислушаться к судьбе своей.
Взять авторучку.
И смолчать.

Не ладят с чувствами слова.
Так дождь прудов поверхность рвет,
Но не поймет их естества
И тайных глубей не проймет.

С годами прошлое больней...
Не скажут ни глагол, ни бог,
Чем в жизни сделался моей
Среднеуральский городок!

Нам друг от друга ничего
Не надо.
Мы родня уже.
Я храм разрушенный его
Восстановил
В своей душе.

ОДНО ТОЛЬКО И ПЕЧАЛИТ...

Когда душа отмечает
Свой праздник — труда венец,
Одно только и печалит:
Не видит меня отец.

Когда в беде выручает
Свет дружеского огня,
Одно только и печалит,
Что мамы нет у меня.

Когда жена привечает
Гостей и ко всем — добра,
Одно только и печалит,
Что далеко сестра.

Когда рука отвечает
Пожатьям случайных рук,
Одно только и печалит,
Что не со мной мой друг.

Когда и мороз крепчает
И чувствую убыль сил,
Одно только и печалит,
Что сына я не взрастил.

...Никто-то нас не встречает
Там, за морем бытия!
Одно только и печалит,
Что все же не вечен я.

ДВА ДОМА

Нине

Бревенчатый праздник —
Родительский дом!
И рады тебе старики.
И ручки дверей отзовутся теплом
Твоей же —
Но детской! —
Руки.

Как дорог, целебен,
И сладок, и густ
Здесь воздуха каждый глоток.
Уронит свой иней калиновый куст
На старенький мамин платок.

К лицу тебе этот платок
И к судьбе...
А печь запоет и заплачет в избе
От нежности и от тепла!
И что-то такое расскажет тебе,
Что в детстве сказать
Не смогла.

Мать глянет в окно:
— Без тебя-то он как —
Московское горе твое?..
Да так вот —
Соломенный я холостяк,
Жилплощадью стало жильё,
Шкафы научились ночами скрипеть
Про то, что разлука долга...
Приедешь,
Москву попрошу я надеть
Свежайшего хруста снега!

Сухою поземкой асфальт подмету,
Которым ты к дому пройдешь.
Так робко приникнешь ко мне
на ходу
И так обреченно вздохнешь!

ВЛАДИСЛАВ
КРАПИВИН

РОМАН
В ТРЕХ
КНИГАХ

И ОСТРОВА КАПИТАНЫ

НАСЛЕДНИКИ

(Путь в архипелаге)

Рис. Евгении Стерлиговой

Окончание. Начало в № 11 — 1988 г.

Третья часть

ДВА МЕЧА

Отцы

За окном давно стемнело, но Егору не хотелось включать лампу. Он лежал и смотрел в затянутый пепельным сумраком потолок. И тихо себя ненавидел. Бурная злость уже перекипела, едкая досада рассосалась. Осталась вот эта презрительная спокойная ненависть к идиоту Егору Петрову, который наделал столько глупостей.

Все ходы рассчитывал, планы строил, а что получилось!

И был еще страх — никуда не денешься. Вспомнил визгливо-металлический голос Классной Розы: «Ты знаешь, что Олегу Валентиновичу в учительской стало плохо?! Ему вызвали «скорую»! Если что-то случится, виноват будешь ты! Именно ты!»

Что за проклятая участь у Егора Петрова? Почему из-за него люди оказываются на границе жизни и смерти? Вдруг у Наклонова в самом деле инфаркт или еще что-нибудь такое?

Разве Егор хотел для Наклонова какой-то беды? Он хотел только, чтобы повесть снова стала повестью Курганова! Но если... если случится с Наклоновым самое страшное, кому какое дело будет до повести? «Мертвые сраму не имут»... Кто станет слушать восьмиклассника Петрова? И как он спасется от вечной вины?

«Да не трепыхайся ты, ничего не случится! — крикнул себе Егор. — Мало ли к кому вызывают «скорую» и дают валерьянку? Смотри, как бы самого не пришлось каплями отпаивать! Псих...»

Ну, а если никакой беды с Наклоновым и не будет, чего же добился Егор? Наклонов перепишет

В наш рациональный век паруса — не самая главная приверженность человечества. Тем не менее люди не так уж редко обращаются к ним — памятью, чувствами, мечтой о несбывшемся.

Среди них — и дети, и взрослые. В том числе и те, кто своим талантом и мастерством воссоздает маленькие копии кораблей прошлых эпох.

В фотоиллюстрациях Игоря Горячева к роману «Острова и капитаны» вы видели модели парусников, построенные Г. А. Архиповым.

На обложке этого номера — работа Е. Т. Ершова. Так, по мнению мастера, выглядела «Арабелла» капитана Блада.

эпилог другими словами и потом крути магнитофон, доказывай! А повесть с названием «Паруса «Надежды» и с фамилией О. Наклонов пойдет в печать...

«Нет, не пойдет, — подумал Егор. — Он же не знает, что у меня только эпилог. Он думает, наверно, что у меня вся повесть. Экземпляр, про который никто раньше не знал... А всю повесть не переписать по-своему, таланта не хватит...»

Егор вдруг представил, как Наклонов лежит в своем кабинете на диване, тоже в темноте, и тоже думает о повести: что теперь делать?.. А может быть, не до того ему? И может быть, он не дома, а в больничной палате, и неслышно суетятся у кровати врачи и сестры, тихо звякают шприцами...

А вдруг уже и не суетятся?..

А в пустой отцовской комнате мается от долгой, неуходящей тревоги Денис Наклонов, глядит на телефон, который может вот-вот взорваться зловещим звонком... Глядит, мучится страхом за отца и ненавидит Егора... Он-то, Денис, ненавидит его справедливо. Потому что — сын.

...А если Олег Валентинович жив-здоров и даже смирился с потерей повести, что дальше? Для читателей-то повесть Курганова тоже потеряна! Наклонов сожжет все экземпляры, чтобы раз и навсегда спасти себя от обвинений...

А как надо было поступить? Подойти и один на один сказать: «Олег Валентинович, верните рукопись?» Ага, так бы он и разбежался возвращать!.. Или дожидаться, когда у Наклонова выйдет книга, и поднять шум? Да, но сколько ждать-то... Да и не думал об этом Егор, кинулся в бой очертя голову...

В доме было тихо. Мать куда-то ушла, отец, наверно, лежал у себя. Он жил теперь неслышно, молчаливый, угасший. Придет с работы и сразу ложится. Мать боялась за него.

...Раздались медленные шаги, открылась дверь. В освещенном прямоугольнике показалась фигура отца. Он держался за косяки. По краям сухой длинной головы, на висках просвечивали клочковатые волосы.

— Егор, ты дома? — Он спросил это вполголоса.

— Дома...

— Что лежишь в темноте?

— Зачем он, свет-то?

— Думаешь?

— Ага...

— Что-нибудь случилось?

— Да так... всякое...

— Неприятности какие-то?

— Ну, какие у меня могут быть неприятности? Мелочи жизни... Суета сует, как сказано в Библии...

— Ну-ну... размышляй.— Отец ушел. И была секунда, когда Егор едва не сказал: «Папа, постой...» Потому что сил нет переваривать в себе все, что случилось. Хоть с кем-то поговорить бы... Может, отец поймет? Ведь сам он, Виктор Романович, вон сколько пережил недавно, должен и чужие несчастья чувствовать...

А должен ли? Может, за своей бедой другие беды ему кажутся пустяками? Закон оптики, перенесенный на мышление...

Ну, а сам-то Егор лучше? Когда отец пришел после того собрания, разве пытался Егор сказать ему хоть что-то хорошее? И в мыслях не было. И не могло быть, раз жили они как чужие.

А сейчас можно ли рассказывать отцу про то, что связано с тем, с первым отцом? Лишний раз по нервам бить. Он и так живет, будто не знает, зачем ему жить... Может, правда не знает? Все потерял, что было: высокую должность, громкое имя, партбилет, любимую работу... Пусть хоть что говорят, пусть он химичил, приписывал, о личной выгоде думал, но цех свой все равно любил. Это даже и Егор видел. Может, ничего другого отец и не любил по-настоящему... В том-то и беда.

...Дверь осталась открыта, Егор видел в ней угол зеркала в прихожей и тумбочку с навсегда замолчавшим телефоном.

Если бы работал телефон, первое дело — позвонить Михаилу: «Гай, я такого тут нагородил! Гай, послушай... А может, приедешь? Мне совсем невмочь одному...»

Но сейчас как позвонишь? Опять идти к Ямщиковым? Сколько можно! Еще за прежний разговор деньги не отдал... Кинуться к Ревскому? Но тогда придется все ему рассказать. И скажет Александр Яковлевич: «Мы же говорили о необратимых последствиях, помнишь?» А Егору и так тошно...

Попросить у отца три рубля и пойти на почтамт?.. Но туда надо тащиться через полгорода, а тело ноет, как после побоев...

Плохо, когда человек один, недоброе это дело и суета сует... Так, кажется, Курбаши говорил? Где он сейчас, Курбаши?.. Недоброе дело...

Есть еще Юрка Громов. Но чем он поможет, что посоветует? Сегодня шли они домой вместе, и Юрка бесстрашно доказывал Егору, что все равно они правы и завтра на собрании правоту эту с боем отстают. И Егор дурацки так, бодрячески на прощание хлопнул Юрку по плечу: «О'кэй. Завтра наша возьмет...»

Это Классная Роза, накричавшись, заявила, что на завтра назначает собрание. И пусть все члены студии тоже приходят. И тогда в полной красе предстанет перед всеми личность Егора Петрова, по милости которого студия лишилась руководителя — прекрасного писателя и человека. Пусть Петров, если есть у него хоть капля смелости и порядочности, держит ответ.

Он согласен держать ответ. Он даже попытается что-то доказать. Не Классной Розе, конечно, — это никогда никому еще не удавалось, — а ребятам... Хотя что им Егор Петров со своими доказательствами? Для одних он — Петенька и Кошак. Для других — злодей, лишивший студию руководителя.

И все же о завтрашнем собрании думал Егор с облегчением. Всякий бой, даже безнадежный, лучше тоскливого томления.

Что угодно ожидал Егор, но чтобы на собрании оказался Денис Наклонов — такого в голову не приходило! А он был здесь. И сидел там же, где и в первый раз — на крайнем диванчике у двери. Накупленный. С Егором они зацепились взглядами и отвели глаза. С отчуждением и тяжелой стыдливостью...

Собравшиеся в клубной гостиной четко делились на две половины — и по размещению и по настроению. Два десятка студийцев — от ершистого пятиклассника Борьки Глебова до царственной десятиклассницы Алевтины Докунинной — как бы излучали единое энергетическое поле. В нем было содержание негодование и болезненный интерес к собраниям. А представители восьмого «А» демонстрировали смесь жидкого раздражения и флегмы. Им хотелось домой. Но еще на первом уроке Классная Роза намекнула, что отношение восьмиклассников к собраниям — показатель их общественной активности. Отсутствие этой активности, естественно, будет отражено в характеристиках, а характеристика — первый документ, по которому смотрят: брать человека в девятый класс или рекомендовать ему одно из ближайших ПТУ. И сейчас можно было сразу вычислить, кто из одноклассников Егора стремится в будущем году продолжать образование в родимой школе. Пришло из восьмого «А» чуть больше половины.

Им было почти все равно, что там натворил Кошак и правда ли, будто у писателя Наклонова с Гошкой-Петенькой какие-то счеты. Рукопись какую-то не поделили? Оно любопытно, конечно, однако не настолько, чтобы торчать в школе лишних два часа.

На перемене лишь невозмутимый Максим Шитиков небрежно поинтересовался у Егора:

— Что же это за «дикий йи безнравственный поступок» совершил ты, Петров? Из-за чего намечено собрание?

— Останешься — узнаешь, — буркнул Егор.

— Интригуешь?

— Само собой...

Громова Егор спросил:

— Никому не рассказывал, в чем дело?

— Никто и не спрашивал... Бутакова что-то трепала девчонкам, а со мной не говорила...

«Никто и не спрашивал». Что же, это понятно. Много ли сам Петенька спрашивал, если у кого-то что-то случилось? Восьмой «А» давно уже вырос из наивных рамок пионерско-октябрьского коллективизма. Люди взрослые, каждому свое. Кому-то билеты зубрить для экзаменов, кому-то прошвырнуться по весенним улицам: погодка-то — закачаешься...

Юрка смущенно сказал:

— А Розушка вчера отцу на работу звонила. Причем хитро так: «Ваш Юра еще маленький, доверчивый, как пятиклассник, а этот Петров его втянул в неприятности. Вы повлийте на Юру...»

— Да, влип ты из-за меня, — виновато отозвался Егор.

— А чего я влип? Батя у меня мужик прямой. Сразу ей и врубил: «Его, говорит, втянуть нельзя, если сам не захочет, он, как Иванушка перед печкой Бабы Яги, руки-ноги растопырит и не лезет. А если втянулся, значит, считает, что справедливо...» Роза, конечно, в крик. И, конечно, про девятый

класс. А отец ей: «Вы его шкурничеству раньше срока не учите, его и без вас этому жизнь учить будет. Пусть хотя бы, пока не вырос, человеком поживет...»

Егор подумал, что такие, как Юрка, «человеками» живут до конца.

— Повезло тебе с отцом.

— Да ведь и тебе... повезло,— тихо сказал Громов.— С Нечаевым...— И виновато засопел. Ну, в самом деле, как пятиклассник.

Несмотря на эту виноватость и сопение, слова Громова Егору помогли. Тверже его сделали. И собрания ждал он почти спокойно.

Окна гостиной смотрели на запад и на юг. За ними плавился апрельский день. На солнечной стороне пришлось задернуть тонкие, салатного цвета шторы. Воздух стал зеленоватым, лица травянистыми. А у Классной Розы острое ромбовидное лицо было землисто-болотным, когда вышла к столу.

Роза Анатольевна сразу взяла быка за рога:

— Пусть Петров выйдет сюда и объяснит свой вчерашний чудовищный поступок.

Егор с радостью и благодарностью ощутил в себе хорошую злость, ту, которая не дает трусить и сбиваться в словах.

— Если заранее решили, что он чудовищный, чего объяснять?

— Ты иди сюда! Перед всеми! И тогда говори!

— Может, еще скамью поставить? Как в суде? — сказал Егор.— И двоих с пистолетами?

— Это от тебя не уйдет. А пока обойдешься без скамьи.

— Мне здесь удобнее.— В самом деле Егору не хотелось нести к столу «Плэйер» с динамиками, а он мог пригодиться.

— Боишься,— с удовольствием сказала Классная Роза.— Разумеется! Придется смотреть всем в глаза. Своим товарищам...

«Если бы товарищам...»

— Ии вот ему!— Роза Анатольевна выкинула руку в сторону Дениса.— После всего, что ты сделал с его отцом! Как ты будешь смотреть ему в глаза? Ну, посмотри, посмотри!

— И посмотри!— рявкнул Егор. И встал. И глянул на Дениса прямо и яростно.— Я что, украл у него что-то? Я сказал, что было!

Взгляды сошлись. И стало тихо. Секунды три Денис не отводил сумрачные глаза, потом перевел их на Классную Розу. И тоже встал.

— Ничего Петров у меня и у отца не украл.— сказал он медленно и негромко.— Наоборот, он отца в краже обвиняет... И, наверное, Петров в самом деле считает, что он прав. Тут не кричать надо, а разобраться...

Теперь не только студийцы, но и одноклассники Егора слушали с интересом. («Значит, это сын писателя!»).

— Петров говорит про какую-то старую рукопись...— покусывая губы, продолжал Денис. Он смотрел теперь мимо Классной Розы, на светлую штору. Быстро шевелил пальцами опущенных рук.— Ну, наверное, рукопись когда-то была на свете... И совпадения могли быть. Если два человека пишут на одну тему, они берут материал из одних источников. У отца полным-полно старых книг про Крузенштерна

и про Севастополь... И у того человека, который ту рукопись писал, они, наверно, тоже были. Конечно, могут быть совпадения...

— Из слова в слово...— сказал Егор. Он не сдвинулся.

— Помолчи, дурак!— взвизгнула Бутакова.

— Сама не визжи!— громко сказал Громов.

Денис посмотрел по очереди на всех троих и опять стал смотреть на штору. И объяснил тем же ровным тоном:

— Бывает, что из слова в слово. Если один источник... Про Севастопольскую оборону есть роман у писателя Сергеева-Ценского, а раньше, до революции еще, вышел роман про то же самое, писателя Лавинцева. Там есть страницы, которые тоже совпадают, мне отец вчера показывал. Ну так что же? Сергеев-Ценский украл рукопись, что ли? Они просто одни материалы изучали...

«Вчера показывал»,— отметил про себя Егор. С радостью. Значит, сердечный приступ у Наклонова был не такой уж сильный. Стараясь говорить ровно, в тон Денису, Егор заметил:

— Можно изучать материал, который есть на свете. А где Олег Валентинович взял Алабышева?

— Он же объяснил: слышал от Нечаева...

— Не мог он слышать! Я выяснил точно!

Денис опять повернул к нему лицо. Сказал без всякой злости, будто уговаривал:

— Но как можно выяснить точно то, что было тридцать пять лет назад?

— А как можно точь-в-точь написать два одинаковых эпизода двум разным людям? Про человека, которого на свете не было...

Денис глянул спокойно и непримиримо.

— А ты уверен, что все точь-в-точь?

— На, сравни!— Егор выхватил из сумки листы.— Передайте Денису Наклонову.

Услужливо протянулись ладони, бумаги пошли по рукам.

Роза Анатольевна со стуком уперлась в стол деревянными кулачками.

— Мы здесь не затем, чтобы проводить расследование! Никому и в голову не приходит в чем-то подозревать Олега Валентиновича! Замечательного писателя и человека, который отдает столько сил... Кстати, Денис, как он себя чувствует сегодня?

— Спасибо, лучше.— нехотя сказал Денис.— У него такое и раньше бывало, это ничего...

— Передай Олегу Валентиновичу, что мы все... все ему сочувствуем и очень сожалеем... Ии все мы надеемся...

Денис уже сидел, глядя в листы. Он поднял голову.

— Я ему ничего передать не смогу. Он ведь не знает, что я сюда пошел. Я сам...

Роза Анатольевна помолчала и печально кивнула. И обвела собравшихся медленным взглядом.

— Вот видите. Человек лежит... Сын, ваш ровесник, пришел защищать его. А вы... что же вы-то молчите? Почему не спросите Петрова?

Студийная половина ровно загудела. Как угрожающе перегретый трансформатор. Но первым высказался невозмутимый Максим Шитиков:

— А о чем следует спрашивать? О деталях этой детективной истории?

— Нет!— Роза Анатольевна выпрямилась.— Мы здесь не для того. Мы просто должны спросить Пет-

рова: по какому праву он бросил в лицо заслуженному человеку, нашему общему другу, оскорбление и беспочвенное обвинение?

— Беспочвенное? — сказал Егор.

— Ответ: по какому праву?

Она всегда любила повторять эти слова. С четвертого класса. «По какому праву ты считаешь возможным не учить уроки?.. По какому праву ты как бешеный носишься на перемене?» Это воспринималось просто как поговорка. Но сейчас Егор понял: в словах о праве есть конкретный смысл. И не ответить — значит, отступить. И он сказал, что чувствовал:

— По праву наследства.

— Что-о?

— Да! Мой отец был другом Курганова, автора этой повести! Он ему помогал! Он даже спас однажды ему повесть! А потом Курганов умер...

— Тогда почему не отец, а ты суешься в это дело?

— А как может отец? Если он тоже умер?

— Что-о? — опять сказала она.

Одноклассники смотрели на Егора изумленно. Ведь никто, кроме Громова, толком ничего не знал. Если раньше и слышали что-то, не принимали всерьез.

— Я говорю про родного отца, про инженера Нечаева. Он погиб в шестьдесят седьмом году. Он был конструктор подводных аппаратов.

— Чушь какая, — убежденно произнесла Роза Анатольевна. — Постыдился бы...

— Чего?

— Ясно чего... Когда нельзя стало прятаться за одного отца, придумал себе другого...

Да, была секунда, когда ему хотелось заорать на нее по-сумасшедшему. Швырнуть в нее чем-нибудь, зареветь в голос. Хлопнуть дверью... Но это как горячая волна — прихлынуло и отошло. И стало зябко и спокойно. Показалось даже, что рядом тикает старый хронометр: держись, мол. И Егор нашел для ответа подходящие слова:

— Отцов, Роза Анатольевна, не придумывают. Они какие есть, такие и есть... Это вы придумали, будто я за отца прячусь. А я хоть раз прятался? Вы сами его боялись... а теперь злорадствуете.

— Ты соображаешь, что мелешь?

— Когда это я за него прятался и когда он за меня заступался? И зачем тогда вы сами приходили заступаться за меня перед ним в четвертом классе?

— Вижу, что зря приходила! Мало он тебя, негодяя, порол!

Егор совершенно отчетливо ощутил в ладони шероховатость деревянной ручки и тяжесть длинной стамески. Но он словно разжал пальцы. И стамеска будто выскользнула из руки и воткнулась в половицу рядом с ногой. Все было абсолютно бесполезно. Что тут спорить? Егор засмеялся и устало сказал:

— Вам ведь всем здесь наплевать, чья правда. Вам главное, что он — писатель, а я никто. Значит, я виноват...

— Ты виноват не поэтому, — начала Роза Анатольевна, но приоткрылась дверь. Классная Роза посмотрела на нее с раздражением. Потом пошла — видно, кто-то поманил ее.

Сорок с лишним человек проводили Розу Анатольевну глазами и молча ждали возвращения. И в

тишине стали слышны за приоткрытой дверью громкие слова:

— Чей отец?.. Не может быть.. Скоропостижно? Ужас какой... Нет, лучше вы сами, я только что... нет...

Егор быстро взглянул на Дениса. Тот сидел с окаменелым лицом. Вошла директорша Клавдия Геннадьевна. Классная Роза пряталась за ней, как виноватая школьница. Тишина стремительно заполнилась тугим звоном. Денис комкал на коленях листы с эпилогом. Но Клавдия Геннадьевна не посмотрела на Дениса. Она сказала, глядя мимо Егора.

— Петров... ты иди сейчас домой, Егор. У вас дома несчастье...

Апрель

Хоронить отца на «престижном» Березовском кладбище не разрешили. Оно считалось закрытым. Исключения делались только для высоких чинов, по особым письмам. Вот если бы инженер Петров успел умереть начальником экспериментального цеха, тогда конечно. А теперь чего ж...

В похоронном бюро матери предложили «компромиссный» вариант. Крашенная девица-агентша бодро сказала:

— Если у вас на Березовском найдется родственная могилка, усопшего можно кремировать, а урну захоронить в этой могилке.

«Родственная могилка» была. Дяди Сережи, мамино брата. Мать вздохнула и согласилась. Потому что «открытое» кладбище располагалось бог знает где, в болотистом лесу.

Егор стоял рядом с матерью и смотрел, как девица бойко давит кнопки калькулятора — подсчитывает погребальные расходы, — и думал, что в этой конторе не чувствуется ничего похоронного. Наоборот, солнечно, цветочки на подоконниках, разговорчивые тетушки за столами. На стене плакат с Аллой Пугачевой и кинолентами, такой же, что висел в «таверне»...

Крематорий тоже не вызвал скорбных ощущений. В зале с неяркими светильниками в виде факелов и тяжелыми бронзовыми решетками на дверях пахло чистым холодным камнем, как в вестибюле большого музея. Голоса звучали сдержанно и деловито. Молодая красивая женщина-распорядитель в черном костюме похожа была на экскурсовода.

Егор не испытывал никакого горя. Грустное сожаление, даже сочувствие к отцу, пожалуй, было. Потому что умер Виктор Романович в несчастье, с сознанием потерь и поражения... Впрочем, умер спокойно, без приступов и врачей. Не проснулся утром, вот и все.

Жаль, конечно, было Егору плачущую мать. Но Алина Михеевна плакала не сильно, держалась твердо, и это нравилось Егору.

Людей на похороны собралось немного. Произнесла несколько суховаато-печальных слов женщина-распорядитель. Выступил Пестухов. Сказал, что Виктор Романович был вечным тружеником и что бы там ни говорили, а цех построил он. Жизнь сложна и часто ставит людей в такие обстоятельства, в которых не всегда и не каждый может найти правильный выход. Жертвой таких обстоятельств стал и Виктор Романович. Но эта же самая жизнь в конце

концов расставляет все по местам. Со временем водятся и памяти товарища Петрова. А лучший памятник — это все тот же цех.

Больше никто не говорил, молча прошли по кругу у постаментов с гробом. У Егора так ни разу и не намокли глаза. И даже когда женщина-распорядитель нажала похожий на автомобильный переключатель скоростей рычаг и гроб с заострившимся профилем отца плавно ушел в гранитный колодец, Егор смотрел спокойно...

Поминок не было. Пестухов отвез Алину Михаевну и Егора домой. Мать принялась разбирать отцовские бумаги, Егор томился. Хотелось уйти куда-нибудь, но оставлять мать одну было неловко. Тогда он сел за билеты для экзаменов по русскому. До них, до экзаменов, не так уж далеко, а Классная Роза постарается свести с Петровым все счеты. Грудью встанет на его пути в девятый класс. Ну, поглядим...

На следующее утро Егор с облегчением пошел в школу. В классе поглядывали на него с молчаливым сочувствием. Даже Роза. О разборе истории с рукописью никто не напоминал. И Егор подумал, что первый раз отец действительно защитил его настояющему. Своей смертью. Это была нехорошая мысль, он понимал, но мыслям-то не прикажешь.

Юрка Громов на первой перемене подошел и просто сказал:

— Егор, может помочь в чем-то надо? Когда такое случается, всякие дела выбают...

— Да нет, все уже... вздохнул Егор. — Спасибо... — И вдруг спросил: — У тебя есть велосипед?

— Конечно!

— Дашь прокатиться? Голова такая... хочется, чтобы проветрило на скорости. Чтобы от всего уехать...

— Бери на сколько хочешь... А у тебя разве нет? — удивился Юрка.

— Мать боится... У нее брат разбился на мотоцикле, она колеса видеть не может...

Бутакова издали поглядывала на Егора, словно хотела подойти и что-то сказать, но не решалась. Он не отвечал на ее взгляды. Ее предательство на недавнем собрании высветило Светочкину натуру полностью... Впрочем, какое предательство? Она что, в друзья записывалась к нему? Подумаешь, газеты вместе развешивали... Да и ничего плохого она не говорила на собрании. Один раз только на Юрку вякнула, а так все молчала. Хотя молчание иногда — тоже предательство... Ну, а чего Егор хотел от нее? Прирожденная активистская деятельница, вечная адъютантша Классной Розы. Сейчас небось трясется, не повредило бы ей, что связалась с Венькиными газетами...

Одно у Светки хорошее — фамилия. Был такой герой в Первой Севастопольской обороне. Даже два. Егор читал о них недавно в журнале «Вокруг света». Он теперь все внимательно читал, что попадалось о Севастополе. И о Крузенштерне...

Когда Егор подходил к дому, его догнал Михаил. Ох как Егор обрадовался! Пожалуй, впервые при встрече с Михаилом заулыбался так счастливо и открыто.

— Что же ты... не позвонил даже? — тихо сказал Михаил. — Я от Ревского узнал... о смерти Виктора Романовича.

Егор насупился:

— А Ревский откуда знает? В газете даже объявления не было.

— Знает откуда-то... Егор, это как? Из-за сердца?

Егор кивнул.

— Мать очень убивается?

— Да знаешь, держится...

— Вот такая она жизнь... — сказал Михаил.

Они шли вдоль дома, по сухому асфальту, и от нагретой бетонной стены ощутимо веяло теплом. Апрель...

— Пошли к нам, — позвал Егор.

— Неудобно.

— Ну, ты что? Так и будешь всю жизнь от матери прятаться? Смешно же...

— Не буду. Но сейчас не время... Давай погуляем.

И пошли они по солнцу. Серые крошки снега еще лежали в тени заборов, а ветерок, шумевший в голых тополях был совсем теплый. Михаил без шапки. Егор тоже сунул свою вязаную шапку в карман. Спросил:

— Ты специально ко мне приехал?

— Да... То есть я бы и так приехал, но тут еще совпало: Витька домой привез. Мать потребовала.

— Ну вот... Опять все пойдет у них кувырком...

— Кто знает... Она вдруг начала такие письма слать: «Соскучилась по Витеньке, пусть едет скорее, все будет по-другому...»

— А он?

— В том-то и дело, что он тоже: «К маме хочу... Может, наладится у них...»

— Ох, не верится.

— Ну, поглядим. Захочет обратно — заберу. А спорить, когда мальчишка к матери просится... Особенно после случая с Димкой... Ревский рассказывал?

— Еще бы!.. Как этот тип, которому ты смазал, поживает?

— Жаловался. Сперва даже судом грозил...

— Какой суд? Ты же его без свидетелей!

— Если бы... Это я Ревскому сказал, чтобы его не расстраивать. А вмазал я тому гаду при ребятах. И очень звонко... Но в суд он не пойдет, я ему пригрозил ответным иском: о нарушении тайны переписки, которое привело к тяжким последствиям...

— А куда же он жалобы писал?

— В приемник, моему прежнему начальству. Но Старик ехидно ответил, что старший сержант Гаймуратов по состоянию здоровья из органов уволен и потому никаких санкций руководство приемника-распределителя применить к нему не может... Тогда он разнюхал, что я устраиваюсь в «Комсомолец», написал в редакцию...

— И что?

— Ничего... Работаю поэтому в многотиражке Среднекамского пароходства. Товарищ Витя Короткий в «Комсомольце» развел руками: «Я всей душой, но понимаю...» Впрочем, это и к лучшему...

— Почему? — не поверил Егор.

— Правда, к лучшему. Пришлось бы в университете переходить на журфак, а я не хочу.

— По-прежнему в педагогу тянет?

— Ты знаешь, по-прежнему. Или пусть с ребятами работают такие, как тот... битый?

«А он все равно работает», — подумал Егор, но не сказал, чтобы не огорчать Гая. Сказал другое:

— Многотиражка — это ведь все равно газета. Журналистика. Там не потребуют перехода на журфак?

— Там проще. К тому же при пароходстве организуется детская флотилия, что-то вроде клуба юных моряков. Меня берут на полставки инструктором. Вполне педагогическая должность.

— А что ты смыслишь в этих... во флотских делах?

— Ну, все-таки... Читал когда-то, интересовался... — Он усмехнулся. — И в детстве как-никак две недели на «Крузенштерне» провел. Чем не морская практика?

— Да, кстати о Крузенштерне... — вздохнул Егор. И сказал наконец о главном: — Я тут такого нагородил. Если по шее надаешь, правильно сделаешь...

И шагая с опущенной головой, пиная на асфальте окурки и щепки, он рассказал все, что было с ним и с Наклоновым...

Михаил слушал и несколько раз даже присвистнул. Сказал наконец:

— Знаешь, у меня такая мысль тоже мелькнула один раз. Насчет Наклонова. Зимой, когда ты о его повести упоминал... Но сразу улетучилась как чисто фантастическая... Смотри-ка, жизнь бывает похлеще фантастики, финал, как в романе Дюма...

— Паршивый финал-то, — сказал Егор. — Дурак я.

— Ну, что уж ты так себя казнишь...

— Конечно, дурак. Надо было подождать, когда напечатает, а потом шум поднимать.

Михаил поморщился:

— Знать и специально готовить ловушку? Это вроде той волчьей ямы...

— А теперь повесть вообще пропала. И у нас нет, и он печатать не станет...

— Думаешь, не станет? А вдруг переделает эпilog — и в издательство.

Егор улыбнулся горько, но с победной ноткой:

— Он же не знает, что у меня только эпilog. Он думает, что вся повесть Курганова.

— Дитя ты мое наивное, — грустно сказал Михаил. — Ничего такого он не думает.

— Почему?

— Ну, он же неглупый мужик. Если бы у тебя была вся повесть, шум бы ты поднял гораздо раньше... Он, конечно, догадался, что у тебя только звукозапись с «Крузенштерна» и списанный с нее текст...

— На той же машинке!

— Ну и что? Печать-то свежая... Впрочем, ты прав, на публикацию он не решится, побоится скандала...

— Вот и я говорю: дурак я... Надо было сперва думать, а потом уж...

— Милый ты мой... — Гай оперся о плечо Егора (может, опять спина болит?). — На то мы и люди, а не роботы. Сперва шашки наголо и в бой, а потом уже соображать начинаем... Я вот тоже... Мне бы про того «воспитателя» статью в газету, чтобы его к ребятам больше не подпускали. Спокойную такую, деловую. А я — по морде... Хотя, честно говоря, не очень и жалею.

— Но он-то до сих пор там работает, — не выдержал сейчас Егор.

— Нет, в интернате уже не работает. Ребята выжили... А дальше... Ну, поглядим. Я его из виду не выпущу. Беда только, что не один он такой...

А у тебя-то в школе как дела? Помимо последнего скандала...

— Ничего. Билеты долблю. Мне теперь, кроме как в девятый, некуда. В первое попавшееся училище я не пойду, а подходящего нету... А уезжать нельзя, мать одна останется... Правда, в мае бабушка из Молдавии хотела приехать, но это ненадолго.

— Если приедет, появишься в Среднекамске. Хоть на пару дней.

Егор кивнул:

— Гай, мне этого пуще всего на свете хочется. Все время зимние каникулы вспоминаю... Иногда знаешь что? Когда тихо в комнате, кажется, будто хронометр стучит. Тот самый...

Михаил оперся на плечо Егора посильнее.

— Вот и ладно. Приедешь — заберешь хронометр с собой.

— Как... с собой? Почему?

— По простой причине, Егорушка. Он твой. По наследству...

— С какой стати-то? — пробормотал Егор. Но от радости затеплели щеки.

— С такой вот стати. Хронометр твоего отца... К тому же именно ты распутал историю рукописи Курганова.

— Ох уж «распутал»!

— Ну, все-таки... Кстати, я, может быть, скоро приеду снова, еще до праздников. Сам тогда и привезу...

На девятый день выдали в крематории урну. Никого из посторонних при этом не было. Егор и Алина Михаевна поехали на Березовское кладбище на такси. Урну везли в хозяйственной сумке, Егор держал ее на коленях.

В деревянном домике на кладбище стали они спрашивать, кто из рабочих должен пойти с ними, закопать урну. Как положено по выписанному наряду. Нужного человека не оказалось, ушел на перерыв. Небритый парень сказал Егору:

— Возьми лопату да сам зарой, чем ждешь. Там и делов-то...

Егор молча взял. И с лопатой на плече, с сумкой в левой руке пошел по аллеям и дорожкам впереди Алины Михаевны.

Было тепло. Между могилами лежал еще кое-где снег, похожий на крупную серую соль, а глинистые холмики уже все были открыты, из них лезли травинки. Желтела мать-и-мачеха. Тихо было, солнечно, только гранитные и чугунные академики и артисты смотрели с постаментов строго и отрешенно...

Могила Сергея Михаевича Садомира, маминого брата, была выложена по краям гранитными брусками. Посреди ее в рыжей глине чернела вертикальная круглая нора. Очень ровная и узкая. Видно, рыли не лопатой, а специальным буром.

Егор открыл сумку, развернул оберточную бумагу. Урна была белая, фаянсовая, буквы написаны серебром. Как на чашке, которую дарят на день рождения...

Егор оглянулся на мать, она тихо, сама того не замечая, плакала. С тяжестью на душе и с желанием, чтобы все скорей кончилось, Егор примерил выпуклую урну к отверстию. Гладкие бока ее оказались одной ширины с круглым каналом. Как у снаряда, сделанного по калибру ствола. Руки уже не проходили.

Егор снова посмотрел на мать.

— Опускай...— шевельнула она губами.

Егор ослабил ладони. Урна выскользнула и пошла вниз, толкая собой воздух, как поршнем. Он с шестом рванулся из-под этого поршня, бросил Егору в лицо запах глубинной холодной земли.

Егор встал, засыпал круглую нору сухой рассыпчатой глиной. Заровнял. К серому камню — памятнику Сергею Садомиру — прислонил он латунную табличку с именем Виктора Романовича Петрова. Мать положила два привезенных из крематория венка. Погладила камень, шепотом сказала:

— Идем.

Когда Егор отдал лопату и они шли к воротам, Алина Михаевна вдруг заговорила:

— Папа за несколько дней до смерти оформил завещание... Машину он оставил тебе. Лично...

— Зачем она мне? — помолчав, спросил Егор.

— Я тоже думаю: зачем? Может быть, продать?

— Можно... По крайней мере, будет на что кормиться, пока школу окончу. Если понемногу, на два года хватит.

Мать быстро посмотрела на него. Егор сказал:

— Летом, наверно, работать пойду, если где возьмут. А в училище или техникум я не собираюсь. Мне нужна десятилетка... Или думаешь, что не проживем? Мне много не надо...

— Ничего я такого не думаю, бог с тобой... Я с мая на работу выхожу.

— Куда?

— В отдел кадров, на «Электрон» устроили... Не думай, что у отца на заводе были только враги.

Егор пожал плечами: он так не думал.

Мать вдруг тихо спросила, глядя перед собой:

— Егор, а ты простил папу?

Он сжался.

— За что?

— Ну... за все. Вы так иногда... немирно жили...

— Теперь-то не все ли равно... — с усилием сказал Егор.

— Может, не все равно... Может, он сейчас нас слышит и ждет... ответа.

Егор вспомнил фаянсовую выпуклую урну и черную нору.

— Не верю я в это...

— Ну и не верь... А вдруг? И это ведь не только ему надо, но и нам. Тебе...

«У меня еще есть время подумать», — мелькнула у Егора мысль. Но мать с каким-то жалобным молчанием ждала, что он скажет. И Егор сказал не ловко:

— Чего уж теперь-то... Простил.

Мать быстро закивала и отвернулась.

Недалеко от ворот кладбища стояла розовая, как пряник, нарядная церковь. Не по-кладбищенски радостно сияли кресты. Алина Михаевна остановилась.

— Горик... Я, наверно, зайду... Так, по традиции. А ты домой, ладно? Что тебе здесь со мной? Я скоро...

Он понял, что мать не хочет звать его с собой в церковь. Наверное, будет его стесняться там. А может быть, просто хочет побыть одна... Он сказал спокойно и понимающе:

— Ладно, я на автобус... И в магазин еще зайду за картошкой.

Сумка, в которой везли урну, была большая,

килограммов десять войдет... Но когда мать поднялась на крыльцо и ушла в темную полукруглую дверь, за которой искрились свечки, Егор не пошел на автобусную остановку.

Он постоял, хлопая сумкой по колену, и зашагал назад, к только что засыпанной могиле.

Рядом с могилой была скамейка — серая от старости доска. Один конец на столбике, другой на перекладине, прибитой к сосновому стволу. Егор сел, привалился к дереву плечом. Сосна была корабельная, поднебесная. Высоко-высоко ходила под ветерком ее верхушка. Внизу ствол казался неподвижным, но Егор ощущал его чуть заметное живое шевеление.

Грело солнце, в кустах галдели воробьи. Сварливо кричала ворона. Сверху иногда сыпались желтые иголки, но веткам ближнего молодого сосняка проскакала белка с глазами-бусинами.

Сейчас на душе у Егора не было тяжести. Он просто сидел и думал. Об отце и о других людях, которых тоже теперь нет. Почему же так — были и нет? И зачем они — были? Чтобы передать другим по наследству все, что сделали, и все, что не сумели? Дети наследуют не только славу и подвиги отцов. Ошибки и слабости — тоже...

А должен ли он, Егор, что-то наследовать от инженера Петрова, если тот не родной отец?

«А куда ты денешься?» — спросил себя Егор. В самом деле — от того, что было, никуда не денешься.

«А то как же? — с усмешкой сказал он себе. — В наследство — машину, а все остальное — забыть?»

Да провались она, машина! И если бы можно было забыть всю боль... Но ведь было и другое:

С горки на горку

Я несу Егорку...

Хоть немного, но было...

Чем же задавил в себе отец вот это хорошее? Страхом за себя? Боялся, что не сделают начальником цеха? Подставят ногу на пути к высокой должности? Или страх был другой: оторвут от любимой работы? Или все вместе? Сейчас уже никак не узнать...

Да, цех он все-таки построил. Но это ли самое главное в жизни?

А что главное?

У Крузенштерна главным были открытия... У Курганова — повесть... У Анатолия Нечаева — хитрые аппараты, чтобы проникать в морскую глубину. У Гая... У Гая, наверно, боль за неприкаянных, обиженных судьбой пацанов...

Но ведь и Крузенштерн воевал с гадами, которые тиранили в корпусе мальчишек. И Курганов пригрел Толика, у которого не было отца. И Толик возился с Гаем и кинулся грудью на гранату... Учебная? Он же не знал... А капитан-лейтенант Алабышев кинулся не на учебную... Не было Алабышева? А сколько было таких, как он... Было. И ротный политрук Нечаев, дед Гая и Егора, — тоже был. И, может быть, тоже в последний миг закрыл кого-то от осколков...

Тогда, может быть, главное — не плавания, не открытия, не книги, а люди? Те, которые растут? Чтобы у них было меньше боли и одиночества? Чтобы не уходили они от нас, как лейтенант Головачев и пятиклассник Димка?

Но ведь без плаваний, без открытий, без книг тоже нельзя. Если без них — то зачем жить?

«Это ты бережешь свои паруса...»

«Ну и берегу! И паруса, и книги...»

Вот дурак, еще прошлой осенью думал, что книги — бесполезны. Потому что они о чужих, не имеющих отношения к нему, к Егору, людях... А люди все имеют отношение друг к другу. Даже те, которые жили в разные века. Вон как в жизни Егора сплелись судьбы Крузенштерна и Толика Нечаева, Головачева и Курганова, Резанова и Алабышева... Не было его? Да нет же, был, раз столько мыслей о нем и столько из-за него событий!

Так что же все-таки в жизни главное? У всех людей? И у него, у Егора? И зачем люди живут? Чтобы каждый делал что-то свое? Оставил след и передал другим наследство? А если человек не оставит следа?.. Если жил просто так и ничего не успел?.. Зачем, например, жил Кама, загубивший себя наркотиками в шестнадцать лет?

Гитарные переборы и высокий голос Камы настолько отчетливо слышались Егору, что он даже оглянулся. Но нет Камы, сколько ни оглядывайся. Только и осталось, что эта песня:

Мы помнить будем путь в архипелаге...

Но ведь песня-то осталась! Это хоть что-то. Она кому-то поможет на свете. Пускай даже одному Егору. Все-таки она цепочка между людьми, все-таки наследство. Маленькое? Значит, надо что-то делать в жизни и за Каму...

А зачем живут такие, как Копчик? Как Курбаши?

«...А ты сам-то, Кошак, зачем жил до недавней поры? Если бы не Венька, если бы не Гай, где бы ты был сейчас? Может, с Копчиком...»

«Но я же не сужу. Я только хочу понять. И про себя тоже...»

«Ты не судишь Копчика? Да ты убить его был готов!»

«Я и себя готов был убить...»

«Ладно, — снисходительно сказал Егору второй Егор, спорщик и собеседник. — Все в прошлом...»

«А что в будущем?»

«...А вообще, что такое будущее? То, чего еще нет, или оно где-то уже есть? Может, это просто прошлое с обратным знаком? Может, найдут люди способ докопаться до самой большой тайны: что такое время? Чтобы и нынешние дни, и те, которые давно прошли, и те, которые еще только будут, связать воедино? И соединить всех людей... Чтобы Егор мог вернуться в каюту Головачева и выбить из его рук пистолет...»

Конечно, это фантастика, но иногда (как сейчас вот!) кажется, что еще немного — и тайна времени раскроется. Слово можно ее постичь без формул и математики, а вот так, напряжением чувств. Вот еще совсем немного... Кажется, это не труднее, чем вспомнить забытое слово. Уже и буквы, из которых оно состоит, известны... Последнее усилие нервов — и буквы эти выстроятся, и слово будет прочтено... Нет, опять рассыпались, прыгают, мельтешат, как воробы...

«Сверху снова упали сухие иголки. Егор запрокинул лицо. Верхушка сосны медленно плавала под

облаками. Облака протыкал белый игольчатый след. Там, в десяти километрах от земли, внутри громадной дюралевой сигары лайнера полторы сотни разных пассажиров мчались к своим заботам, к своему счастью и бедам. И, конечно, не знали, что под ними, на далекой земле, на кладбищенской скамейке у сосны пытается разобраться в смысле жизни восьмиклассник Петров. И о других людях не знали. Даже о тех, кто рядом, в самолете, в большинстве своем не знали тоже.

Печальная мысль о великом разобщении людей затопила на короткое время все другие. В самом деле, люди — острова в океане. Миллиарды островов, громадный архипелаг. А пути меж островов — много ли их? Что на одном острове знают о других? О ближних знают, а о дальних?..

Дальние острова — чужие?

Не потому ли в самолете, летящем на большой высоте, человек с легким сердцем нажимает кнопку бомбосбрасывателя?

Да разве дело в высоте? Ведь бывает и вплотную друг к другу, а в кулаке нож...

А может, загадка времени и загадка разобщенности — одна и та же?

А ключ — где?

...Опять проскочила белка. Черными бусинками глянула удивленно: ты что здесь сидишь так долго?

В самом деле, сиди не сиди, а все тайны жизни тут не раскроешь. Но Егор встал без досады и тревоги. И печаль его была без тяжести, со светлым зайчиком. Слово какую-то ниточку клубка тайн он все-таки ухватил...

За памятниками и соснами, за недалеким дощатым забором пронеслись грузовики. Там, за тыльным краем кладбища, был Восточный тракт. По нему ходили автобусы до центра. И Егор не пошел к главным воротам, пошел к забору, понимая, что должна быть в нем калитка или щель.

Когда оставалось до забора шагов двадцать — бурая прошлогодняя трава, лужицы и остатки снега в рывинах, — Егор увидел в ряду крайних могил синий решетчатый обелиск со звездочкой. И с белой, очень яркой на солнце табличкой:

Дима Еремин

$\frac{16}{IV} 1971 - \frac{19}{III} 1983$

Егор остановился, будто остановилось сердце. Уронил руки. Димкину фамилию он знал от Гая.

...Значит, нашелся все-таки для несчастного Димки уголок на ближнем кладбище. Спасибо людям хоть на этом. Что здесь помогло?хлопоты интернатского начальства, слезы матери?.. Димка, Димка, если каждый человек появляется на свете не зря, то зачем жил ты свои одиннадцать лет и одиннадцать месяцев? Может, для того, чтобы твоя судьба стала горьким упреком, предостережением для других?

Станет?

Поблекший жестяной веночек с мятой черной лентой был прислонен к обелиску. На ленте меловые буквы: «Дорогому сыночку от ма... ночек, прости ме...»

Егор сдернул шапку и жгутом скрутил ее в кулаках. То, чего не было на похоронах отца, случилось здесь. Тяжелый ком подошел к горлу. Егор быстро оглянулся. Он был один...

...Потом у забора, в лужице среди вялой травы и

мусора Егор набрал в пригоршню ледяной воды, ополоснул лицо. Вытер мятым платком. Постоял. Коричневая бабочка, живая, веселая, закружилась перед ним. Егор уронил платок и следил за ней, пока она не улетела в щель забора. Это было как глубокий вздох. Как прощение...

Два меча

Михаил приехал через неделю и в самом деле привез хронометр. На этот раз он зашел к Егору домой. И с облегчением узнал, что Алины Михаевны нет дома: она ушла на завод что-то уточнять насчет будущей работы.

И все же Михаилу было неудобно. Выпил он чаю с Егором на кухне, а потом сказал:

— Пойдем погуляем. Как-то привычнее на ходу разговаривать.

Разговаривали обо всем понемногу, но, конечно, не обошли в беседе и рукопись. И Наклонова.

— Как он? — спросил Михаил.

— Да ничего. Недавно по телику выступал...

— Да? Небось о новых задачах писателей в свете последних решений?

— Не знаю. Я выключил... От руководства студией он отказался, но объяснил, что не из-за меня, а потому, что в какую-то долгую командировку собирается... А про меня сказал, чтобы оставили в покое. Не надо никаких разборов.

— Откуда ты знаешь?

— Бутакова сообщила...

Светка действительно недавно подошла и назидательно произнесла:

— Скажи спасибо Олегу Валентиновичу. Он звонил в школу и просил, чтобы не устраивали никаких собраний и разбирательств. И что у него нет к тебе претензий.

— Рыло в пуху, вот и нет претензий...

— Ох и наглец же ты, Петров...

Даже не «Петенька», а «Петров».

— Зато ты образец. Гордость всей системы народного просвещения... Свежий бутончик на веточке Классной Розы... Не забудь передать ей эти мои слова.

— Не бойся, не забуду.

— Подумать только, — вздохнул Егор. — Было время, когда я на тебя даже заглядывался маленюко...

Она дурашливо закатила глаза.

— С ума сойти! Но надеюсь, это прошло?

— Без следа.

Егор проводил Михаила на вокзал и там сказал:

— Все хочу спросить... С Асей-то что?

— С Асей все в порядке, — вздохнул Михаил. — Слава богу, хоть с этим-то все в порядке... Никитка предъявил ультиматум. Или, говорит, вы поженились наконец, или я ухожу жить на теплоход к дяде Сергею Снежко. Куда теперь нам деваться?

— Ну и... когда?

— Ну и скоро... Не бойся, сообщу.

Возвращаясь домой, Егор с удовольствием думал, как в тишине квартиры звонко тикает хронометр. Наполняет ее живой неутомимой жизнью. И он прав-

да тикал — слышно было даже в прихожей. И Егор весело зашпешил в комнату.

Но когда он вошел, увидел, что над хронометром наклонилась мать. Она обернулась:

— Это откуда у тебя?

— Гаймуратов приезжал, привез... — нехотя сказал Егор.

— Что, в подарок?

— Да, вроде...

— Что значит «вроде»?

— В общем, мне. Насовсем.

— Но это же очень дорогая вещь. Корабельный хронометр, я знаю...

— Конечно, дорогая, — не удержался Егор. — Это хронометр Анатолия Нечаева.

— Я так и думала, — тихо сказала Алина Михаевна.

— А что такого?

— Да нет, ничего... — Она ушла и уже из другой комнаты громко сообщила: — Егор, я договорилась о продаже машины.

— Ну и прекрасно.

— Нужно твое согласие...

— Сколько угодно. — Он почувствовал в своем тоне лишнюю ошестиненность, сказал помягче: — Чем скорей, тем лучше. А кому?

— Не знаю пока... Андрей Данилович сказал, что нашел покупателя.

— Кто сказал?

— Ну... Пестухов.

— А ему-то что надо?

— Помогает... Он был другом отца.

— Неужели? — не выдержал Егор.

— Да! И не забывай, что теперь это наш единственный друг.

— Ну-ну... — сказал Егор.

Встреча с «единственным другом» произошла через пять дней.

У восьмиклассников в этот день было всего три урока, потому что школа готовилась к демонстрации. Погода стояла совершенно летняя, уже проклевывались почки. Великанский термометр на теневой стороне многоэтажного Института связи показывал двадцать три градуса. И настроение было празднично-каникулярное — послезавтра Первомай.

В таком настроении пришел Егор домой, без куртки и шапки, в расстегнутом пиджаке. Открыл бесшумный замок своим ключом и услышал в комнате голоса.

Алина Михаевна и Пестухов сидели у накрытого стола. Мать что-то с быстрым нервным смехом говорила Пестухову, а он часто кивал и ладонью мягко похлопывал ее по открытой до локтя руке.

— Здравствуйте, Андрей Данилович, — отчетливо сказал Егор. — Я не помешал?

Пестухов дернулся, убрал руку под скатерть, сел прямо. Заулыбался:

— О, Егор... Викторович. Какой ты рослый стал. Ничего глупее сказать он не мог.

Мать суетливо спросила:

— Горик, ты откуда? Так незаметно вошел...

— Из школы, вестимо... Замок хорошо смазанный.

Пестухов горопливо распрощался.

Алина Михаевна вошла в комнату к Егору. Он сидел на тахте и слушал, как тикает хронометр...

— Андрей Данилович уже совсем договорился с покупателем, — напряженно сказала мать.

— Андрей Данилович — мужик быстрый...

— Горик... Не понимаю, почему он тебе так не нравится.

Не поднимая лица, Егор проговорил:

— Мне не нравится другое...

— И... что именно?

Понимая, что нельзя это говорить, и зная, что все равно молчать не сможет, Егор тяжело сказал:

— Как ты быстро забываешь... Сперва Нечаева, потом...

Мать ударила его по щеке, по другой. И еще... У Егора мотнулась голова, но он не закрылся, продолжал сидеть так же. И лишь когда мать заплакала, медленно встал.

— Вот так. Сразу решили все вопросы...

Мать сквозь слезы выговорила:

— Ты думаешь... мне легко? Ты хоть раз меня спросил?.. А ты понимаешь, что мы совсем одни? Что так, как раньше, мы жить не сможем?

— А ты хочешь жить, как раньше? — искренне удивился Егор.

Мать перестала плакать. Несколько секунд они, словно очнувшись, смотрели друг на друга. Егор переступил на ковре.

— Я пойду... Мне к Юрке Громову надо, насчет билетов по русскому...

На самом деле он хотел попросить у Юрки велосипед и погонять по улицам. Просто так, проветрить голову. Или пойти с Юркой в кино, если есть на афишах что-нибудь подходящее. Но когда Егор вышел из-под арки на улицу, он увидел, что ему навстречу шагает по солнечному асфальту Ваня Ямщиков.

Ваня заметил Егора издалека, заулыбался и двинулся вприпрыжку. Он был одет уже по-летнему, в новых зеленых шортах, в рубашке с короткими рукавами — ярко-желтой, вроде одуванчиков, что во всю цвели у заборов и фундаментов. Тоненький такой и жизнерадостный... Правда, в улыбке мелькало смущение, а в прыжках была чуть заметная скованность. Егор понял Ванюшку: вспомнил себя такого же, когда согрешившимся весенним днем, словно желая поторопить приход настоящего лета, скидываешь осточертевшую шерстяную форму и выскакиваешь на улицу вот такой голорукий, голоногий — первый раз в году, раньше других. И сердце колотится от смеси чувств: радостной легкости, какой-то стыдливой беззащитности и в то же время дружеской доверчивости, с которой отдаешь себя солнцу и долгожданному теплу...

— Лето празднуешь? — сказал Егор. — Молодец. А что от Веньки слышно?

Танцуя рядом с Егором, Ваня сообщил:

— Завтра приезжает. Я к тебе и шел, чтобы сказать.

Егор обрадовался, хотя и так знал почти точно — завтра. Анна Григорьевна уехала за Венькой еще накануне.

— Ты куда идешь? — спросил Ваня.

— Куда глаза глядят.

— Пойдем тогда к нам!

— Зачем?

— Ну... так. «Спартака» тебе отдам, я уже опять перечитал всего.

— Ты хитрый. Ты мне его отдашь, а я с ним таскайся потом по городу, да? Нет уж, сам прине- сешь.

— Ну, ладно... А с тобой можно? «Потаскаться по городу»? — Он глянул хитровато и просительно.

— Пошли, — кивнул Егор. Он был рад. Не хоте- лось уже ни на велосипед, ни в кино с Юркой. Хо- рошо было идти просто так, смотреть на зеленые клювы лопнувших кленовых почек, на танцующего то справа, то слева, то впереди Ванюшку. На брата Веньки. И хорошо было помнить, что Венька при- езжает завтра...

А как они встретятся, Егор и Венька? Вдруг вме- сто радости возникнет между ними тяжелая нелов- кость, когда не знаешь, о чем говорить, как себя вести? В конце концов, откуда Егор взял, что он зачем-то Веньке нужен? С какой стати? Ну, несколь- ко писем было между ними, ну, книги Егор посылал в больницу. Ну, к Ванюшке заходил... Это что, дружба?

Но не хотелось тревоги. Ничего плохого не хо- телось. Даже обида на мать растаяла, хотя кожу на щеках до сих пор покалывало от недавних хлест- ких ударов. Пусть... Зато вон какой день, просто июнь.

Конечно, Егор понимал, что будут еще холода. В мае случается и слякоть и даже снегопады. Но именно потому день этот с его непрочным теплом, с первой зеленью и жизнерадостным «летним» Ва- нюшкой был таким хорошим.

Ваня перестал пританцовывать, пошел рядом и серьезно сказал:

— Я читал вчера опять, как Спартак дрался по- следний раз... Он здорово дрался, только там не на- писано, что он бросил щит и сражался двумя меча- ми. Веник говорит, что это в другой книге. Не зна- ешь, в какой?

— Не знаю... Но, наверно, так и было.

— Наверно. Значит, два меча лучше, чем меч и щит, да?

— Смотря какой бой. Бывает, что и лучше... Вань, хочешь в сад имени Пушкина? Там, говорят, играль- ные автоматы поставили. У меня три пятнадцатка есть...

— Ага! — Ваня подпрыгнул. — И у меня два, вот! — Он выхватил денежки из кармана, подбросил на ладони. — А если не работают автоматы, то мо- роженое...

Дорога к саду Пушкина вела мимо школы, и в полквартале от школьных ворот встретили они Ва- нину учительницу.

— Здравствуй! — сказал Ваня, хотя, конечно, видел ее совсем недавно, на уроках. И Егор буркнул «здравствуй». Один-то он не стал бы с ней здороваться, но раз с Ванюшкой идут...

Она рассеянно кивнула. Но когда уже размину- лись, вдруг окликнула:

— Ямщиков!

Ваня и Егор обернулись. Анастасия Леонидовна шагнула назад и раздраженно сказала:

— А почему ты не на репетиции? Шастаешь по улицам неизвестно с кем, когда весь класс рабо- тает. — Она сделала еще шаг к Ване и возвышалась над ним — рослая, красивая, рассерженная.

Ваня поднял лицо. Сказал без боязни:

— А какая репетиция? Вы же сами всех отпу- стили.

— Я? Отпустила? Я сказала Лене, чтобы она проверила все ваши номера для утренника! Ты хо- чешь мне наврать, что она вас не оставляла?

— Она оставляла. Только не всех, а у кого стихи и танцы. А я только в хоре...

— А хор не должен, по-твоему, репетировать? Будете голосить на концерте, как мартовские коты? Кто это придумал вас отпустить? Стрельцов? Кто в классе хозяин — я или Стрельцов?

— Стрельцов вовсе ни при чем, — сказал Ваня. — Лена говорила, что хора сегодня не будет, потому что баянист занят.

— Баянист не твоя забота! Надо быть там, где коллектив, а не болтаться!

Ваня чуть заметно пожал плечами, глянул на Егора: что, мол, поделаешь.

— Ну, ладно. Пойду на репетицию.

Независимо-покладистый Ваня тон окончательно взвизгнул Анастасию Леонидовну.

— Да? Пойдешь? В таком виде, без формы? Там тебе не парк культуры и не цирк. Там школа! Ясно? Шко-ла!

— Не уроки же... — тихо сказал Ваня.

— Школа — это всегда уроки! Заруби себе на носу!

Егор мгновенно вспомнил, как запрокидывал Ваня лицо с разбитым носом, а Венька смывал кровь. И Егор сказал:

— Чего вы на него кричите? Привыкли?

Она мгновенно перенесла свой гнев на Егора:

— А ты!.. Ты!.. Шпана! Ты что суешься? Мало, что один брат из-за тебя в больнице, хочешь довести до беды и второго?! Ямщиков, чтобы я тебя больше не видела с этим!..

У Егора, как от недавних оплеух, заломило щеки. Ваня шагнул назад, взял его за рукав, потом от- пустил. Егор, сжимая губы, смотрел Анастасии Лео- нидовне в лицо. Вся ее красота облетела с лица, как пудра, оно было красно-пятнистым.

— Замолчите. Если ничего не знаете... — глухо сказал Егор.

— Он говорит «замолчите!». Учительнице! Это ты у меня заткнешься! На подсвете! Загубил одного брата и гуляет с другим, как ни в чем не виноватый! Сидел бы лучше, как мышь!

— А пока я буду сидеть, как мышь, вы будете издеваться над ними. Да?.. Тыкать мордой о парту, орать, гонять, доводить до слез. Вы все... И дово- дить их, чтобы бегали из дома, да?.. И до могилы, как Димку Еремина... Да?!

Она хлопнула губами. Замигала. Может, что-то слышала раньше о Димке. А может, просто потеряла дар речи. Егор повернулся, чтобы взять Ваню за руку и уйти.

Вани не было...

То ли испугался Ваня Настасьиного крика, то ли просто решил, что лучше всего — с глаз долой. Что с него возьмешь, совсем еще малек...

Ладно, если просто испугался... А если подейст- вовали Настасьины слова, что Егор виноват в не- счастьях Веньки? И ушел Ваня не со страха, а от неожиданного и тяжкого открытия, что Егор — враг?

Потерянно шагая по улице, убеждал себя Егор, что все это чушь. Не может Ваня так стремительно

стать к нему, к Егору, другим. Он ведь и раньше все знал и понимал.

Но тоскливая тревога была сильнее логики, и наконец Егор отдался этой тревоге полностью. Безнадежной, изматывающей. И день уже был не день, и солнце — не солнце...

На остановке вскочил Егор в автобус и через пять минут оказался дома. Он машинально, без удивления, отметил, что на лестничной площадке, против лифта, прислонен к стене пыльный велосипед (вот кому-то досталось тащить его на седьмой этаж). Отпер дверь. Мать встретила его в прихожей. Смотрела виновато. Торопливо сказала:

— Горик, к тебе мальчик пришел. У тебя в комнате сидит, ждет. Я дала ему твои тапочки, надень папины...

Егор, не сняв кроссовок, шагнул в комнату.

На тахте сидел, неловко выпрямившись, с толстой папкой на коленях Денис Наклонов.

Денис встал. Глядя мимо Егора, произнес отчетливо:

— Отец велел передать. Вот... — он протянул папку. — Он говорит: «Раз Петров считает, что это его, то пусть...»

Егор с недоумением и с тяжелой неловкостью и в то же время с толчком радости принял в ладони увесистую папку из пыльного шероховатого картона. Что он мог сказать? Можно было ожидать какой угодно развязки у истории с рукописью, но чтобы вот так...

Денис поглядел наконец Егору в лицо. Сказал уже тише, спокойнее:

— Отец говорит, что нашел это давным-давно, когда разбирал какой-то архив в Новотуринске. Он думал, что это просто чьи-то заметки, выдержки из разных журналов. Как документы... Он понятия не имел, что это чья-то законченная книга... Там, кстати, нет нескольких страниц, в начале и в середине...

Беспомощность этого объяснения была так очевидна, что Егор отвел глаза. Денис упрямо проговорил:

— Ты думаешь, в его повести много совпадало с этими бумагами? Только некоторые места... Но он теперь вообще не будет писать про это, он порвал и сжег на даче свою повесть. Говорит: «Не хочу, раз так получилось... А это, — говорит, — отдай»...

«Если совпадали только некоторые места, зачем сжигать свою повесть? Не проще ли переделать?.. — подумал Егор. И еще подумал: — А почему не сжег все? И кургановскую рукопись тоже? Тогда бы — ни следов, ни обвинений...» Однако мысли эти проскочили скомканно, сумбурно — на фоне странной виноватости, которую Егор испытывал перед Денисом.

Но одна мысль повторилась. Четко:

«Почему он все-таки вернул рукопись?.. Денис, ты его заставил?»

Он спросил это Дениса Наклонова глазами, и тот понял. Порозовели щеки. Сжались губы. Но взгляда Денис не отвел. Повторил:

— Не думай, будто он списывал. Больно ему надо...

«Я не думаю, Денис. То есть думаю, но этого тебе не скажу никогда. Я тебя понимаю...»

Отцов не выдумывают, они такие, какие есть. Но... если вдруг оказывается, что не такой он, каким

был в твоих глазах, наступает, наверно, отчаяние. И тогда — или со слезами, или, наоборот, со стальным упрямством ты говоришь: «Зачем ты так? Ты же сам учил меня честности...» И, наверно, отец — если он отец — понимает, что больше нельзя шагать назад. Сзади — черта. И тогда он готов отдать все на свете, не то что чужую рукопись... В конце концов, что дороже: рукопись или сын?

Но это уже были не мысли, а скорее ощущение, полудогадка.

И еще одно почувствовал Егор. Что не даст Денис отца в обиду, какой бы тот ни был. Будет отстаивать его перед Егором, перед собой и перед самим отцом — Олегом Валентиновичем Наклоновым. И перед всем белым светом.

И это было справедливо.

«Я понимаю», — чуть не сказал Егор. Но не решился. Да и все ли он понимал?.. А что еще сказать? «Спасибо за рукопись»? Глупо и неловко. А может, подробнее: «Я вижу, как тебе трудно, только пойми и меня, я не мог не ввязаться в это дело, я обязан был, потому что за мной и Курганов, и Толик Нечаев — тоже отец! Это было неизбежно, все вело ко мне. Все линии! У меня даже нарисовано это, хочешь, покажу?»

Но это был бы уже долгий разговор. А с какой стати Денис должен выслушивать излияния Егора Петрова? Он, Денис Наклонов, сделал все, что был должен. И за себя, и за отца. И теперь с чистой совестью может уйти...

Но ведь надо же что-то сказать!

Может, просто: «Не злись на меня...» Ох ты, чушь какая!..

И в этот миг отчаянно взорвался, заколотился, сбив привычную плавную мелодию, сигнал у входной двери.

Егор прыгнул в прихожую, рванул запор. Встрепанный, в сбившейся рубашке, задохнувшийся, встал на пороге Вани.

— Егор!.. Они там... Наши газеты в макулатуру, в машину... Давай, может, успеем...

Как много может подумать человек за несколько секунд: сообразить, вспомнить, прийти в отчаяние, скрутить это отчаяние, прикинуть план действий... И все это, пока мгновенно оглядываешь взмыленного Ванюшку (цел ли?), виновато оборачиваешься к Денису (извини, но видишь — не до беседы!), толкаешь Ваню перед собой и вместе с ним летишь к лифту (дверь после Вани даже еще и не закрылась)...

Вот дубина Егор Петров! Сколько раз собирался потребовать у жогатой «Новости Находки» и отнести Ямщиковым! А потом — то одно, то другое. Конечно, грустные были дела, тяжкие, но Вееньке-то от этого будет не легче, когда завтра узнает, что лучшие номера «НН» отправились в утиль... Кто посмел? Ошибка? Или нарочно?.. Могли и нарочно, потому как газеты «йдейно не выдержанные и подрывают педагогические принципы»...

Только бы успеть!

Неделю назад восьмиклассники работали на субботнике, убирали двор, и Егор видел, как ребята из младших классов складывают в углу у школьной мастерской кипы старых газет, бумаги и картона. Получилась целая куча, до крыши мастерской. Потом эта куча лежала и лежала, не было машины... Се-

годня тоже субботник — для тех, кто не работал в прошлый раз, не смог или прогулял. И, видимо, как раз пришел грузовик. И, наверно, Ваня как-то заметил свои газеты в куче бумаг... Все это можно уточнить потом. Сейчас главное — не опоздать...

...— Постой! — звонок сказал в спину Егору Денис. — Возьми велосипед! На нем быстрее!

Рассуждать некогда, на «велике» действительно быстрее. Егор поставил ногу на порог лифта — чтобы дверь не закрылась.

— Давайте!

Денис и Ваня воткнули в кабину вскинутый на заднее колесо велосипед. Втиснулся Ваня.

— Я прибегу в школу, — крикнул Денис, и дверь задвинулась с нетерпеливым лязгом.

...Весу в Ванюшке — как в охалке соломы. Если бы не держал Егора за ремень, даже и не почувшь, что он на багажнике. И Егор мчался, давил на педали, срезая углы на перекрестках, пересекая пустыри, где были уже просохшие твердые тропинки.

Один раз Ваня вскрикнул.

— Вань, ты что?!

— Репейником врезало! Ничего, жми!

— Как ты узнал про газеты?!

— Когда Настюшка с тобой заругалась, ко мне Вовка Шарков подбежал! Сказал, что видел! Как в машину кинули!

— И что?!

— Я сразу туда, а там этот... который физик. И ребята большие! Я говорю: «Отдайте!» А они: «Не мешай, там ничего нет!» Я опять, а они: «Пошел прочь!» Я долго просил, а они...

— И Поп-физик?

— Он: «Отойди, мальчик...» Я тогда Вовку за нашими ребятами послал, а сам к тебе!

— Почему ты сразу меня не позвал?! Я же рядом был!

— Я не думал... что они так! Сперва думал — отдадут!..

«Лишь бы не ушла машина...»

Она еще не ушла. Егор увидел это почти за квартал. Переулок вел к школьному забору, к боковой калитке. Под уклон. За низкой бетонной изгородью виден был стоявший во дворе грузовик. Над бортами поднимались пухлые вороха макулатуры. На них топтались двое мальчишек, ловили пачки, которые им бросали снизу. Но вот перестали ловить. Прыгнули с кузова... Машина гуднула и медленно пошла на асфальтовую дорогу, ведущую к школьным воротам.

— Ванька, с коня!

Егор крикнул это без всякого пижонства, без всякой романтики. Просто короче это было, чем «с велосипеда» и даже «с велика». И Ваня — вот молодец! — без малейшего спора и промедления скатился с багажника. На миг Егор оглянулся, заметил, что Ванюшка поднялся с земли, трет коленки. Ладно, жив...

Нельзя было выпустить машину со двора. На улице — не догнать, не задержать. Егор влетел в боковую калитку и по тропинке среди ломкого прошлогоднего бурьяна, у самой изгороди, гнал велосипед к распахнутым решетчатым воротам. Напере-

рез грузовику. А тот уже катил по асфальту бодро, деловито, хотя и не очень быстро.

Не было страха! Хоть под колеса! Хоть на таран!..

Он успел. Звоном и скрежетом отозвался велосипед на мгновенный тормоз. Слева у самого плеча увидел Егор дышащий теплом и бензином, словно вздыбленный радиатор...

— Ты что, сволочь такая! Себя не жалеешь — меня пожалей! — орал усатый шофер, наполовину высунувшись из кабины. Усы казались очень черными на совершенно белом лице.

Но не было у Егора страха.

— Марш назад! — гаркнул он шоферу. — Куда Венюкины газеты повезли! Воры!

Он скинул с плеча ладонь Поп-физика:

— Руки!.. Куда повезли газеты Ямщикова?! Все равно не пушу!

Два незнакомых старшеклассника сдернули Егора с велосипеда, хотели отшвырнуть, но умело и стремительно Егор дал ребром ладони одному по губам, а другого посадил на асфальт ударом в поддых...

Вот где случился неравный бой. Думал — будет это с приятелями Копчика и Курбаши, а оказывается вот что!.. Значит, они такие же, раз против Венюки! Две стороны одной медали! Вон и завуч Тамара Павловна бежит сюда, размахивая руками.

— Что происходит?! Да он с ума сошел! Звоните в милицию!

Пусть хоть всю милицию города созовут! Он умрет здесь на дороге!

Егор отскочил назад, встал в воротах. Потянул к себе одну решетчатую створку, другую. Их заело... Не закрыть собой широкий проезд!..

Но со звоном грянулся под колеса машины второй велосипед, и рядом встал Громов. Вцепился в руку Егора.

Счастливым, чуть не со слезами, Егор крикнул:

— Откуда?!

— Ванюшкины пацаны позвали!

Справа тоже кто-то вцепился в руку Егора — ладонь в ладонь. Егор не видел, кто. Потому что с яростным восторгом следил, как между ним и рычащим радиатором встает плечом к плечу десяток маленьких и абсолютно бесстрашных второклассников. Тех, кого не разучили еще быть людьми ни грозная Анастасия Леонидовна, ни здравомыслящие родители, ни вся жизнь...

Шофер уже не кричал. Смотрел молча. Поп-физик что-то лихорадочно говорил Тамаре Павловне. Старшеклассники из бригады Поп-физика растерянно сопели.

Всем им Егор сказал уже не громко, с последней надеждой, с последним убеждением:

— Ну, вы что! Ну, разве вы не люди хоть немного? Там же газеты Ямщикова! Он их делал целый год!

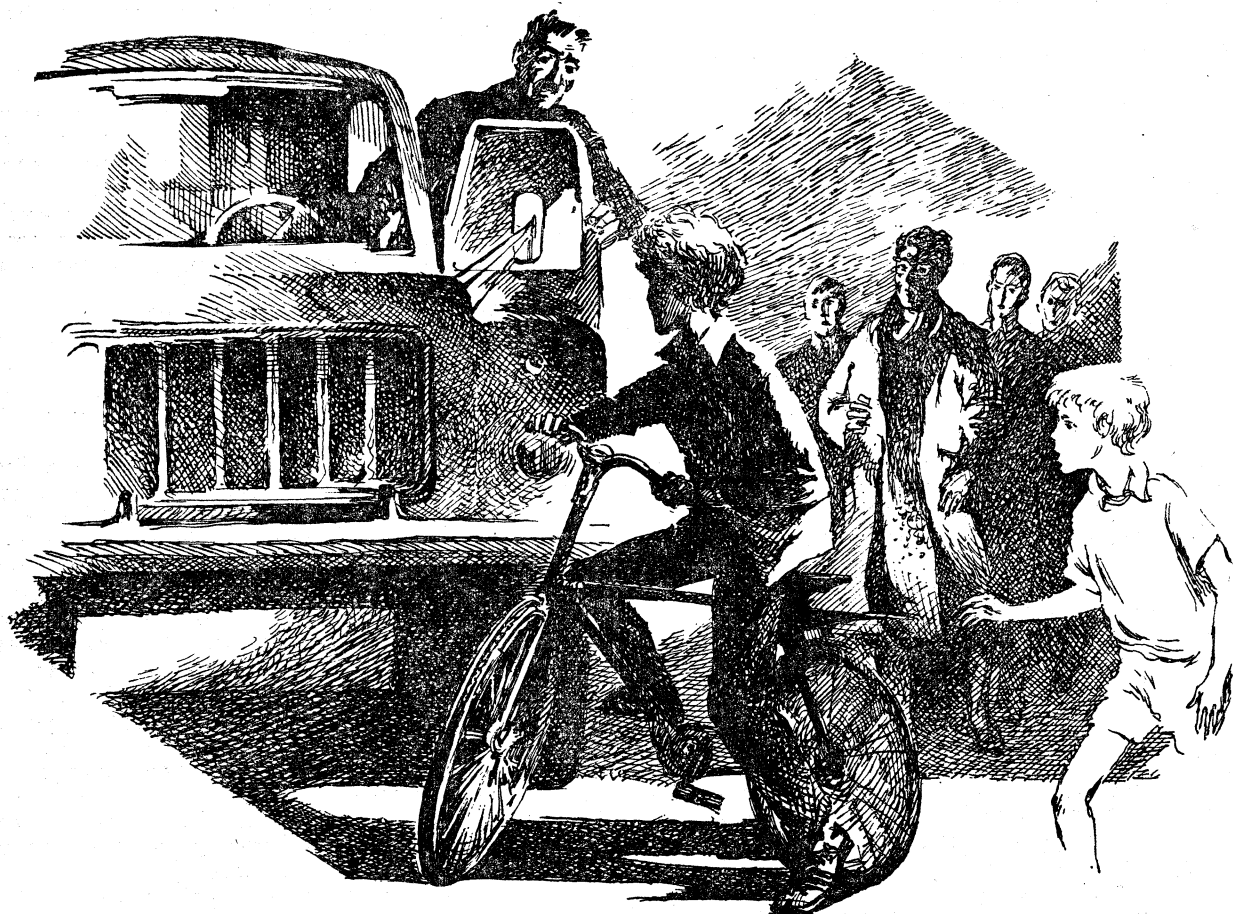
— Нет там никаких газет! — крикнул Поп-физик. — Что за чушь! Это старая макулатура!

— Газеты тоже старые! Их туда нарочно кинули! — отчаянно сказал Ваня, и еще несколько голов крикнули: «Мы видели!»

— Да это черт знает что! — проговорил Поп-физик. — Вы в школе или где? Освободите дорогу!

— Еще чего! — рассмеялся Егор. Не было страха.

— А в чем дело-то? — вдруг спросил с подножки

шофер.— По какой причине такой базар? — Он уже успокоился.

— Там стенгазеты моего брата! — звонко сказал Ваня.— Они их нарочно в макулатуру!

— Ямщиков! Как ты смеешь! — Тамара Павловна махнула руками, как курица крыльями.— Ты что врешь! Теперь что прикажешь, всю машину разгрузить?

— Хоть десять машин,— сказал Егор. Он держал крепкие ладони — Юркину и еще чью-то, но казалось, что это два меча. Один — свой, другой — всех, кто не может быть здесь, но за кого Егор обязан воевать. И знал уже Егор, что, в отличие от Спартака, он победил.

— Товарищ водитель, вы можете ехать,— решительно произнесла Тамара Павловна.— Мальчики отойдут.

— Фиг,— сказал в шеренге второклассников грубиян Стрельцов. А шофер сошел с подножки и стал закуривать. И сообщил:

— Вы уж извините, я пединститут не кончал. Давить детей меня не учили...

Егор увидел, как с дальнего конца двора идут несколько рослых десятиклассников. И среди них Костецкий. По тому как ловко и без разговоров принялись они за дело, ясно стало: они все знают. Видно, кто-то успел сбежать за ними и все объяснить. Костецкий гибко и красиво взметнул себя в кузов и начал кидать бумажные пачки остальным. Его друзья ловко укладывали их на асфальт.

— Костецкий, это вам так не пройдет,— сказал Поп-физик.

Но больше никто ничего не сказал, и все в тишине смотрели, как работают десятиклассники и растет гряда макулатуры на асфальте.

Наконец Костецкий поднял пачку ватманских листов с разломаченными краями.

— Ванюшка, эта?

— Да!!

— Держите, хлопцы!

Второклассники поймали пачку в протянутые руки, и Ваня прижал ее к перемазанной ярко-желтой рубашке.

Вот и все. Можно было расцепить руки и уйти с дороги. Можно было даже помочь загрузить снова машину.

Егор отпустил руку Громова и посмотрел наконец направо. Рядом стоял Денис. Серьезный, с привычно-насупленным взглядом из-под волос.

Они разжали руки не сразу. Только через долго-долгую секунду.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Визит учебного корабля

Среди пасмурных и зябких дней ленинградского мая выдался вдруг ясный и очень теплый. Такой безоблачный, что Нева из желто-серой превратилась

в голубую, будто Черное море. И редактор, выйдя из дома, решил, что пойдет на работу пешком.

Это был пожилой редактор, хотя и ведал журналом, у которого главным читателем была молодежь. Высокий, сухощавый, с внешностью потомственного ленинградского интеллигента. С тем еле заметным следом-тенью на лице, по которому знающие люди определяют человека, перенесшего в детстве блокаду...

Редактор шел через Литейный мост, и солнце грело ему плечи сквозь плащ. И он думал, что внук Сашка был прав, когда скандалил с матерью: не хотел идти в школу в теплой куртке. Правда, это было утром, а сейчас полдень. Редактор всегда начинал работу перед обедом, чтобы закончить поздно вечером...

Выйдя на Литейный проспект, редактор слегка помрачнел. Он представил, что в редакции его наверняка встретит заведующий отделом прозы и скажет что-то скучно-неприятное. Он, этот заведующий, был, без сомнения, прекрасный работник, опытный литератор, автор нескольких книжек, но повадкою напоминал редактору осторожного пожилого кота. Сходство увеличивали прямые усы на полном лице и некоторое мурлыканье в голосе. Пряча за этим мурлыканьем досаду и беспокойство, заведующий и сказал при встрече:

— Евгений Дмитриевич, Иранда Львовна справедливо утверждает, что эту безхозную рукопись уместить в трех номерах невозможно. Может быть, все-таки поставим вместо нее «Девушку с буровой»? Испытанный автор, актуальная тема... Зачем нам какая-то самотечная повесть сомнительного происхождения?

— Борис Борисович... Мы же все решили на редколлегии.

— Решить-то решили, но как-то все-таки...

Чувствуя неприязнь и зная, что заведующий отделом об этой неприязни догадывается, редактор скрыл ее в полушутливом тоне:

— Но, любезнейший Борис Борисович, вы же ведаете отделом прозы, а не отделом «как-то все-таки»... Будем готовить к печати, как договорились...

— Ну что ж... Тогда я могу так и передать тому... «кадету»?

— Кому?

— Молодому человеку, который осчастливил нас этой архивной находкой. Он звонил сегодня, хочет прийти. Говорит, что в Ленинград попал всего на сутки, зайдет после обеда.

— Вот и хорошо. Попросите его заглянуть ко мне.

В кабинете редактор сел в привычное кресло, с привычным неудовольствием посмотрел на кипу непрочитанных рукописей и привычно прикинул план сегодняшних дел. Их было «от пупа и до маковки», как выражается Сашка. И все же настроение не испортилось.

Комната сегодня казалась на редкость просторной и даже незнакомой — от щедрого солнца. Редактор глянул на май за окном, приласкал глазами стоявшую на подоконнике модель двухмачтовой брамсельной шхуны — подарок внука. Улыбнулся и сказал секретарше в открытую дверь:

— Галина Викторовна! После обеда зайдет молодой моряк по фамилии Петров. Умоляю вас, не изображайте Сциллу и Харибду, пустите его сразу ко мне.

Как многие люди, в юности мечтавшие о море, но моряками не ставшие, редактор испытывал слабость к кораблям и к представителям всяких флотских профессий. Слабость эта была почти детская, редактор ее стеснялся, ибо знал: о ней догадываются и над ней подшучивают. Потому он так сурово и обратился к милейшей Галине Викторовне.

Петров появился в четверть третьего. Был он без фуражки, штатская курточка скрывала морфлотовскую форменку, но суконные брюки и казенные ботинки выдавали принадлежность Петрова к курсантской братии торговых и рыболовных мореходок.

— Здравствуйте... Борис Борисович сказал, чтобы я к вам зашел...

Курсант Петров явно стеснялся главного редактора. Пригладил пшеничную шевелюру, растянул в полумесяц широкие губы, но глаза были беспокойные. И с надеждой.

Редактор вышел из-за стола, протянул руку.

— Товарищ Петров? Я вас видел мельком прошлый раз в отделе прозы... Садитесь, прошу, — он показал на кресло. Но курсант Петров сел рядом с креслом на скрипучий канцелярский стул (тот, который обычно служил стремянкой для уборщицы). Поставил у громадных своих ботинок аэрофлотовскую сумку. Тербил ее ремень и смотрел на модель шхуны.

А редактор смотрел на Петрова.

— Какими судьбами в Ленинграде? Или специально к нам?

Петров, сидевший боком, обернулся.

— Нет, мы перегоняли сюда из Гданьска новый парусник. Он будет участвовать в празднике «День города».

— А! Это из серии учебных фрегатов, которые поляки строят по нашему заказу?

Петров кивнул. Редактор сказал с ноткой ревности:

— Если парусник шел к нам, а не в Калининград, не могли разве набрать экипаж из наших, ленинградских ребят?

— Отовсюду брали. Тех, кто уже знаком с парусами.

— Ах да! Вы, кажется, в прошлом году ходили на «Крузенштерне»?

— Да, в регате...

— Ну и как?

Петров опять улыбнулся и стал смотреть на шхуну.

— Ну как... Хорошо. Чего хотел, то и было.

— Я почему спросил... Не все курсанты любят паруса.

— Нет, я хотел... Я потому и в Калининградское поступил, чтобы поближе к «Крузенштерну». Оттуда всегда набирают практикантов на него...

— Ну что же, тогда поговорим о Крузенштерне. Не о барке, а об Иване Федоровиче... Точнее, о повести, которую вы нам предложили.

Курсант Петров неловко зашевелился на скрипучем стуле, выпустил ремень сумки. Глянул с открытой боязнью.

«На реи он лазит наверняка более смело», — подумал редактор. И ободряюще сказал:

— Надо уточнить некоторые детали... Редакторской доработки повесть почти не требует, но необхо-

димо, чтобы специалисты сделали комментарии. Впрочем, это забота редакции. А поговорить я хочу о вашем предисловии. Есть кое-какие замечания.

Курсант Петров снова завозился на стуле.

— Да, прозаик из меня никакой... Как и поэт, конечно...

— Прозаик из вас... Впрочем, об этом после. Меня пока беспокоит фактическая сторона. Вы подробно описываете начало всей истории с рукописью, а затем — все как-то глухо. Вот... — редактор притянул к себе раскрытую папку. — «...Потом оказалось, что рукопись все-таки не погибла. Кочуя по чердакам и архивам, попала она в руки одного человека и долго лежала у него никому не известная. А несколько лет назад снова сплелись вокруг нее загадки и разгадки, события и встречи... Нашлась даже древняя машинка. Прозвучал со старой пленки голос инженера Нечаева, который наизусть читал эпилог повести. Августовским вечером в Севастополе, на палубе «Крузенштерна», он рассказал курсантам о гибели капитан-лейтенанта Алабышева, а через несколько дней сам погиб от рук убийц. Судьбу рукописи он так и не узнал... Но время, которое до сих пор стучит в старом корабельном хронометре Арсения Викторовича Курганова, все расставляет на свои места. Закончились и приключения потрепанной картонной папки с повестью «Острова в океане». Она попала к автору этих строк. И он — последний в ряду тех, через чьи руки она прошла, — предлагает ее читателям. Пусть ребята и взрослые хотя бы через сорок лет узнают писателя Курганова. И, может быть, его герои — люди давних дней — заставят лишний раз кого-то задуматься: так ли мы живем? И зачем? И не виноваты ли в чьих-то несчастьях? И как быть, если виноваты?»

...А кому-то напомнят они, что есть еще на свете даруса и дальние острова в бескрайнем океане.

И пусть читатель не будет на автора в обиде за это название, одинаковое с романом Хемингуэя. Повесть была написана раньше...»

Редактор кончил читать. Курсант Петров смотрел в пол, и щеки у него были темно-розовыми. Он выдал:

— Ну, я же говорю... Скверно, конечно...

— Да нет, я не упрекаю вас за стиль. Написано несколько патетично, однако в данном случае это уместно... Но почему у вас скомкана в конце история рукописи? У кого рукопись была?

Курсант Петров потер щеки и стал смотреть в окно.

— Не хотелось писать подробнее. Сложно это...

— Но у читателей возникнут вопросы.

Курсант Петров чуть заметно, однако упрямо пожал плечами.

— Ну, тогда вопрос у меня, — сказал редактор. — Деликатный. Если не считаете возможным его касаться, то и не отвечайте. Но... несколько лет назад случай свел меня с одним литератором. Назовем его товарищем Эн... И он говорил мне о повести с похожим сюжетом. Закончит, мол, и предложит нашему журналу. Это... никак не связано?

— Это... наверно, связано, — сказал курсант Петров и посмотрел прямо на редактора. — Но «товарищ Эн» сам вернул мне рукопись... после наших объяснений. Чего же еще...

— Чего же еще... — откликнулся редактор. — Что ж, вам виднее.

— Он вернул рукопись, — насупленно повторил Петров. — К тому же он в детстве с моим отцом играл. Сложно все это... И у него есть сын. Такой же, как я...

— Он... ваш друг?

— Нет... То есть не знаю... — Курсант Петров опять взглянул в лицо редактору. Лицо было располагающим, редактор нравился Петрову. Несмотря на непростые вопросы. — Нельзя сказать, что друг. Мы видимся редко... Но... что-то есть, наверно. Случалось, выручали друг друга.

— Понятно.

— Но дело даже не в этом. Я не хочу писать о его отце, потому что это... будто стреляешь, когда противник уже сдался.

— Да, пожалуй... Хотя товарищ Эн, если и сдался, то лишь в случае с вами. А вообще-то он весьма деятелен и бодр. Набирает силу. Пьеса «Яблони президента» идет в десятках театров.

— Ну и что? — сказал Петров. — Это совсем другое дело. Эту пьесу написал он сам, я знаю точно.

— Да, вы правы, я отвлекся. Просто пьеса мне не понравилась, хотя критики хвалят взмахом.

— Мне она тоже не понравилась, — вздохнул Петров. — Но это уже особая тема...

— Вы правы еще раз. Вернемся к нашей теме... Оставим предисловие как есть, не будем трогать товарища Эн... Поговорим лучше о вас. Ваша специальность — штурман?

— Будущий...

— И судя по всему, будущий литератор, — без улыбки сказал редактор.

Щеки курсанта Петрова опять зацвели. Он пробормотал:

— Это уж как получится...

— Я прочитал ваши стихи.

— Да?... — И стало длинному, большому курсанту Петрову совсем неудобно на этом подло скрипящем стуле. — Я даже и не думал, что вы... что сам главный редактор будет... Думал, так просто кто-нибудь поглядит, если будет время...

— Я прочитал, когда просматривал портфель отдела поэзии. Неплохие стихи. Не очень оригинальные, но есть сделанные крепко. Можно было даже некоторые напечатать, если бы не такая перегрузка в журнале.

— Да ну их совсем... — сдавленно сказал курсант Петров.

— Дело не в этом, что «ну их совсем», а в том, что, по-моему, это для вас просто начальный этап. Вы со временем наверняка перейдете на прозу... Нет пока таких мыслей?

— Вообще-то есть... — курсант Петров несolidно шмыгнул носом и завозил по полу могучим ботинком.

— Не поделитесь?

— Я... у вас, наверно, и так времени нет...

— Есть, — сказал редактор.

— Ну... Я набрасывал что-то вроде плана повести. Называется «Визит учебного корабля».

— А! Это по впечатлениям недавних плаваний?

— Нет... Тут по всяким другим впечатлениям. — Курсант Петров слегка оживился. — Может, даже немного фантастика. Сначала про одну картину... На выставке...

— Интересно...

— Выставка художников в небольшом городе... Ну, там, как обычно, портреты передовиков, местные

пейзажи, натюрморты... И вдруг — большое полотно. Такое синее с желтым. Море, небо, желтый берег. И городок на берегу — белый, одноэтажный, степной. И так написано, что даже зной чувствуется... А у причала, за домами — парусник. Ну, паруса, конечно, скатаны на реях, только рангоут и такелаж в небе... И он такой громадный, этот корабль, по сравнению с городком! Даже борта над крышами поднимаются, а весь корпус растянулся на два квартала. И мачты совсем в поднебесье, в четыре раза выше водонапорной башни и колокольни... Это ведь и в самом деле так. Придвиньте «Крузенштерна» к такому городку, сами увидите...

— Придвинул, — серьезно сказал редактор. — Впечатляет.

— Ну вот... А по улице, по кривой такой, среди камней и полыни, бегут к берегу мальчишки... А один мальчишка, это уже не на картине, а в городе, где выставка, сбежал из школы и на эту выставку заглянул. Случайно... Сбежал там из-за всяких причин, не виноват он даже... Ну, и замер перед полотном. И ходит потом каждый день, смотрит... На улице слякоть, осень, а на картине солнце, море и корабль этот... И вот такая тоска у мальчишки, что... ну, как это сказать... она раздвигает границы реального...

— И мальчик оказывается на корабле?

— Не-е... — Петров помотал головой совсем по-детски. — Тут другое. Просто лето приходит удивительно быстро. А может, мальчишке так показалось, потому что все время помнил картину, как бы жил в ней... И тоска у него по парусам. А моря нет рядом, только река. И вот он с друзьями делает корабль: плот связывает или старую лодку они чинят, а еще не придумал... В общем, это повесть о плавании по реке. Но плавание там — не главное, там много всего... Главное, что они однажды пристают к небольшому поселку, а в нем тоже мальчишка, лет девяти. И для него этот случайный самодельный корабль — как для того, для главного героя корабль на картине. Но сейчас-то ведь уже не картина, а по правде. И куда теперь этого мальчишку девать, который на берегу?.. Ну, я загворился.

— Вы рассказываете очень... емко, что ли. И убедительно. А вот эта картина... с кораблем... Вы ее где-то видели?

— Нет... придумал. Но ведь может быть такая?

— Собственно, она уже есть. В вашей повести.

— Да повести-то еще нет, — стесненно усмехнулся Петров.

— А скажите... Вот это плавание на плоту, оно тоже только воображаемое? Или что-то было?

— Плавание было. Не на плоту, на шлюпке... Я девятый и десятый класс заканчивал в Среднекамске, это у реки город. У родственников жил. Ну, и летом отремонтировали дырявую посудину, поставили прямой парус и отправились. Целый экипаж...

— Значит, есть и герои будущей повести?

— Ну... я не хочу в точности списывать. Но вообще-то есть. Такие пираты собрались: Никитка, Витек, Ванюшка, Генка Стрельцов...

— И вы один ими командовали? Как капитан?

— Нет, были ребята постарше, одноклассники из моей прежней школы: Венька, Юрий... И мой двоюродный брат, взрослый совсем. Тот, у которого я жил. Хорошая компания...

— А... простите, если не секрет, почему вы у брата жили? Вы... без родителей?

— Без отца. А мать вышла снова замуж... Да нет, мы не ссорились, но... В общем, жизнь.

— Егор, — сказал редактор. — Вас ведь Егором зовут? Егор, вот что я хочу сказать. В вашей жизни, наверно, будет много сложностей, трудностей, пертурбаций. Как у всякого. И повесть ваша, возможно, будет писаться с трудом. И покажется не раз, что надо бросить... Обещайте, что не сделаете этого. А?

— Постараюсь, — пробормотал Егор Петров. — Конечно... Хотелось бы...

— А когда закончите, пришлите ее мне... Скажем, через год. Большого срока я вам не даю... А в зачет будущего я обещаю вам вот что: одно ваше стихотворение мы напечатает. В ближайшем номере.

Егор Петров глянул недоверчиво и радостно. Хотел сдерживать улыбку, но губы расплылись по-полумяся.

— Совсем даже не ожидал...

— Напечатает. «Балладу о хронометре». Она, кстати, как-то переключается с повестью Курганова... Вот... — он вытянул из-под бумаг знакомые Петрову листы. — Я отложил... Только скажите, чем вам не нравится ваша фамилия? Прекрасная, самая русская... И чем лучше псевдоним «Нечаев»? Или... это как-то связано с тем Нечаевым?

— Связано. Я его сын.

— Бог ты мой. Вот в чем дело-то... Ну, я уже не отваживаюсь на дальнейшие вопросы.

— Рос-то я с отчимом. Потом он тоже умер... Ну, а фамилию отца я узнал только в восьмом классе.

— Ясно... Выходит, вам в наследство досталась вся эта история.

— И хронометр Курганова, — улыбнулся Егор.

— Кстати, о наследстве... Нам надо коснуться еще одного вопроса, чисто юридического. Повесть будет считаться вашей публикацией, положен соответствующий гонорар... А не получится так, что у Курганова отыщутся прямые наследники и предъявят свои права? Тем более что сам он родом из Ленинграда...

— А я уже отыскал наследников, — сказал Егор.

— Ого! Как вам удалось?

— Ну, это рассказывать — еще одна повесть. Многие помогали. В том числе и Денис... Сын товарища Эн. Он сейчас здесь, в Ленинграде. В кораблестроительном. Но в конце концов помог счастливый случай. В письмах моей бабушки, матери Толика... Анатолия Нечаева, нашли бумажку с ленинградским адресом... Тетя Варя, моя тетушка, догадалась, что, наверно, это адрес, по которому бабушка сообщала дочери Курганова о его смерти... Ну и точно. В том же доме на Петроградской стороне и живут.

— И кто же наследники?

— Дочь Курганова умерла два года назад. У нее был сын, офицер. Внук Курганова. Он прошлым летом погиб в Афганистане... Сейчас в той квартире живет его вдова...

— Да... но вдова внука, это, увы, не прямая наследница...

— Но у нее есть сын. Правнук Курганова, пятиклассник... Я вам оставлю их адрес.

Выражение «у него выросли крылья» было вполне применимо к второкурснику Калининградского высшего морского училища Егору Петрову. С этим ощущением радостной невесомости он отмахал сво-

ими ботинками расстояние от редакции до одного из дальних кварталов Петроградской стороны. И шел теперь к старому, уцелевшему в войну четырехэтажному дому.

Тротуар вывел к бетонной изгороди школьного двора. Изгородь и сама школа были очень похожи на ту, в которой Егор заканчивал восьмой класс. Что поделаешь, типовая постройка...

Но на школьном дворе не было типовой унылости. Был праздник. Рядом с изгородью репетировали барабанщики: отбивали шаг на месте и ловко дупили палочками по синтетической коже красных лаковых барабанов. Это был тот же марш, который когда-то показывал Егору Никитка, приемный сын Михаила: в школе, где после университета работал Михаил, готовили торжественный сбор, и вот Никитка старался.

Сейчас мальчишки тоже готовились к пионерскому празднику — через несколько дней 19 мая. Над школьным двором, растянутый между столбом спортплощадки и топодем, выгибался, как парус, под теплым ветром широкий кумач:

1987
70 лет Великого Октября
65 лет советской пионерии
Дружина! Крепче шаг на марше!

А потом Егор увидел и настоящие паруса. Почти настоящие. Пунцовые, небесно-синие, пламенно-оранжевые, зеленые, лимонные. Они трепетали над макетом старинного фрегата. Макет был размером с автобус. Корпус фрегата, украшенный узорами, фигурами озорных морских коньков и масляной роснисью, стоял на четырех парах велосипедных колес. Десятка полтора мальчишек возились у корабля: подтягивали тросы, накачивали шины, прибывали к корме щит с номером школы.

Это был, без сомнения, тот корабль, о котором в нескольких письмах рассказывал Костик Бессонов. Значит, и сам Костик должен был находиться где-то здесь.

Егор прошел во двор и спросил у ребят, где Бессонов из пятого «В». Но мальчишки пожалы плечами.

— Разве он не из экипажа вашего корабля?

Старший паренек, по виду класса из девятого, недовольно сказал:

— Тут много, кто в экипаже. А как работать — не соберешь.

Егор двинулся со двора, и его опять догнала дробь барабанного марша. Сто двадцать шагов в минуту, удар в полсекунды. Ритм корабельного хронометра... И вспомнив про «Балладу о хронометре», Егор снова ощутил радостную невесомость.

Костик Бессонов оказался дома. Он сам открыл дверь Егору. Узнал, заулыбался:

— Ой... а ничего не писал, что приедешь...

— Так получилось. Мы привели сюда фрегат... Наши ребята сразу уехали в Калининград, а я отпросился на сегодня. Поеду ночью... Мама, наверно, на работе?

— Да... Проходи. У меня котлеты пожарены с картошкой...

Полутемный коридор дохнул на Егора запахом старой коммунальной квартиры. Но просторная комната встретила его солнцем и чистотой. Пахло ста-

рым деревом свежeweмытого пола, стояло ведро с висевшей на краю тряпкой. Костик радостно сказал:

— Ты садись, я сейчас кончу тут хозяйничать...

Егор скинул у порога свою казенную обувь («Да зачем ты,— сказал Костик.— Вытер бы, да и ладно...»), прошел, сел на край тахты. Как и в прошлый раз, глянул на Егора с настенной фотографии капитана ВВС Вячеслав Бессонов. Командир вертолета, потерявшего управление после выстрелов с земли и врубившегося в склон горы севернее Герата. У капитана Бессонова были спутаны ветром светлые волосы и смешливо искрились глаза. И уже не первый раз в жизни подумал Егор Петров, как хранят фотографии живые взгляды людей, которых нет на свете...

Звякая ведром, Костик деловито сказал:

— Сейчас я буду тебя кормить.

— Да я пообедал в столовой... Слушай, я мимо вашей школы шел, видел ваш корабль. Ничего себе отгрохали! Ребята с ним возятся, я думал, ты тоже там...

— Да не...— сказал Костик. Он стоял спиной к Егору и выжимал тряпку. Потом пошел к двери. Егор смотрел вслед. Он думал, что имя «Костик» очень подходит сыну капитана Бессонова. Мальчишка был как сухая коричневая косточка — щуплый, смуглый, с темным ежиком волос. И с родимым пятном на мочке уха, похожим на твердое семечко... Только глаза не были твердыми. И не коричневые они, а желтовато-серые. Порой не по-мальчишески серьезные глаза, с тенью недоуменно-печального вопроса. Впрочем, понятно...

Вот этими глазами, уже без улыбки, глянул Костя на Егора, когда вернулся. Босой, в подвернутых трикотажных штанах, в раздрызганной майке, с мокрыми руками. Молчаливый.

Глуша в себе невольное беспокойство, Егор сказал:

— А я тебе голландку привез. В которой Гай снимался, помнишь?

Костик быстро кивнул. Помнил, конечно, что Егор обещал прислать алую атласную блузу, которая за двадцать лет не потеряла красоты и блеска и очень годилась для матроса сказочного фрегата. На том корабле, который двинется на стадион впереди праздничной колонны...

В письмах столько было про этот корабль! И как его строили в кружке юных моряков, и как выбирали экипаж. И какие пестрые костюмы нужны для этого экипажа.

Егор достал из сумки газетный сверток (выкатилась заодно и курсантская фуражка). Развернул газету. Розовые отблески разлетелись по обоям, по стеклу фотографии.

— Ух ты,— сказал Костик. Но опять без улыбки.— Спасибо.

Он взял блузу за плечи, прикинул к груди.

— Длинновата,— заметил Егор.— Ну, ничего, мама подошьет.

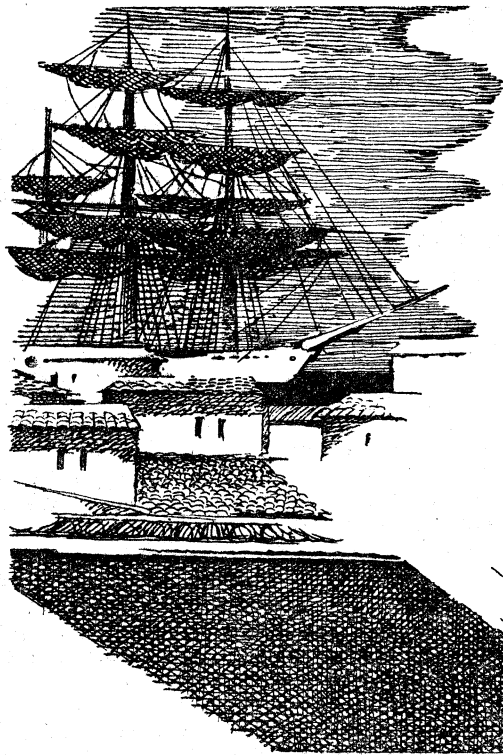
— Да... Она уже и брюки для нее сшила, белые, тоже с блеском,— вполголоса отозвался Костик.— Давно еще...

— Примерь как следует, Костик.

Он кивнул и так, с опущенной головой, отошел, но не к зеркалу, а к окну. И увидев замершую спину Костика, Егор быстро встал.

Подошел.

Тихо повернул Костика за плечи. Тот плакал

молча, без всхлипов. Капли бежали по щекам, срывались, оставляли на алом атласе влажные следы.

— Что? Не берут в экипаж?

Костик опять кивнул. Точнее, еще ниже наклонилась голова. Егор осторожно повесил блузу на спинку стула, так же осторожно усадил Костика с собой на тахту.

— Расскажи. Может, что-то придумаем.

Сперва он помолчал, конечно, поотворачивался, сердито размазывая кулаком остатки слез. Пробормотал что-то вроде «да ну их всех...» А потом рассказал (правда, тихо и с перерывами). О том, как неделю назад Дора Борисовна сказала, что седьмым уроком будет внеочередной классный час и на него придет увлеченный в запас десантник, будет говорить про Афганистан. И одни обрадовались, а другие заявили, что опоздают в музыкальную школу, в кино и по всяким важным делам. Костику тоже не хотелось оставаться. Понятно, почему. Но Дора Борисовна сообщила, что, если кто сбежит, «пойдут письма на работу родителям». Костик разозлился было и решил, что «ну и пусть пойдут». Но тут (уже не при Доре Борисовне, а только при ребятах) начал стонать и жаловаться на жизнь некий Глеб Самойлов, любимец Доры. Наверно, чтобы показать, что он вовсе не любимец, он сказал:

— Придумала тоже, на седьмом уроке киснуть из-за какого-то... Они там воюют за ордена да за валюту, а ты сиди и слушай...

Он, конечно, не помнил про отца Костика Бессонова. И самого Костика, наверно, даже не видел среди других. Но другие-то помнили и видели. И замолчали, и на Костика посмотрели. И тому что оставалось делать? («Ну правда, Егор, что?») Он сказал Глебу:

— Ох и гад же ты... Тебя бы самого туда... Глеб (длинный такой и ехидный) сделал глаза щелочками и спросил:

— Че-го-о?

— А вот «того», — сказал Костик и, хотя вовсе не был драчливым человеком, вмазал сейчас от души Глебу по губам. И раскрасовился.

И был тут сразу крик, растащили их, Дора кинулась звонить матери Костика (это ее любимое дело — звонить родителям), потому что «кто бы какие слова ни говорил, а решать в школе вопросы кулаками никто не имеет права, здесь не Америка».

А Костик, заплакав злыми слезами и почти не помня себя, сказал ей, что, значит, она «сама такая, если заступается за этого гада...»

Короче, много чего было потом, и в конце концов Костика вытурили из корабельного экипажа, потому что «там, во главе колонны, пойдут самые достойные, а не те, кто позволяет себе дикие выходки». Глебу, конечно, тоже попало за те слова, но ему-то что? Он в экипаже все равно не был...

Наум Львович, бывший штурман, а теперь руководитель кружка судомоделистов и юных моряков, которые строили фрегат, трижды ходил к Доре, уговаривал, рассказывал, как работал Костик на строительстве. Но без толку. Дора Борисовна сказала, что у них в классе самоуправление, и раз ребята решили не допускать Бессонова, так и будет. А никакого самоуправления нет, потому что все ребята за Костика, только привыкли голосовать, как велит Дора...

— А мама что же? — поинтересовался Егор.

— А что мама... От нее тоже попало. Говорит: «Может, и правильно дал этому Самойлову, но зачем грубить учительнице...» А еще говорит: «Если будешь хвастаться отцом, сниму портрет, так и знай...» А я когда хвастался?

Они разом посмотрели на фотографию.

Егор тихо спросил:

— А при чем портрет-то?

— Да так... Не знаю...— Костик сосредоточенно выдергивал нитки из продырявленной на колене трикотажной штанины.— Она еще и раньше говорила: «Может, лучше повесить папину фотографию у тебя над столом?» Это там, в другой комнате...

— Почему? — помолчав, спросил Егор.

Костик наматал длинную нитку на палец.

— Ну... наверно, чтобы каждый раз не спрашивали, кто это... Те, кто приходит.

«Значит, есть уже «те, кто приходит»,— подумал Егор.

Что ж, матери Костика всего тридцать один год... Тем, кто приходит, конечно, неловко встречать живой искрящийся взгляд капитана Бессонова...

— А ты что сказал? — нерешительно спросил Егор.

— А я сказал: не дам. Пусть висит.

«Вот так,— подумал Егор.— Ни распутать, ни помочь». Но помочь можно было в другом.

— Давай-ка одевайся. Пойдем.

— Куда?

— В школу...— Егор почувствовал на щеках привычный холодок — тот, который ощущал каждый раз перед тем, как «влезть в очередную историю».

Костик вскинул мокрые глаза:

— Зачем?

— Затем, что рано ты сдался. Дратся надо.

— Как? — он печально улыбнулся.

— А вот так! В конце концов, при чем здесь ваша Дора Борисовна? Это пионерский праздник, а не классный час. Все газеты пишут про самостоятельность отрядов...

— Ха, газеты...— сказал Костик.— Что они ей...— Но глаза быстро высохли.

— Одевайся, тебе говорят.

Костик исчез в другой комнате и тут же вернулся в школьной форме.

— Если надо, к директору пойдем,— сказал Егор.

— А он спросит тебя: «Вы кто такой?»

— А я скажу: брат.

— А врать нехорошо,— с дурашливо-нравоучительной ноткой ответил Костик. И улыбнулся.

Улыбнулся — это уже здорово!

Егор деловито объяснил:

— Никакого вранья. Мой отец, Анатолий Нечаев, был таким другом твоего прадедушки, что покрепче всякого родства. Так что на должность двоюродного брата я вполне годюсь...

Костик перестал улыбаться.

— По правде?

— Да.

— Тогда пошли... Пусть ничего не получится, все равно...

Когда шагали к школе, Костик вдруг сказал:

— Я никогда отцом не хвастался... А мама все равно говорит: «Гордиться можно, а хвастаться не зачем». Говорит: «Неважно, чей ты сын, а важно, какой ты сам...»

— Все важно. И чей ты сын — тоже. И чей внук и правнук... Костик, а повесть Арсения Викторовича будут печатать в журнале. Сегодня сам главный редактор сказал.

— Правда? — Костик опять заулыбался и даже запыргал рядом.

— Значит, ты сейчас правнук писателя... Хвастаться не надо, а гордиться можно...

— Егор...— Костик поглядел сбоку смущенно и хитровато.— А твои стихи... может, тоже когда-нибудь напечатают?

— Может быть...— не удержался Егор.— Редактор обещал, что возьмет «Балладу о хронометре». В ближайший номер даже...

— Ой, значит...— Костик прикусил улыбку и сбил шаг.

— Что?

— Да так.

— Ну что все-таки?

Костик шепотом и вроде бы шутя, но смущенно сказал:

— Выходит, я и брат поэта?

— Ну, поэт из меня... как весло из кочерги... А кой-каким журналистским приемам Гай меня научил. Так что пошли смелее...

Школа была рядом, и Егор взял Костика за руку. Но в школе никого из нужных людей не оказалось. Ни вожатой, ни директора, ни Доры Борисовны, ни Наума Львовича. И во дворе уже было пусто. Цветные паруса с фрегата были сняты, мачты и реи голо торчали над крышей мастерской.

— Ну и ладно,— вздохнул Костик.

— Да нет, не «ладно»,— хмуро возразил Егор.

— Все равно ничего не выйдет... Я ведь не поэтому с тобой пошел...

— А почему же? — недовольно сказал Егор.

— Ну, так... Потому что с тобой...

Они медленно зашагали обратно. Костик озабоченно поглядывал на Егора. Тот сердито насвистывал: «Мы помнить будем путь в архипелаге...» По-свистел, сказал:

— Наверно, это и завтра не поздно решить.

— Ты же ночью уезжаешь!

— Ну, застряну на сутки.

— А не влетит?

— Влетит.

— Ой... Не надо, Егор.

— Ты лучше скажи: говорил с мамой насчет Среднекамска? Чтобы приехать летом?

— Говорил, конечно.

— И что?

— Ну, как полагается... «Если не будет троек... «Если будут деньги...» Да, отпустит! Ей же лучше, отдохнет от меня.

— Вот и ладно. Поплывем от Среднекамска аж до Решетникова... Там такие места!

— Ты же писал, что шлюпка рассохлась!

— Хлопцы плот вяжут из автомобильных камер. Чуть не сотню их уже набрали...

— Ура... А ты будешь капитаном?

— Адмиралом...

— Егор... А что за «Баллада о хронометре»? Я не читал.

— Ну, ты много чего у меня не читал. Вот приедешь...

— Это о том самом хронометре? О прадедушкином?

— О нем.

— И он все еще тикает?

— Вполне точно тикает. Он и у тебя еще тикать будет.

— Почему... у меня? — Костик опять сбил шаг.
— Потому что приедешь и заберешь. Твое наследство.

— Да ну... — сказал Костик, пряча удивление и нерешительную радость. — Как это...

— Очень просто. Я же говорю — наследство.

— Но он же сейчас твой. Ты же...

— Что?

— Ну... — Костик виновато задышал. — Ты же ведь не помер...

— А это и не надо, — засмеялся Егор. — С хронометром по-другому. Как находится новый наследник — тот сразу ему в руки.

— А тебе... не жалко?

— При чем тут «жалко»? Это закон.

Редактор в это время, окончив ряд срочных дел, взялся за листы с «Балладой». Он знал, что предстоит выдержать бой с экспансивным заведующим отделом поэзии. Тот станет кричать, что «Баллада» растянута, сыра, написана явно ученически и далека от канонов современной поэзии. И будет прав. Действительно, стихи многословны, немало неуклюжих строчек и рифм...

Но чем-то же цепляет «Баллада» сознание и душу! Есть же у этого Егора Петрова какая-то струнка. Вроде бы и рассуждения о природе времени наивны, и слишком длинен стихотворный рассказ, как попал к мальчишке старый корабельный хронометр, и, конечно, вызовут возражение «технические» строки об устройстве механизма с горизонтальным балансиром.

И вроде бы совсем лишнее воспоминание о Севастополе, где на крутой ракушечной лестнице встречается автору похожий на младшего брата мальчишка...

Не баллада, а целая поэма. Подсократить бы...

Но что сокращать? Все сцеплено, черт возьми. Мальчишка не выкинешь, горизонтальный балансир тоже...

Может, убрать вот эти строки?

*Он говорил негромко и доверчиво,
Что жизнь, она, конечно, не проста,
Но в то же время Время бесконечное
Со временем все ставит на места...*

Или вот эти?

*И вдруг приходит мысль-освобождение,
Счастливая, как бегство из тюрьмы —
Что нету во вселенной просто времени.
Что время — в нас. Что время — это мы...*

«Жонглирование дилетантскими сентенциями», — примерно так выразится заведующий отделом поэзии.

А все-таки здесь что-то есть...

*Нас прихватил норд-вест, и море древнее
Швыряло пену желтую в лицо,
И горизонт за выросшими гребнями
Качался, как карданное кольцо.*

*Но пусть шторма ревут и не кончаются,
Пусть швыряют судно вверх и вниз —
В кольцо хронометра, которое качается,
Горизонтален медный механизм...*

Или вот эта мысль — об оси времени, которая проходит через вселенную, через каждого из нас и через старенький, но исправно тикающий хронометр.

Ось — прямая, как чистый характер, как честная судьба...

Егор шел рядом с Костиком и думал, сколько всего надо успеть за вечер. Сменить на вокзале билет. Найти Дениса и договориться о ночлеге в общежитии (Костик будет звать к себе, но неудобно перед матерью). Потом — позвонить с автомата в Калининград, заведующему учебной частью Аунииншу и объяснить насчет задержки.

Лучше всего рассказать все честно. Может быть, тогда Станислав Янович — строжайший и добрейший одновременно — ответит просто и коротко: «Хорошо, задержитесь на сутки». Но может и наоборот: «Никаких задержек, завтра быть в училище».

И тогда курсант Петров (он подумал об этом с холодком) нарушит прямое и категорическое распоряжение. Потому что дисциплина дисциплиной, но есть другие не менее важные и строгие понятия.

«И не выгонят же в конце концов...»

«А если и выгонят... Человека можно выгнать откуда угодно, только не из Капитанов», — усмехнулся Егор. Мысль была совершенно детская, наивно-тщеславная и далеко не бесспорная, он сам это прекрасно понимал. И все-таки она слегка успокоила курсанта Петрова.

Они дошли до угла, Егор сказал:

— Беги домой, а я на вокзал и по разным делам. Вечером загляну.

— Приходи пораньше! — И Костик убежал, несколько раз оглянувшись.

Редактор почесал тупым концом карандаша подбородок. Он думал, что между достаточно неуклюжей, но все-таки нужной журналу «Балладой» и будущей повестью «Визит учебного корабля» есть неуловимая, но прочная связь.

*...Поскольку каждого из нас насквозь
Невидимо пронзает эта ось...*

*И под стеклом орехового ящика,
На непреклонной, как судьба, оси
В неумолимом ритме барабаничка
Стучит горизонтальный балансир.*

*И этот стук — сандалий звонких щелканье:
По трапу из ракушечных камней
Спешит вверх братишка в алой форменке —
По времени.*

По вечности.

Ко мне.

...Костик скрылся за поворотом, а Егор смотрел вслед. Когда расстаешься с тем, за кого отвечаешь, всегда бывает тревожно. Даже если нет причин и если расставание — совсем ненадолго. Все равно.

В переулке взвизгнули тормоза, и Егор кинулся за угол. Но это просто резко тормознул у поворота бестолковый «жигуленок».

А Костик бежал к дому. Потом опять оглянулся. Встал. Увидел Егора. И пошел обратно. Пошли они навстречу друг другу.

— Егор... — сказал Костик. — А что мне дома-то? Мама поздно придет... Давай, я лучше с тобой. Ты будешь делать свои дела, а я так... вместе. Можно?

И Егор сказал:

— Идем.

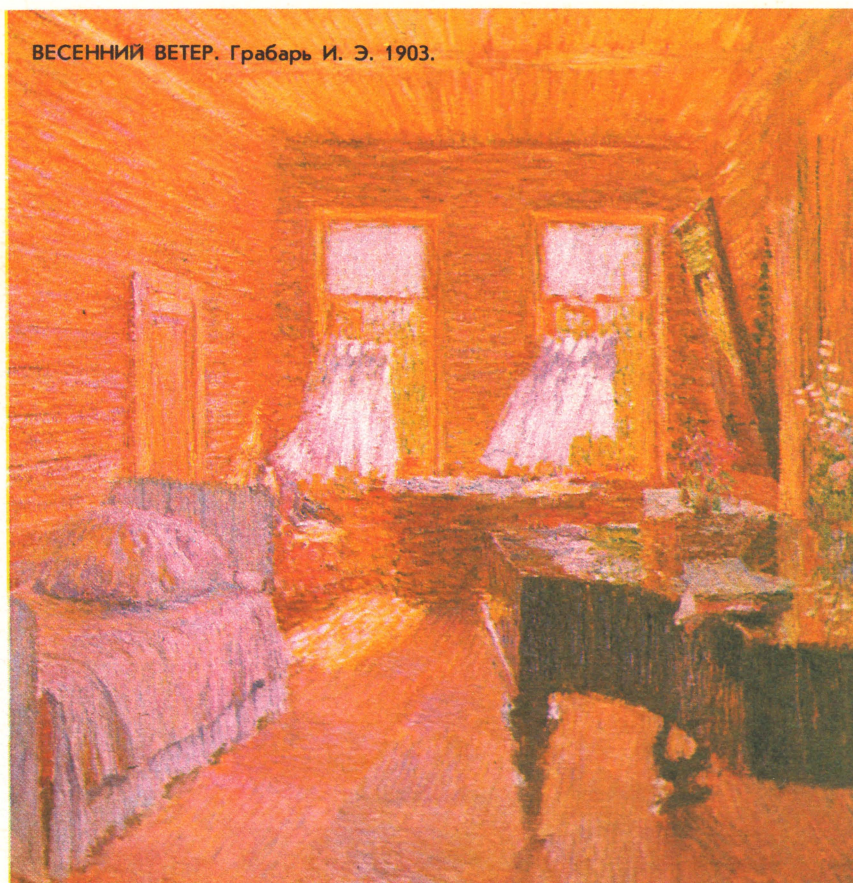

Вид Перми с Камы

Фоторепродукции Е. Загулева

Родители С. П. Дягилева — Павел Павлович и Евгения Николаевна

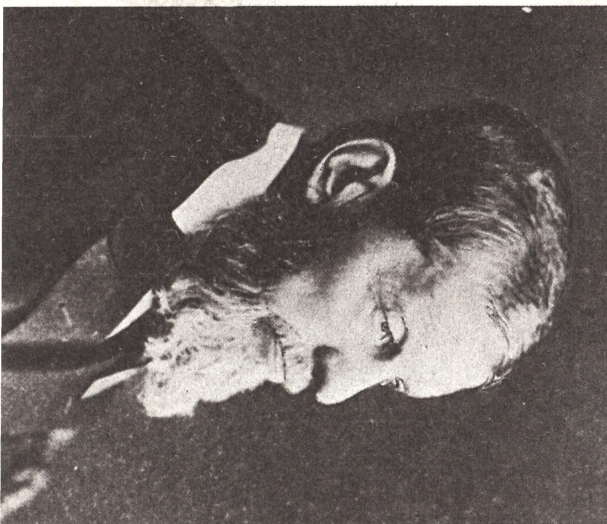
ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР. Грабарь И. Э. 1903.

С. Дягилев — гимназист. 1883—1884.

СОЛНЦЕ ПОД ВЕЧЕР. Жуковский С. Ю.

Павел Дмитриевич Дягилев —
дедушка С. П. Дягилева

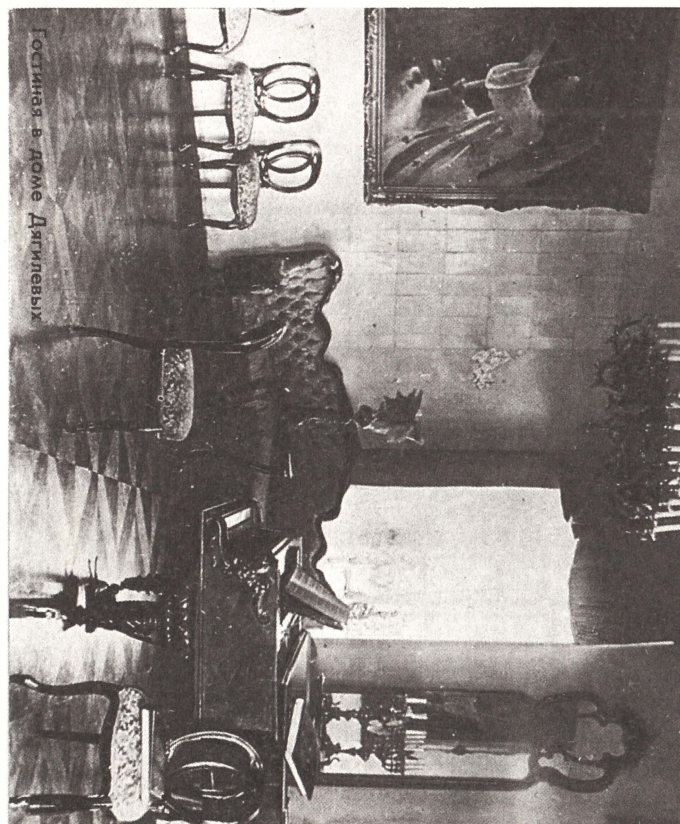

ПОРТРЕТ ЛЮЦ А. П. Головин А. Я.

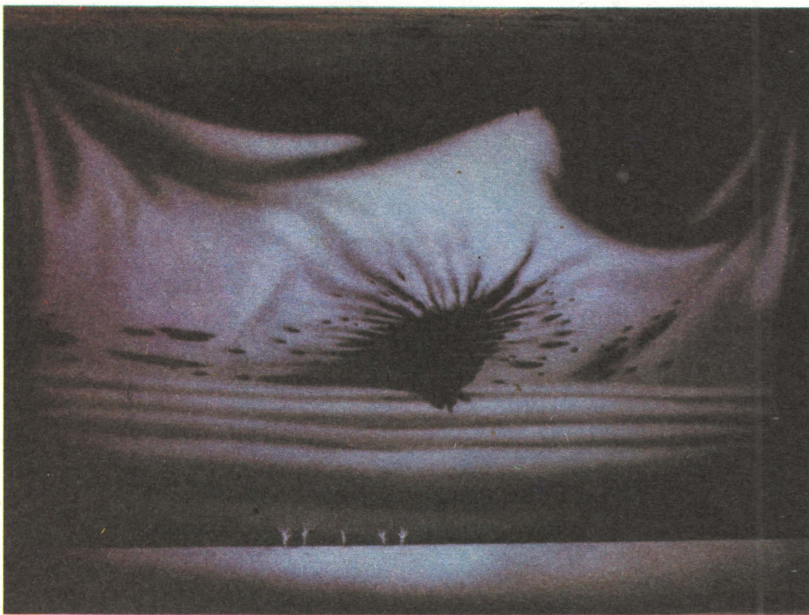

ПАРИЖСКИЙ БУЛЬВАР НОЧЬЮ. Кустодиев Б. М.
1913.

МЕЛАНХОЛИЯ. Б. И. Анисфельд

П. П. и Е. В. Дягилевы с сыновьями —
Валентином, Юрием, Сергеем

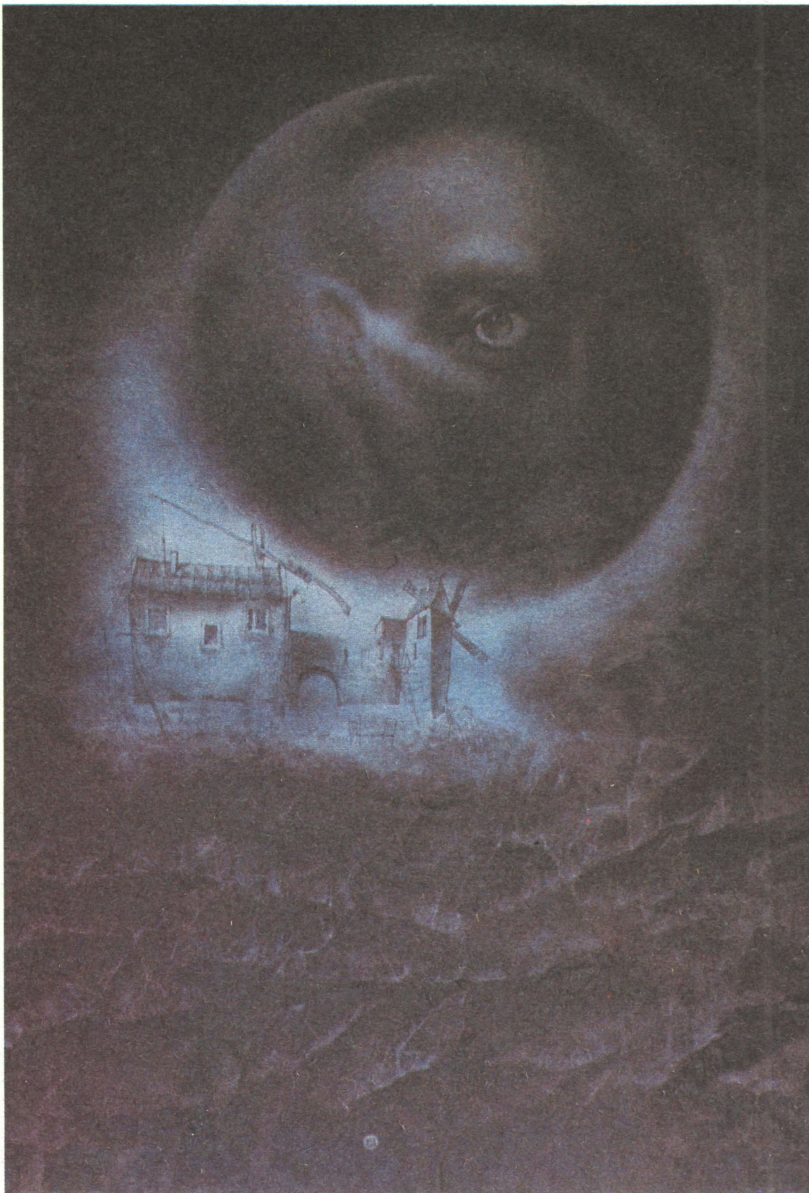
«Небесная плоть»
«Прощание с неувиденным»

«Я НАЗЫВАЮ ЭТО БИОГРАФИКОЙ»

Молодой свердловский художник Сергей Григорькин в 1986 году окончил художественное училище. Участвовал в областных и городских выставках, перебивался на оформительской работе, как и большинство начинающих. Первый успех пришел к Сергею на Всесоюзной выставке, посвященной 70-летию комсомола.

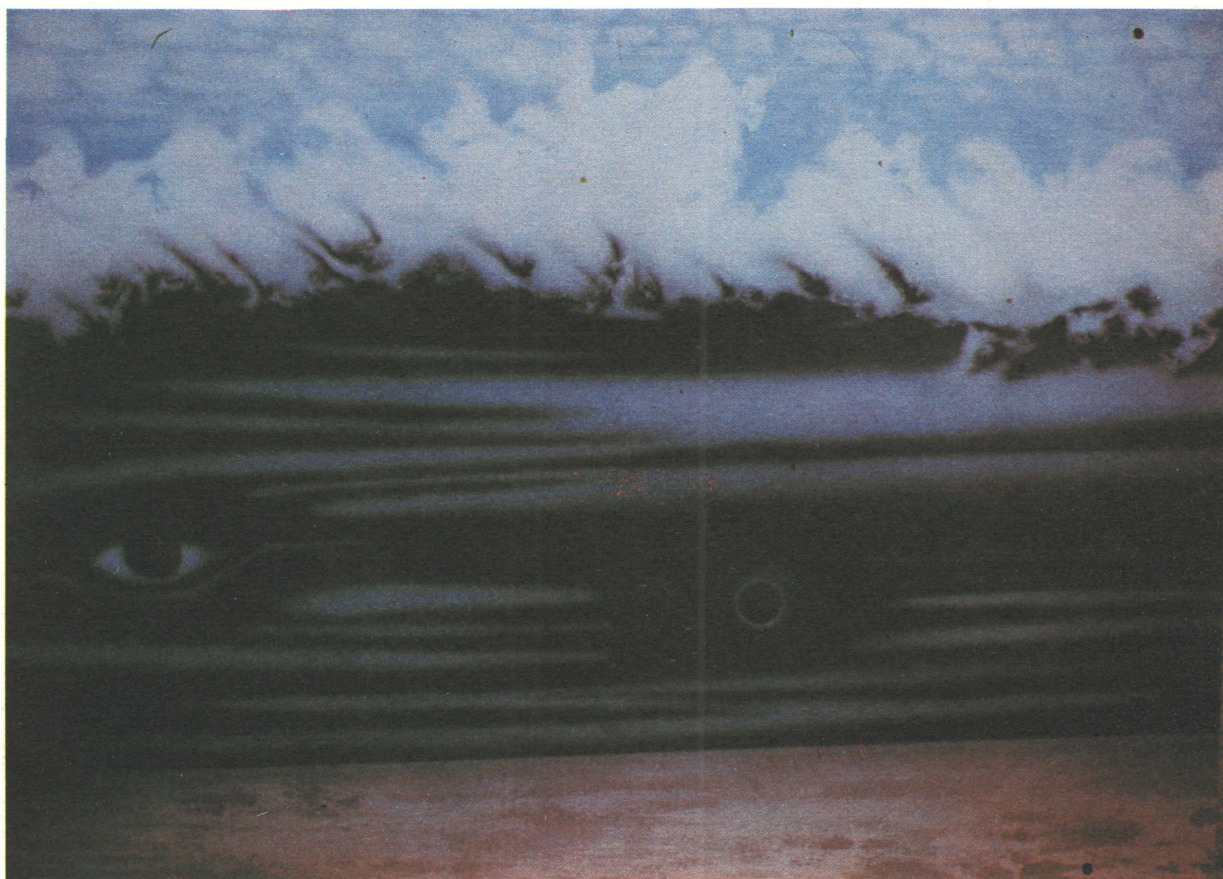
...Во всяком искусстве есть тайна. Художником владеет воображение, а воображение — такая же реальность, как кусок холста. Тайна — это то, что отстает у Сергея с особой настойчивостью. «Я называю свои картины биографией. Когда мне удастся забыть, кто я и что я, — рука сама водит по листу. Должно быть полное доверие к незаполненному пространству. Я знаю, чего оно от меня хочет...»

«Вечная скорбь луны»
«Глаз синего кита»

«Тамтамия»
«Преображение»

«Красный, опасный...»

Борис ЕМЕЛЬЯНОВ,
кандидат философских наук

В душные дни июня 1888 года в маленькой швейцарской деревушке Кларан умирал от чахотки русский человек, чье имя, знания и храбрость были известны рыбакам Ближнего Востока, гарибальдийским солдатам, студентам Токио.

Лев Мечников родился в мае 1838 года в семье харьковского помещика. Его младший брат впоследствии стал известным ученым-физиологом. Лев рос необычайно впечатлительным мальчиком. Когда дядя рассказал ему, что род Мечниковых-Спадаренко идет от молдавского «господаря» Николая Милеску, мальчик решил тайно бежать в Румынию, чтобы вернуть престол. К счастью родителей, пятнадцатилетний беглец был возвращен под отчий кров. Спустя несколько лет вместе с товарищем по гимназии Лев Мечников был задержан по дороге в Севастополь. Шла Крымская война, и друзья решили пойти в действующую армию, чтобы отомстить за оскорбленную родину. М. Городецкий о Мечникове писал: «Как все впечатлительные и богато одаренные дети, он носил в себе постоянную готовность к подвигам, к страстной борьбе за свои детские идеалы, к защите тех, кто тогда казался ему угнетенным...»

Другой характерной чертой этой незаурядной личности была постоянная жажда знаний. После окончания гимназии шестнадцатилетний Лев Мечников поступил на медицинское отделение Харьковского университета, но спустя полгода был вынужден покинуть его из-за участия в студенческих волнениях. Переехав в Петербург, он начинает слушать лекции одновременно в Медико-хирургической академии, на физико-математическом факультете университета, в Академии художеств. «Но сейчас не это главное,— пишет Мечников из Петербурга родителям,— я взялся за изучение персидского, турецкого и арабского языков и, честно говоря, сделал заметные успехи». Он не превеличивал, поскольку уже через два года, т. е. в 1858 году получает приглашение уехать в качестве переводчика при дипломатической миссии Мансурова. Впереди были Константинополь, Афины, Иерусалим, города и страны Ближнего Востока. Расставался с родиной Лев Мечников на короткое время, а оказалось...

Уже через несколько месяцев из-за несправедливых притеснений и дуэли он покидает миссию Мансурова и более года скитается по портовым городам восточного Средиземноморья.

30 мая 1860 года знаменитая тысяча гарибальдийцев захватила Палермо и начала свое шествие к Неаполю. Это событие всколыхнуло революционные круги европейских стран. Под знаменем Гарibaldi потянулись волонтеры не только из европейских государств, но и с других континентов. Лев Мечников решает организовать «Славянский легион» гарибальдийского ополчения. Но план осуществить не удалось. Спасаясь от австрийской полиции, он из Венеции, где жил последнее время, перебирается к Гарibaldi в Ливорно. Спустя несколько дней лейтенант Лев Мечников, команду одной из рот, уже сражается под трехцветным знаменем итальянского освобождения. В сражении при Вольтурно взрывом снаряда у него были повреждены легкие и ранена нога. Только благодаря заботе Александра Дюма-сына Мечников смог встать на ноги. Начался новый период его деятельности — пропагандистский: он пишет и иллюстрирует свои статьи для неаполитанского журнала «Независимый», в 1862 году около полугода издает радикальную газету «Бич». Ее

резко обличительная направленность послужила причиной закрытия газеты. «У меня отобрали редакцию,— писал он Н. Г. Чернышевскому,— я должен уехать из Италии, где не могу жить не действуя».

В герценовском «Колоколе», «Современнике» Чернышевского, «Отечественных записках», «Русском слове» и в других русских изданиях появляются его статьи, повести, рассказы, подписанные псевдонимами Гарibaldiнец, Леон Бранди, Эмиль, Денегри, Леон Гоганди и другими. Но Лев Мечников был не только революционером-пропагандистом, но и революционером-практиком. В III отделении жандармерии уже давно завели на него дело. В одном донесении из Италии русский посол дал Л. Мечникову чрезвычайно точную характеристику: «республиканец, красный, опасный человек». Организация экспедиции с оружием для восставших поляков, доставка «Колокола» и других революционных изданий в Россию, участие в работе русской секции I Интернационала, попытка наладить связи с испанскими революционерами — вот несколько вех деятельности Мечникова.

В 1874 году благоприятный случай изменил его трудную, безденежную жизнь. За несколько месяцев Л. Мечников, уже знавший более десяти языков, освоил также японский и принял приглашение организовать в Токио общеобразовательную школу для самураев. Ее, правда, открыть не удалось, и Мечников приступил к работе в токийской школе иностранных языков. За два года Япония стала для русского ученого близкой страной, давшей ему интересную работу, новых друзей. Он много путешествует, изучая жизнь, культуру, историю Японии, делает зарисовки.

Хроническое малокровие вынуждает Мечникова вернуться в Европу. Здесь он пишет ряд статей и воспоминаний о Японии, подготовил и издал книгу «Японская империя», ставшую на долгие годы самым ярким произведением об этой экзотической стране.

Последние годы жизни Льва Мечникова связаны со Швейцарией. По приглашению французского географа Э. Реклю он принимает активное участие в издаваемой им многотомной «Всеобщей географии», пишет десятки статей для европейских и русских журналов, в течение пяти лет как профессор сравнительной географии читает лекции в Лозаннском университете. В эти же годы он пишет самую известную свою работу «Цивилизации и великие исторические реки. Географическая теория прогресса и социального развития».

Лев Мечников работал до последних лет своей жизни, мечтал, по свидетельству Э. Реклю, написать книгу «Цель жизни». Жизнь русского революционера, публициста, ученого, социолога оборвалась 30 июня 1888 года. В швейцарскую деревушку Кларан проводить его в последний путь приехали друзья и почитатели из многих европейских стран. В России смерть Мечникова осталась незамеченной.

Мало о нем знает и современный читатель. Не собраны и не изданы его многочисленные произведения, общий объем которых превышает тысячу печатных листов. Главное его философско-социологическое произведение последний раз издавалось в 1924 году и давно стало библиографической редкостью.

Но революционный и научный подвиг Льва Мечникова не забыт. Его имя навсегда вписано в историю России.

Витвицкие — отец и сын

Валентина ЧЕРНЫХ

Мало кому из уфалейцев известна ныне эта фамилия. А между тем архивные документы и переписка, что хранятся в краеведческом музее Верхнего Уфалея, многое расскажут о наших земляках.

Поляк по происхождению, уроженец города Васильково, что на Киевщине, Владислав Витвицкий учился на третьем курсе Киевского университета. За участие в нелегальной студенческой организации, распространение прокламаций, направленных против жестокого подавления царским правительством польского восстания 1863—1864 годов, его арестовали, исключили из университета и осудили на 7 лет каторжных работ в Усолье (ныне Иркутская область). Около двух лет он был прикован к тачке. А через 6 лет его выслали в Якутию, на Олекминский золотой прииск. Еще 12 лет спустя Витвицкому разрешили проживать в Верхнеуфалейском заводе с пребыванием в крупных городах России не более трех суток.

С 1882 по 1920 год жизнь Владислава Ивановича Витвицкого была связана с Уфалеем, где он состоял на службе в должности заведующего золотыми приисками и горными разработками. При его непосредственном участии в конце прошлого века в Уфалее был заложен сад (теперь Сад металлургов). Долгое время клуб и сад при нем были единственным местом сосредоточения культурной жизни в городе.

О широте интересов Владислава Ивановича говорят его связи. Он был лично знаком с Д. И. Менделеевым, который 14 июля 1899 года посетил Уфалейский металлургический завод. Между ними велась переписка. Письма, к сожалению, затерялись.

Встречался Владислав Иванович с такими крупными учеными, как Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Д. С. Белянкин, П. И. Кротов, с профессором Свердловского горного института М. О. Клером. Приезжая в Уфалей, они иногда по месяцу жили в доме Витвицких. Интерес ученых к Витвицкому объясняется его опытом в горном деле, обширными знаниями в области геологии-петрографии, рудных месторождений. Неоднократно он отправлял в адрес ученых комплектованные им образцы горных пород.

Встречался В. И. Витвицкий с инженером и писателем Н. Г. Гарниным-Михайловским, когда он строил Самаро-Златоустовскую железную дорогу. Владислав Иванович подсказал ему наиболее оптимальный маршрут дороги через Мокрую Выемку (возле разъезда Укагач).

Однажды в водоотливной шахте бывшего Каркодинского железного рудника (ныне Черемшанский карьер) водой вымыло кусочки породы ярко-зеленого цвета. Владислав Иванович отправил образцы в химлабораторию, и анализ показал, что это никелевая руда. Между тем о никеле в районе Уфалея ничего не было известно. На основе месторождения впоследствии были построен первый в Советском Союзе никелевый завод.

В 1903 году за антиправительственные выступления, «оскорбление императора и агитацию среди рабочих» Витвицкий предстал перед Екатеринбургским окружным судом. Поводом, как выяснилось, послужил донос: якобы Витвицкий, разъясняя рабочим смысл народного Ихэтуанского восстания в Китае, осуждал жестокие меры правительства по его подавлению. Однако большинство свиде-

телей не подтвердили показаний, и Владислав Иванович был осужден только на месяц домашнего ареста.

В доме Витвицких неоднократно проводились обыски. 5 июня 1907 года, как свидетельствует дело Казанской судебной палаты, «...у сына потомственного почетного гражданина Уфалея Козьмы Владиславова Витвицкого... найдено нелегальной литературы: «Пролетарии всех стран, соединитесь» — 2 листка, «Рабочий» * №№ 1 и 2, «Партия мирного ограбления» — 1 листок, «Товарищи и граждане избиратели» — 1 листок, «Чего хочет конституционно-демократическая партия» — 1 листок, «Воробушек» — два экземпляра, «Рецепты приготовления гектографа» — 5 листов, «Социальная всеобщая забастовка» — одна книжка, «Ужасные дни в Москве» — одна книжка и домашняя типография с принадлежностями».

В подполье дома Витвицких в 1907 году находился гектограф, на котором старший сын Козьма, один из членов Уфалейско-Кыштымской окружной организации РСДРП, с Михаилом Бронным, сыном врача Михаилом Хитровым и еще двумя молодыми людьми печатал журнал «Воробушек». Под безобидным названием скрывалось издание с определенной политической окраской, помещались карикатуры на политические темы. Журнал пользовался популярностью среди уфалейской интеллигенции. Выходил он в количестве 50—100 экземпляров.

Козьма два с половиной года учился в Томском технологическом институте вместе с С. М. Кировым. Одновременно с ним был исключен за участие в студенческой забастовке в 1906 году. Возвратившись в Уфалей, работал машинистом в паровозном депо.

В 1910 году Козьма Витвицкий арестован по подозрению в убийстве смотрителя завода Василия Плясунова. В деле канцелярии пермского губернатора сказано:

«...Терентьев совместно с Сергеем Мрачковским и Козьмой Витвицким доставили 24 декабря 1908 года в квартиру смотрителя завода Василия Плясунова ящик с разрывным снарядом, которым был убит Плясунов... Все обвиняемые виновными себя не признали, по обыскам у них ничего не найдено, по агентурным же сведениям все они принадлежат к Верхнеуфалейскому комитету социал-демократов, во главе коего стоит Иванов...» (После разгрома Уфалейско-Кыштымской окружной организации РСДРП в июне 1907 года и многочисленных арестов руководство подпольным комитетом социал-демократов Верхнего Уфалея взял на себя купец Петр Никитич Иванов).

В советское время Козьма Владиславович возглавлял один из отделов Омской железной дороги. Умер он в 1920 году от сыпного тифа.

Отец его в это время жил в Копейске, заведовал рудниками Уфалейской дачи, а одно время исполнял обязанности управляющего Челябинскими копиями. С 1920 по 1925 год работал в Копейске счетоводом на копиях. Умер В. И. Витвицкий в 1929 году в Челябинске в возрасте 87 лет.

г. Верхний Уфалей

* Газета Уральского областного и Екатеринбургского союзного комитета РСДРП.

РУКОЙ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Александр ШМАКОВ,
писатель-краевед

Три десятилетия книги Андрея Платонова, плотно прижавшись друг к другу на книжной полке, одаривают меня своим щедрым теплом и светом. Я часто обращаюсь к ним и открываю все новые стороны удивительного дарования.

Для меня и моих современников Андрей Платонов начинался книгой стихов «Голубая глубина», появившейся в краснодарском издательстве «Буревестник» в 1922 году. Я искал эту редкость, но хождения мои по букинистическим магазинам Москвы и Ленинграда безрезультатны. Нет и самых первых сборников повестей и рассказов: «Епифановские шлюзы», «Сокровенный человек» и «Присхождение мастера», где была напечатана первая часть романа «Чевенгур», ставшего для нас наряду с «Котлованом» и «Ювенильным морем» вторым открытием писателя.

Нельзя сказать, что в период отчуждения, продолжавшийся с 30-х по 50-е годы, Андрей Платонов был творчески обескровлен. Он продолжал творить, ибо мастера нельзя отлучить от его ремесла. Кроме того, писатель в качестве рецензента сотрудничал в журналах, а в годы

войны был корреспондентом «Красной звезды».

В моем архиве хранится рукопись с заметками Андрея Платонова на полях. Был 1936 год. Свой первый литературный опыт — «Рассказ о брате» — я послал в журнал «Новый мир». По молодости был уверен, что рассказ встретят с распростертыми объятиями и сразу же напечатают. Через две недели получил пакет с рукописью, испещренной подчеркиваниями, заметками на полях, и с заключением, написанным на последней странице простым карандашом:

«Рассказ обещает быть интересным. Не совсем развиты некоторые моменты: 1. С девушкой Мусей. Какую роль она сыграла в его жизни, — уж очень дано бегло. 2. С братом, — что-нибудь живое, бытовое следует воскресить в памяти. 3. О деталях смерти брата ему ведь рассказали раньше встречи с Мусей, этого у вас не показано. 4. Шереметов дан весьма напряженно со скрипом зубов, надо дать его образ легче, естественней. 5. Следует дорисовать обстановку Ш-ва, людей, окружение. 6. Следует дать подробно

предшествовавшую жизнь Шереметова: что делал, как жил, думал, — рассказ выйдет безусловно.

А. Платонов.

28/XII-36 г.»

Отрецензированный Платоновым рассказ я заново переписал, и он был опубликован в альманахе «Новая Сибирь».

Мне тогда Платонов представлялся человеком мягким, житейски добрым, благосклонным к начинающим авторам, хотя заметки его на полях были колки и небезобидны. Вот наиболее характерные из них: «Чересчур натужно это», «Надо бы поприветливее обстановку», «Откуда эта судорожность и пр. напряженне», «Надо легче», «Военная угроза — это не дело одного дня, а целого периода. Сообщение касается частностей» и другие. Замечания делались с единственной целью — помочь, а потому вызвали чувство благодарности и воспринимались как урок.

Полвека я храню этот отзыв на первый свой рассказ...

г. Челябинск

В конце января, когда эта заметка готовилась к печати, из Челябинска пришла горькая весть — Александра Андреевича Шмакова не стало. Закончился творческий и жизненный путь старейшего на Урале писателя-краеведа, доброго друга нашего журнала.

Несмотря на преклонный возраст (в июне ему исполнилось бы 80 лет), Александр Андреевич до последнего дня жизни мог дать фору молодым. Он неутомимо писал, ездил, выступал, работал в архивах, что-то организовывал, о чем-то хлопотал, извлекал из реки забвения чье-то имя, чью-то судьбу... Живет и переиздается его книга «Петербургский изгнанник» (о Радищеве), многие сборники историко-литературных очерков. Совсем недавно в Челябинске издан — как итог его многолетних исканий — библиографический словарь «Урал литературный». Его стараниями много лет собирают ученых и краеведов всесоюзно известные Бирюковские чтения...

Воля к жизни у Александра Андреевича была неиссякаема. Только внезапная смерть жены пресекла этот родник...

ДЕТИ ПЕТРОГРАДА

Леонид ОСИНЦЕВ,
краевед

Как-то в Шадринский городской краеведческий музей пришло письмо челябинского краеведа А. И. Козырева. В феврале 1918 года, сообщал он, Совет Народных Комиссаров РСФСР запросил Пермский губисполком: сколько голодающих детей питерских рабочих, ушедших защищать революцию, может принять Пермская губерния?

Вскоре в Перми организовалась комиссия по приему детей, и в Питер послали делегацию. В ее состав входил и большевик М. К. Пьянков. Уральцев принял Владимир Ильич Ленин, имел с ними деловой разговор и оказал содействие в отправке детей. Прибывшие на Урал мальчики и девочки были размещены в Перми, Осе, Соликамске, Нижнем Тагиле, а большую группу детей отправили в Шадринск.

И вот я листаю архивные документы, подшивку газеты «Крестьянин и рабочий», чтобы проследить пребывание детского дома в нашем городе. «Всего детей прибыло 200 человек, которым жители города Шадринска нанесли очень много провинности и жертвовали деньгами на устройство для них жилищ», — сообщала уездная газета «Крестьянин и рабочий».

В делах Шадринского Военно-революционного комитета подшита телеграмма комиссара снабжения Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Петра Лазаревича Войкова в Шадринск: «Предлагаю немедленно реквизировать все лежащие вокруг города дачи (имелись в виду бывшие Носиловские и купеческие дачи на Городище в окрестностях Шадринска. — Л. О.). Срочно принять за устройство общежитий для пролетарских детей Петрограда. Областной Совет предлагает это к немедленному исполнению. Дети петроградских рабочих, находящиеся в Шадринске, должны быть вывезены на дачи и жить под наблюдением воспитателей, но не размещены по городским квартирам».

Детский дом разместили в Волковском училище, история которого тоже заслуживает внимания. Как сообщил учитель-пенсионер К. Н. Донских, это училище было построено на деньги, переданные городу учи-

телем Волковым, а деньги эти он выиграл по лотерее.

К радости ребятишек, им передали и Носиловские дачи. Писатель К. Д. Носилов к этому времени из Шадринска уехал. Место для детского дома было прямо-таки идеальное. Просторный, светлый, уютный дом и все необходимые хозяйственные постройки, а главное — великолепный приусадебный участок. Есть где заняться огородничеством, пчеловодством и садоводством. Рядом река Исеть и бор, полный грибов и ягод. Теперь на территории Носиловских дач два пионерских лагеря — имени А. П. Гайдара и «Красный орлов».

Шли тревожные дни гражданской войны. Белочехи и местные контрреволюционеры захватили города Челябинск и Курган. Шадринск готовился к обороне. На помощь уральцам прибыли два хорошо вооруженных красноармейских отряда из Петрограда. Был даже броневик с двумя пулеметами. В городе, видимо, были уверены, что не пустят противника, и эвакуацию учреждений не проводили.

Однако в конце июня белогвардейцы захватили Шадринск. Детей вывезти не успели. Об этом стало известно Владимиру Ильичу. Урок Шадринска взволновал уральских коммунистов, отвечавших за работу с эвакуированными детьми. И когда белые уже рвались к Екатеринбург, то детей, размещенных на территории Пермской губернии, вывезли обратно в Петроград.

«Прибыли, — пишет М. К. Пьянков, — в Питер, сдали детей в целости и сохранности. А меня в Москву затребовали, к Ленину на объяснение по поводу детей, оставленных в Шадринске».

Так вот еще раз мне довелось встретиться с Ильичем.

Объяснил я ему обстановку, как мог. Задумался он и говорит: подождите пару денюшек, выясним — нельзя ли детей через Красный Крест вывучить?»

Но петроградская трудовая колония, или детский дом, продолжала существовать и после захвата города белыми. Городская дума даже выделила на содержание колонии какие-то денежные средства.

Но сведений о жизни трудовой колонии в период с августа 1918 по август 1919 года пока мало. Есть сообщение, что во время белогвардейского режима некоторые дети старшего возраста из колонии сбежали, но большинство юных петроградцев дождалось освобождения. Весной 1920 года всех петроградских детей благополучно отправили на родину.

г. Шадринск

«ОСОБАЯ МИЛОСТЬ» ДЕМИДОВА

Ольга СИЛОНОВА,
сотрудник музея

В октябре — ноябре 1806 года тайный советник, действительный камергер, командор ордена Иоанна Иерусалимского Николай Никитич Демидов пребывал на своих ниже-тагильских заводах. Среди заведений, которые он изволил посетить, была школа живописи, основанная по его воле в том же 1806 году Василием Албычевым, выпускником императорской Академии художеств.

Демидов был осведомлен о широком распространении на заводах подносного промысла. Беспokoили его и донесения, что заводские слесари тихонько делают подносы для жителей из господского железа и в рабочее время. Поэтому, когда директор заводов М. Д. Данилов предложил завести господскую лакировальную фабрику, Демидов дал свое согласие. Он писал по этому поводу: «Желание мое состоит только в том, чтобы живописцы заводские менее писали худое, а рисовали сколько-нибудь похоже на натуру. Что тут хорошего, когда пишут теперь ногу в аршин, а руку в вершок». Заведение было «особой милостью» Демидова.

К письму прилагалась роспись первоначальных мероприятий. Для изготовления железных подносных форм заводилась слесарная мастерская. В нее разрешалось отобрать двенадцать самых лучших слесарей «из заводских жителей, отличающихся чистотой работы». Их числу должен соответствовать штат учеников школы живописи.

Из документов Центрального государственного архива древних актов нам известны имена восьми учеников: Павел Баженов, Яков Арефьев, Яков Турыгин, Федор Попов, Иван Макаров, Иван Кондюрин, Александр Ткачев, Андрей Велугин. Младшему, Турыгину, было 12, старшему, Баженову, — 18, остальным по 13—16 лет.

Данилов писал заводчику: «Содержание живописных учеников на родственников их по бедности обратить не можно, которое и будет оставаться на счет Вашего Превосходительства». Документы подтверждают, что без милости Демидова они действительно не смогли бы учиться».

ся. Каждому ученику определялось жалование 25 рублей в год и бесплатная одежда. Содержание стало выплачиваться с 1 ноября 1806 года.

Где же размещалось заведение — в Нижнетагильском поселке или в Выйском? В материалах Государственного архива Свердловской области за 1814, 1819—20 годы оно именуется «Выйским». Но чаще всего в бумагах 1806—20-х годов название школы географически нейтрально. Пишется просто «живописная». Скорее всего, школа на восемь человек была просто светлой удобной комнатой, специально оборудованной. Сведений об отдельном помещении нет (возможно, пока не найдены).

Наступил 1809 год. Истекал срок, отведенный для подготовки учеников. О положении дел в этот период Данилов доносил: «...Мальчики, обучающиеся у г. Албычева, все почти весьма успели... и заняты теперь писанием образов для Висимо-Уткинской церкви». В отношении лакировальной фабрики директор заводов сообщал, что остановил ее постройку, т. к. «убедился в невыгодности сего предприятія для заводо-владельца». Оказалось, что для выделки подносов недостаточно одной слесарной мастерской, к ней «надобно приготовить еще две, т. е. грунтовальную и лакировальную. А ко всем трем понадобится людей около 50 человек, которых получить никак нельзя, как отделением от самонужнейших занятий». Данилов решительно предлагает фабрику не строить, школу ликвидировать, учеников отпустить по домам на собственное пропитание «с положением на каждого оклада поставкой древесного угля для заводов». Демидов нашел остановку постройки резонной: «Отнюдь моего нет желания иметь свою лакировальную фабрику», — сообщил он в тагильскую контору. Но в отношении школы советовал не спешить, дать возможность ученикам пройти полный курс обучения, а затем соглашался обратить своих живописцев... в углепоставщиков. Поэтому в документах 1810 года мы находим школу действующей. В очередном донесении Данилова читаем: «...Училище существует и поныне... с самого начала открытия училища был только один выпуск и только пять учеников. Все они выпущены с хорошим поведением и способностями к службе на хорошие должности».

Еще в 1806 году, когда Демидов осматривал школу, он лично отобрал двух мальчиков — П. Баженова и Я. Арефьева и распорядился отправить их в Италию для обучения живописи.

В 1812 году они с позволения Демидова поступили в Академию художеств, заводчик связывал с ними особые намерения — хотел от-

крыть «живописное заведение такого рода, чтобы искусство лакировальное распространилось по всей губернии и всей Сибири, чтобы в Тагил могли явиться учиться даром все желающие, кроме, разумеется, содержания и пищи». Но к этому опыту, видимо, так и не приступили.

Баженов прибыл в Тагил в 1817 году. Его товарищ Арефьев год спустя. Демидов капризно отказался дать художникам вольную, вернул «рабов своих» в тагильские владения, определив смотрителями в школу живописи с окладом 200 рублей в год.

В 1819 году в Выйской школе живописи занимались новички, недавно набранные. Демидов утверждает новый штат учеников школы. Закупает для нее в Париже алебастровые статуи и бюсты, отправленные в Тагил в 13 ящиках. И вдруг в июле 1820 года заводская контора получила приказ: «Живописное училище далее за неимением в нем надобности упразднить и бывших в оном учеников разместить по разным должностям».

Господская милость иссякла, и школа перестала существовать.

г. Нижний Тагил

ЛЕВ ДАНИЛОВ

ЭТО ПЕСНИ ПЕЛА ВСЯ РОССИЯ...

Лев ДАНИЛОВ,
краевед

Среди его друзей был поэт Ф. Батюшков, издатель музыкальной литературы Петр Юргенсон. Он был знаком с великим Пушкиным, Белинским...

Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий происходил из знатного аристократического рода. Мальчик рано лишился матери и воспитывался бабушками. С особой теплотой вспоминал об одной из них — княгине Куракиной, привившей ему любовь к поэзии.

Связанный родством с аристократическим Петербургом, он по окончании пансионата год жил в Страсбурге, изучал право, после чего вернулся на родину. В мае 1770 года он отправляется во вторую действующую против Турции армию под начальством своего дяди П. Панина.

Однако военная карьера не удалась. В 1785 году Нелединский-

Мелецкий подает в отставку. Поводом к ней, по семейному преданию, послужил следующий эпизод. Армией в это время командовал царский фаворит Г. Потемкин, уверенный в своей полной безнаказанности. «Светлейший» принимал смотр батальона, которым командовал Нелединский-Мелецкий, сидя у себя в комнате на подоконнике в нижнем белье. Смотр прошел благополучно, но сразу же после него в знак протеста против поведения фаворита Нелединский-Мелецкий подает в отставку. Она была принята, и будущий поэт уезжает в Москву.

В 1816 году Юрий Александрович при довольно необычных обстоятельствах знакомится с А. С. Пушкиным. 6 июня 1816 года в Павловске в честь брака Вильгельма Оранского с Анной Павловной, сестрой императора Александра I, давался праздник. Нелединскому-Мелецкому поручили написать к этому событию стихи. Он обратился за помощью к Н. М. Карамзину, который в свою очередь рекомендовал обратиться к лицеисту Пушкину. Через два часа юный поэт написал стихи, имевшие большой успех. Уже тогда Нелединский-Мелецкий с восхищением отзывался о поэтическом даровании лицеиста Пушкина, предрекая ему огромную известность. В дальнейшем они поддерживали тесные отношения.

Всероссийскую славу принесли Нелединскому-Мелецкому его народные песни: «Выйду ль я на реченьку», «Ох, тошно мне», «Если б ты была на свете» и другие.

В 1796 году выходит в свет «Карманный песенник» Дмитриева, где впервые опубликованы слова песни «Выйду ль я на реченьку». Незадолго до этого Юрий Александрович познакомился с выдающимся русским композитором Даниилом Никитичем Кашинным. Выходец из семьи крепостных крестьян, он своим талантом и упорным трудом завоевал признание как автор многочисленных романсов, а с 1801 года стал издавать журнал «Отечественная муза». Кашин написал музыку к стихам Нелединского-Мелецкого, и вся Россия запела песни поэта.

Последние годы своей жизни Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий провел в Москве, а умер в 1829 году в Калуге, где и похоронен. В 1830-х годах его друг Д. Кашин издал «Сборник русских песен для фортепьяно», куда были включены и песни Нелединского-Мелецкого. Почитатель его таланта издатель музыкальной литературы Юргенсон собрал все песни Нелединского-Мелецкого, в том числе и ходившие в списках, и выпустил в 1891 году отдельным изданием. В наше время его произведения изданы в малой серии «Библиотека поэта».

Ленинградская обл.

Сергей ПОПОВ

ЛЮДИ, СТАВШИЕ ОСТРОВАМИ

ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ ШАГ
ДАВАЛСЯ С БОЕМ
СРЕДИ НЕПРОХОДИМЫХ
ЛЬДОВ,
НО ВСЕ РАВНО УПОРНЫМ
СТРОЕМ
ШЛИ БЕРИНГ, АМУНДСЕН,
СЕДОВ...
Н. Флеров. «Север»

Традиция называть полярные географические объекты именами людей возникла не случайно. Однообразная тундра с ее небогатым растительным и животным миром летом да бескрайние снежные просторы зимой редко задерживали человеческий взор на каких-то их особенностях. Да и сохранить возникающие в ходе промысловой деятельности немногочисленного местного населения названия было некому. Письменно закрепить их могли лишь экспедиции. Вот и приходилось ученым и первопроходцам срочно создавать названия самим.

Да и что в первую очередь вспоминалось в этом пустынном и суровом краю? Люди. Родные, знакомые, учителя, оставшиеся на родине, предшественники, нередко ценой собственных жизней пролагавшие сюда путь. На сегодня в Советской Арктике, особенно в ее высоких широтах, абсолютное большинство географических названий мемориально, то есть дано по именам людей, названиям судов, в честь каких-то событий. Их многие тысячи. Чтобы их только перечислить, нам с гидрографом В. А. Троицким в свое время потребовалось издать справочник «Топонимика морей Советской Арктики» объёмом в 316 страниц. Кроме того, за истекшие пятнадцать лет число географических названий в Арктике значительно выросло за счет вновь присвоенных.

Поэтому для того чтобы дать о них представление в небольшой статье, не будем касаться многочисленных мысов, бухт, заливов, полуостровов, гор, рек, озер, а остановимся лишь на именных названиях арктических островов. Их сравнительно немного: чуть больше трех сотен. Но зато это обычно самая «глухая» и необжитая Арктика.

Прежде всего это острова, носящие имена своих первооткрывателей или лиц, претендующих на это звание.

ЛЯХОВСКИЕ ОСТРОВА. Официальной датой их открытия считается март 1770 года. Предпримчивый устьянский купец Иван Ляхов, усмотрев, что к мысу Святой Нос ведут с севера оленьи следы, направился по ним и через 70 верст вышел на большой остров, а еще дальше увидел другой остров, меньшего размера. Екатерина II, получив из Якутска донесение об этом, повелела называть острова Ляховскими.

Никто не посмел возразить, что еще за десять лет до этого на острове промышлял якут Этерикан, именем которого янские промышленники тогда называли остров. Но и Этерикана нельзя назвать первооткрывателем острова Большой Ляховский. Сохранилась отписка, свидетельствующая о том, что на нем еще в 1712 году побывал с четырнадцатью спутниками якутский казак Меркурий Вагин, назвавший остров Ближним. Проводником у Вагина был казак Яков Пермяков, внук одного из первых якутских землепроходцев Ивана Реброва. Это он был

инициатором экспедиции Вагина, ибо сообщил в якутскую канцелярию о том, что во время былых морских походов с Лены на Колыму видел остров к северу от Святого Носа.

Скорее всего, и он не первым усмотрел его. Настоящая дата и имя первооткрывателя Ляховских островов теряется где-то в глубине XVII века.

ОСТРОВ БЕЛЬКОВСКИЙ. Весной 1808 года якутский промышленник Николай Семенович Бельков с «рабочими людьми» отправился из устья Лены на Новосибирские острова. «На расстоянии от онога около 400 верст,— писал он в донесении властям,— 30 числа марта я нашел остров длиною примерно 100 верст, шириною до 20 верст, дотоле никому не известный, от которого через пролив около 20 верст отстоит остров же, называемый Котельный, видимая часть которого также была не известна никому (южную часть острова открыли в 1773 году И. Ляхов и Я. Санников и назвали так, потому что здесь нашли котел из зеленой меди.— С. П.). Сей отысканный остров назван мною Св. Иоанном Спасителем, а работниками моими и приморскими жителями поныне называется Бельковским».

Иркутский губернатор разрешил Белькову на острове Бельковском и открытых его работником Максимом Ляховым островах Васильевском и Семеновском (они были сложены ископаемым льдом и ныне растаяли) преимущественное право промысла. Николай Семенович, кроме того, первым нашел между устьями Хатанги и Абакара нордвикскую нефть. Он оказывал большую помощь экспедиции Анжу, которая первой картографировала остров Бельковский.

ОСТРОВА АНЖУ — из архипелага Новосибирские острова, в который входят острова Котельный, Земля Бунге (названа в конце XIX века Э. Толлем в честь его спутника по исследованию Новосибирских островов — доктора А. А. Бунге), Бельковский, Новая Сибирь и Фадеевский (назван по фамилии промышленавшего здесь крестьянина из Владимирского города Вязники Степана Фадеева).

Потомок эмигрировавших в Россию французских протестантов, Петр Федорович Анжу отдал свою большую и содержательную жизнь русскому флоту, став полным адмиралом. К сожалению, материалы полярной экспедиции Анжу сгорели вместе с подготовленной к печати рукописью книги во время пожара его дома в Петербурге. Поэтому его имя менее известно в истории полярных путешествий, чем имя его друга Ф. П. Врангеля, занимавшегося одновременно исследованиями побережья Сибири восточнее.

ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ. Три кругосветных плавания, путешествие по Аляске и Мексике, руководство Российской-Американской компанией и Морским министерством, участие в создании Русского географического общества на

счету у почетного академика и адмирала Фердинанда Петровича Врангеля. Его непрерываемый авторитет полярного исследователя начался именно с изданной в 1841 году книги о его арктической экспедиции. Тогда он, молодой лейтенант, нанес на карту побережье Северного Ледовитого океана от Индигирки до Колючинской губы на Чукотке.

Он был уверен в существовании земли к северу от Чукотки и многократно пытался по льду достичь ее. Однако торосы и пространства открытой воды не пропустили его собачьи упряжки. На своей карте на этом месте он написал: «Горы видятся с мыса Якан в летнее время». Поэтому не случайно американский китобой Томас Лонг, проходивший к острову в 1867 году, записал: «Я назвал эту землю именем Врангеля потому, что желал принести должную дань уважения человеку, который еще 45 лет тому назад доказал, что полярное море открыто».

Далеко не каждому известно, что существует еще два острова Врангеля. Оба они значительно уступают по размерам первому. Один из них расположен в Тихом океане, в заливе Аляска, второй находится в губе Крестовой у западного побережья Новой Земли. Первый назван мореходами Российско-Американской компании, второй — известным исследователем Новой Земли Ф. П. Литке, другом Врангеля.

ОСТРОВА БОЛЬШОЙ И МАЛЫЙ БЕГИЧЕВ. О Никифоре Алексеевиче Бегичеве в свое время слагали легенды, в приключенческих статьях его называли «помещиком Ледовитого океана», «железным боцманом», изображали этаким арктическим ковбоем.

А он, по выражению его биографа Н. Я. Болотникова: «Был другом и товарищем многих и недругом отдельных людей, верным мужем одной женщины и любящим отцом шестерых детей. Был он просто человеком, и ничто человеческое не оставалось ему чуждым. Нет, нет, не был он праведником, не был он и угодником. Просто он был самим собой, как и все люди, он ошибался. Но главное — делал большие дела, прославив ими свою Родину, свое имя».

Бегичев боцманом плавал на «Заре», на вельботе совершил переход из устья Лены на остров Беннета в поисках пропавшего без вести Эдуарда Толля, участвовал в походах геолога Н. Урванцева, промышлял на Таймыре, где и умер в 1927 году. Но звездным его часом несомненно было открытие в 1908 году в Хатангском заливе островов Большого и Малого Бегичева. Открытие удивительное и даже не всеми признанное, ибо сделано оно было в районе, казалось бы, достаточно хорошо изученном. Местные промышленники давно знали о существовании большого острова Сизой, пользовавшегося у них дурной славой, что удерживало их от его посещения. Официально же на картах остров изображался полуостровом еще со времен Семена Челюскина и Василия Прончищева.

А Малый Бегичев был не только открыт в 1739 году лейтенантом Харитоном Лаптевым, но и назван им островом Св. Николая. Это название было известно Бегичеву. 25 мая 1908 года он записал в своем дневнике: «Поставили палатку, и я увидел в море трех белых медведей и против Хатангского залива остров Св. Николая. Он оказался небольшой, северная часть его высокая, глинистый обрыв, а юго-восточная сторона песчаная. В окружности остров Св. Николая — 30 верст». Поэтому неверно утверждение некоторых исследователей, что этот остров Бегичев назвал в честь своего спутника Николая Семенова.

ОСТРОВ ВИЗЕ. Когда 13 августа 1930 года открыли этот остров, его даже не надо было называть. Уже шесть лет на карте в этом месте рисовали сушь с надписью «Земля Визе (?)». Осталось лишь убрать знак вопроса.

Дело в том, что Владимир Юльевич Визе, проанализировав дрейф плененной в 1912 году шхуны Г. Брусилова «Святая Анна», еще в 1924 году сообщил миру: «Льды встречали какое-то препятствие, каковым прежде всего можно принять близкую сушу... Предположительное место этой земли нанесено мною на прилагаемой карте».

Имя Визе к этому времени было широко известно,

как спутника Г. Я. Седова в его полюсной экспедиции. Визе находился на борту ледокольного парохода «Г. Седов», когда открыли «его» остров. «Паршивенький остров!» — остался недоволен профессор, имея в виду его небольшие размеры и бедность растительного и животного мира.

В. Ю. Визе прожил большую жизнь в науке, участвуя во многих первопроходческих плаваниях по Северному морскому пути и создав методику ледовых прогнозов.

Абсолютное большинство арктических островов названо в честь людей, много сделавших для развития географических представлений о Заполярье. Одни непосредственно создавали карту Арктики на месте, другие — нередко на «своих» островах даже не бывали.

ОСТРОВ ГЕРБЕРШТЕЙНА. Название этого крохотного островка у западного побережья Таймыра появилось в 1901 году в честь человека, которому недавно исполнилось 500 лет со дня рождения. В его времена о существовании не только этого острова, но и самого Таймыра в Европе ничего не знали.

Высокомерного и тщеславного вельможу и дипломата австрийского двора трудно заподозрить в особой предрасположенности к русским и их стране, но в любознательности ему не откажешь. Академик Б. А. Рыбаков писал недавно: «Добросовестный и серьезный исследователь русской географии Сигизмунд Герберштейн получил в Москве обильный и разнообразный материал, позволивший ему написать книгу, которая надолго стала для людей Возрождения основным перечнем сведений о загадочной Московии».

Герберштейн процитировал в своей книге не дошедший до нас русский дорожник, в котором описывались и полярные области. Наряду с невероятными историями о населявших низовья Оби — Лукоморье — рыбах с человеческим туловищем, обросших шерстью людях с собачьими головами, которые на полгода впадали в зимнюю спячку, Герберштейн приводит «баснословия», получившие ныне научные подтверждения — о немой торговле между разноязычными племенами и находившейся в области Обдорини, «на более дальнем берегу», Золотой бабе — идоле местных племен. Он рассказывает и о своих встречах с плававшими северными морями в Европу русскими дипломатами Дмитрием Герасимовым, Григорием Истомай, Василием Власом, с руководителем первой русской экспедиции 1499—1500 годов в Северное Зауралье князем Семеном Федоровичем Курбским и подробно описывает их пути.

ОСТРОВА ПАХТУСОВА. Никогда не бывал на «своих» островах в архипелаге Норденшельда известный полярный исследователь Петр Кузьмич Пахтусов. Впрочем, их назвали 66 лет спустя после его смерти.

Скромный поручик корпуса флотских штурманов Пахтусов половину своей тридцатипятилетней жизни провел в арктических экспедициях и морских походах. Он первым нанес на карту почти все восточное побережье Новой Земли. Как он писал: «Отличающиеся мысы, реки, горы назвал по именам известных мне особ, как значится на картах и в описном журнале». Среди них более двух десятков островов. Острова Вепрева, Казобина, Крапивина, Рогозина названы Пахтусовым именами однокашников по Штурманскому училищу; острова Богословского, Демидова, Котельникова, Неллидова, Шитилова — по именам сослуживцев по описи Белого моря в 1824—1832 годах; острова Артихова, Вальховского, Стодольского — именами знакомых по Архангельску морских офицеров; остров Хабарова — в честь строителя его судна.

При жизни только имя самого Пахтусова не попало на карту. Даже открытие им у восточного побережья Новой Земли большой остров и архипелаг получили его имя уже в советское время. В конце прошлого века в Кронштадте, где учился Пахтусов, на добровольные пожертвования штурманов был сооружен памятник; гидро-

графические исследования в Арктике производил пароход «Пахтусов» (теперь их продолжает ледокол «Петр Пахтусов»), острова Пахтусова имелись даже в Японском море, а теперь его имя появилось и в Арктике.

ОСТРОВА ЦИВОЛЬКИ. Они появились на карте архипелага Норденшельда рядом и одновременно с островами Пахтусова. Этих людей связывала дружба, совместная первопроходческая деятельность на Новой Земле. Хотя это были совершенно разные люди.

Август Карлович Циволька был на двенадцать лет моложе. В отличие от выросшего среди поморов и воспитывавшегося в военно-сиротском приюте боцманского сына Пахтусова, Цивольку зачислили в Штурманское училище по личному указанию царя, к которому обратился отец, машинист придворного Варшавского театра. Он получил хорошее домашнее воспитание, владел несколькими иностранными языками, увлекался музыкой и рисованием. Как свидетельствует работавший с Циволькой на Новой Земле академик Бэр (его имя носит остров в Таймырской губе), в нем удивительно сочетались веселость и мрачность, общительность и замкнутость.

В арктических походах он, как и Пахтусов, был неутомим, экспедиционные трудности и лишения переносил стойко. И тем не менее пережил своего старшего товарища, умершего, как он написал на его могильной плите, «от понесенных в походах трудов и д... о...» (домашних огорчений.— *Пояснение авт.*), всего на три с половиной года. Прапорщик корпуса флотских штурманов Циволька с восьмью товарищами погиб во время очередной зимовки и похоронен на Новой Земле.

ОСТРОВА ВИЛЬКИЦКИХ. И тех, и других много: Вилькицких — двое, отец и сын, островов с этой фамилией два и групп островов — тоже две.

Старший, Андрей Ипполитович, много лет проработал в Арктике, а последние годы жизни руководил русской гидрографией. В 1895 году возглавляемая им экспедиция по изучению рек Енисея и Оби первой картографировала остров в Карском море, которому Географическое общество присвоило его имя. А шесть лет спустя Эдуард Толль назвал группу островов восточнее в честь Вилькицкого. И еще один остров Вилькицкого открыла в Восточно-Сибирском море гидрографическая экспедиция, которой командовал его сын Борис Андреевич. Произошло это уже после смерти А. И. Вилькицкого, в 1913 году.

А вот острова Вилькицкого у восточного побережья Таймыра названы в 1919 году Роальдом Амундсеном в честь Вилькицкого-младшего. На его долю выпало совершить последнее большое открытие в Арктике — обнаружить архипелаг Северная Земля. Имена многих участников возглавляемой им экспедиции на ледокольных походах «Таймыр» и «Вайгач» стали названиями арктических островов. Это врачи Э. Е. Арнгольд и Л. М. Старокадомский, лейтенанты А. М. Лавров, К. К. Неупокоев, Н. А. Транзе и оставшиеся навсегда лежать в мерзлой земле Арктики вахтенный начальник А. Н. Жохов и кочегар Г. Г. Мячин.

ОСТРОВ САМОЙЛОВИЧА. В тот год экспедиция на ледокольном пароходе «Г. Седов» направлялась к неисследованным берегам Северной Земли. В северо-восточной части Карского моря она открыла целую россыпь островов. Их точное место определял геодезист Г. А. Войцеховский. Недавно удалось найти его дневник.

23 августа 1930 года в нем записано: «Опять оказался новый объект. Одни утверждают, что это ледник Северной Земли, другие — что это мираж. Подтвердилось мое предположение — остров. Открытый сегодня остров я назвал островом Заблуждения. Название очень понравилось и моментально привилось, официально, наверное, дадут какое-нибудь другое название».

Войцеховский не ошибся. Много лет остров невыразительно назывался «островом Длинным», пока Географическое общество СССР не присвоило ему имя находившегося тогда на борту «Г. Седова» основателя и директора Арктического института Рудольфа Лазаревича Самойловича.

Он лично участвовал в восемнадцати арктических экспедициях. Будучи по специальности геологом, он немало картографировал и назвал островов, особенно в районе Новой Земли, где работал с 1921-го по 1927 год.

ОСТРОВ ЛЕСКИНЕНА. Это совсем небольшой, размером сто на пятьдесят метров, клочок суши в Карском море. Но не размерами физико-географического объекта определяется значимость человека, имя которого он носит.

Вильям Янович Лескинен — гидрограф. Он всего лишь день не дожил до своего восьмидесятилетия, почти полвека отдав морю. Ему, участнику гражданской войны и первых советских арктических экспедиций, довелось обеспечивать безопасность плавания первого в мире атомного ледокола. Внешне это был невзрачный и очень скромный человек, но его трудолюбие, выносливость и верность долгу были исключительными.

За долгие годы арктических скитаний на его долю выпало много трудностей и испытаний. У писателя И. С. Соколова-Микитова есть рассказ о смертельной схватке Лескинена с новоземельской весной 1931 года, когда, не щадя своей жизни, он боролся за жизнь товарища по зимовке. Летом сорок третьего он находился в числе тех немногих, кому благодаря личному мужеству и выносливости удалось спастись после потопления гидрографического судна «Академик Шокальский» фашистской субмариной. Много дней полураздетые и голодные люди, скрываясь от врага, выбирались к своим на полузатопленной шлюпке и пешком по ледникам Новой Земли.

21 марта 1954 года с Лескиным произошел очень редкий случай. Когда он с рабочими производил у острова Кирова промер со льда, на него в торосях напал громадный белый медведь. Вильям Янович сумел выхватить из-за спины карабин и выстрелить в пасть зверю. Но и медведь успел нанести Лескину одиннадцать глубоких ран и надломить ребро. Гидрограф отказался от весьма рискованной посадки самолета, ограничившись медицинской консультацией по радио. Он нашел в себе силы довести работы до конца.

Многие из тех, кто создавал карту Арктики и оставил свои имена арктическим островам, заплатили своими жизнями. Об этом напоминают такие названия.

ОСТРОВ СЕДОВА. Георгий Яковлевич Седов погиб на пути к Северному полюсу 5 марта 1914 года. Остров его имени на карте губы Дыровой Баренцева моря появился еще за двенадцать лет до этого. В эти годы уложилась вся гигантская деятельность полярного гидрографа.

Где бы он ни работал: у острова Вайгач в 1901 году, в устье Колымы в 1909-м, в Крестовой губе в 1910-м, на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа в 1912—1913-х годах — везде он оставлял на картах уточненные извивы береговой черты и увековеченные в них имена: русских ученых — Анучина, Броунова, Воейкова, Иностранцева, Попова, Рыкачева, Ломоносова, Менделеева, Толля, Шокальского, Чернышева; своих предшественников в изучении Арктики — Пахтусова, Литке, Лошкина, Вилькицкого, Дриженко, Веселаго, Назимова; своих спутников и товарищей по экспедициям — Варнека, Визе, Пинегина, Павлова.

Имя Седова после его гибели семнадцать раз было повторено в арктических названиях и названиях судов. Так что все и не перечислишь...

ОСТРОВ ПОПОВА-ЧУХЧИНА. О том, как возникло это название, мне рассказывал его автор Михаил Иванович Цыганюк, с которым мы работали в полярной гидрографии в послевоенные годы.

Летом 1934 года студент Западно-Сибирского астрономо-геодезического института М. И. Цыганюк проходил производственную практику в гидрографической экспедиции. 9 сентября небольшой бот «Сталинец» высадил его на маленький безымянный островок в шхерах Минина для производства топографической съемки. Рабочие сразу же приступили к установке палатки, а Михаил Иванович по-

шел осмотреться и заодно набрать бересты для разведения костра. Вскоре он натолкнулся на беспорядочно разкиданные предметы экспедиционного снаряжения. Среди вороха размохренных бумаг оказалась мореходная книжка матроса Александра Спиридоновича Чухчина и справка на имя боцмана «Геркулеса» Василия Григорьевича Попова.

Когда Цыганюк встретился на судне с топографом Гусевым, то узнал, что тот на находящемся неподалеку острове Вейзеля обнаружил столб с вырезанной на нем надписью «Геркулес» 1913». Стало ясно, что обнаружены следы без вести пропавшей в Арктике экспедиции В. А. Русанова.

Много раз искали позже следы этой экспедиции — и попутно, и специально. Но тайна гибели ее участников так и не прояснилась, если не стала еще запутаннее. Осенью 1912 года «Геркулес», обогнув с севера Новую Землю, видимо, зазимовал где-то у островов Мона (названы Ф. Нансеном в честь норвежского метеоролога Генрика Мона). Позже судно раздавило или увлекло дрейфующими льдами на север. Экипаж (или часть его) оставил судно и через шхеры Минина попытался достичь низовий Пясины, где можно было встретить местных жителей.

Неподалеку от острова Попова-Чухчина на картах позже появились названия островов, данные в честь капитана «Геркулеса» А. С. Кучина, нашедшего следы экспедиции Русанова М. И. Цыганюка и погибших в шторм летом 1934 года матросов «Сталинца» Ф. Казаринова и А. Савватеева.

ОСТРОВ ЛОВЦОВА. Этот небольшой островок находится в Карском море неподалеку от большого острова Тыртова. Хотя шестидесятилетний Павел Петрович Тыртов закончил свой век в 1903 году адмиралом и морским министром, его арктических заслуг как-то не упоминается. Разве, что он с энергией, достойной лучшего применения, мешал С. О. Макарову в строительстве и испытании первого в мире линейного ледокола «Ермак».

Зато скромный инженер-гидрограф Игорь Сергеевич Ловцов всю свою двадцатидевятилетнюю жизнь, исключая четыре года Великой Отечественной войны, когда офицером воевал на Балтике, отдал Арктике. Осенью 1947 года он с двумя товарищами совершал переход на шлюпке с острова Сибирякова на Диксон. Во время внезапно начавшегося шторма шлюпка пропала без вести. Только на следующий год полярники острова Тыртова обнаружили ее на юго-западе острова, где и погребены погибшие.

ОСТРОВ СЕВЕРОМОРЦЕВ. Великая Отечественная война не обошла Арктику. Даже в сорок четвертом, когда Советская Армия уже выкинула фашистские орды за пределы государственной границы, у берегов Таймыра еще раздавались взрывы торпед и выстрелы орудий. Как бельмо на глазу, был для врага Северный морской путь, и бесноватый фюрер с настойчивостью обреченного гнал за тридевять земель подводные лодки гросс-адмирала Денница.

24 сентября 1944 года вражеская торпеда разнесла корму защищавшего караван транспортных судов тральщика ТЩ-120. Командир капитан-лейтенант Дмитрий Алексеевич Лысов приказал раненым и части экипажа перейти в шлюпки, сам же с добровольцами остался на тонущем корабле огнем орудий прикрывать отходивших. Вскоре вторая торпеда решила судьбу корабля и 38 находившихся на нем моряков. Ценой их жизни удалось спасти судно со стратегическими грузами и группу, оставившую тральщик. В честь этого подвига в 1962 году и названы острова Североморцев и Лысова в Карском море.

Тогда же именами погибших 26 августа 1942 года в неравном бою с фашистским линкором на ледокольном пароходе «А. Сибиряков» в группе островов Северо-Восточные были названы острова Бочурко, Дунаева, Иванова, Кузнецова, Матвеева, Никифорова, Прошина, Элимелаха. Ближайшие к Диксону острова носят имена североморцев, погибших при обороне Диксона в сорок втором — старшин Ульянова, Давыдова, Карагаева и краснофлотцев Майского, Сулова, Хайрулина.

Это святые для нас имена! Но, что греха таить, есть на карте Арктики и случайные названия.

ОСТРОВ ДИКСОН — одно из них. Как только не называли его после того как штурман Минин в 1738 году против его изображения на карте написал: «остров Большой Северо-Восточный», — и Долгий, и Кузькин... Побывавший здесь в 1875 году Норденшельд образуемому островом и материком гавань назвал по имени финансировавшего его экспедицию шведского предпринимателя, владельца электрической компании Оскара Диксона (1823—1897). От нее вскоре получил название и остров.

Хотя О. Диксон вместе с шведским королем Оскаром II стали мекенатами следующей экспедиции Норденшельда, закончившейся покорением Северного морского пути, основным жертвователем на нее был все-таки русский золото-промышленник Александр Михайлович Сибиряков. Он лично участвовал во многих арктических экспедициях и изысканиях водных путей Сибири. Его имя по праву носит находящийся неподалеку от Диксона остров Сибирякова.

Причиной живучести имени О. Диксона на карте стала не столько его удобопроизносимость, сколько важность возникшей здесь в 1915 году радиостанции и выросших позже порта и поселка, которые стали называть по острову, совсем забыв человека, названием которому он обязан. Впрочем, Норденшельд и Нансен принесли на карту Таймыра и другие имена своих «благодетелей»: финансиста Карла Верна, пивовара Элефа Рингнеса, коммерсанта Николая Фирнля, также ставших островами.

ЗЕМЛЯ ФРАНЦА-ИОСИФА. Больше всего случайных имен в этом архипелаге. Он долгое время служил иностранцам местом, где устанавливались рекорды «полюсных скачек» и удовлетворялись честолюбивые помыслы сильных мира сего, заносивших за деньги свои имена на карту.

Случайно открывшие острова в 1873 году Ю. Пайр и К. Вейпрехт назвали их по имени императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа. Заодно они поместили здесь и другие титулованные имена — крон-принца Рудольфа, которому в это время было всего четырнадцать лет, эрцгерцога Райнера, «великого герцога саксен-веймар-эйзенахского» Карла-Александра, графа Иосифа Сальма и других.

Добравшись до архипелага в 1880 году, яхтсмен Бенджамен Ли-Смит назвал самые большие его острова Землей Георга — по имени принца Уэльского, впоследствии ставшего английским королем Георгом V, и Землей Александры в честь его супруги, также восседавшей на престоле Великобритании. А потом понеслось...

Острова щедро раздаривались американским сенаторам и толстосумам, английскому колонизатору Африки Сесилу Родсу, военному министру США Расселу Алджеру, знакомым, близким иностранных исследователей Земли Франца-Иосифа.

Не раз поднимался вопрос о переименовании архипелага. Во время первой мировой войны, когда Россия воевала с Австро-Венгрией, пытались называть ее «Землей Романовых». Естественно, что этот обмен шила на мыло не прижился. В советское время были обоснованные предложения именовать острова архипелагом «Михаила Ломоносова», «Землей Нансена», именами высказавших предположение о их существовании еще до официального открытия — русского морского офицера Н. Г. Шиллинга и русского ученого и революционера П. А. Кропоткина. Однако и это не было осуществлено. Слишком у нас уважают мнение первооткрывателей.

Правда, за последнее время на Земле Франца-Иосифа появилось много новых названий островов в честь долго работавших в Арктике и много сделавших для ее освоения людей.

**Владимир
СУРОВ**

Солдат на пепелище поднял гвоздь.
Потом вокруг печи построил стены,
Чтоб этот гвоздь в одну из них забить.
Потом настлал полы и вывел крышу,
Соорудил наличники и ставни.
Десяток фотографий в рамку вставил —
На этот старый гвоздь повесил рамку,
Чтоб никогда о прошлом не забыть...

Угрюмый человек — он почему угрюм?
Кто знает,
Может быть, от дел, а может быть, от дум,
А может, оттого, что вязнет в мелочах?
А может, потому, что держит на плечах
Всю скорбь людскую... —
Взялся горяча,
И вот, боится уронить с плеча...

Тишину проткнула свистом
Тонкоклювая синица,
Никогда не повторится
Каждый прожитый рассвет.
Но пока минута эта
Продолжает литься,
Длиться,
Можно заново родиться
И понять, что смерти нет.

**Анатолий
АНДРЕЕВ**

ПО ХРЕБУ УРАЛА

Колеса скоблят скользкий склон,
Движок взвывает на пределе,
А за спиной пятнадцать тонн
Нагруженной хлыстами ели.
И зимник мне уже не друг, —
В испарине, как в мыльной пене.
Лишь здесь у нас весну не ждут,
И солнце портит настроенье.
Но выбрался.

А дальше путь
Уклоном покатился к речке.
И тут про тормоза забудь,
А только руль держи покрепче.
И свой оправдывай маневр
Стократно обостренным чувством,
Где оголяет каждый нерв
Твое шоферское искусство!
Трудна дорога на Урал.
Коварны горные отроги.
Но я судьбу не выбирал,
Она была мне по дороге.
Я жизнь не изведу в горбыль,
Пока под звездными часами
Рельеф дороги и судьбы
Сродни моей кардиограмме.

ГРИБ - ДИТЯ ЛЕСА

Георгий РЫЖЕНКОВ

Прекрасна смиренная охота — брать грибы. А при обилии, когда растут они целыми семьями, вдвойне радуется душа дарам старого бора.

Старт сезона начинают грибы-подснежники — сморчки и строчки. Они держатся до середины июня. И сразу эстафету принимают сыроежки, затем маслята, колосивики и лисички, немного позже появляется второй слой белых, наиболее урожайный. В дождливое теплое лето богаты грибами кладовые Берендея.

Лесная фантазия безгранична. На одной полянке-пятчке белые грибы расположились по кругу, словно хоро-вод водить собираются. Это так называемое «ведьмино кольцо» или «ведьмин круг». Будто владычица грибного царства их заколдовала. Не раз приходилось мне встречать «ведьмины кольца» из лисичек, волнушек и очень часто из мухоморов.

Как возникает «ведьмин круг»? Испокон веков грибы поселяются только на молодых нежных древесных корнях. А у взрослых деревьев такие корни расположены приблизительно по окружности кроны. Вот и грибы располагаются кругами или эллипсами. Однако по кругу грибы редко появляются одновременно, чаще образуют лишь дугу.

В другом грибном месте вижу загадочную невидаль: два гриба-акробата на шляпку старшего собрата взгромоздились, вроде бы на второй этаж. А как получилось? Грибы в земле двумя ярусами в рост пошли. Когда вылезали плотной гурьбой на белый свет, поднимали и лесную подстилку. А в перегнившем лесном опаде два маленьких боровичка спрятались — только что зародились. Грибы нижнего этажа поднимались все выше и выше, вздымая верхний слой грибов, а затем и вовсе от земли отделили. Малышам только и оставалось — пускать свои корни в шляпку взрослых. А со стороны посмотреть — загадка: кто помог маленьким боровичкам залезть на шляпку старого гриба?..

А вот и еще одну чудинку лесовик створил. Две сыроежки шляпками срослись — это не диво. Третья своим зонтом на них опрокинулась и улеглась корнем кверху — еще куда ни шло. Но вот на корешке этом, что кверху торчал, новая шляпка образовалась. Выходит, у сыроежки две шляпки — сверху и снизу — это диво.

На лесных полянках и опушках, даже в садах появились грибы-дождевики. После обильных дождей удачникам попадают семь белых шаров величиной с футбольный мяч. В 1977 году под Таллинном нашли дождевик-великан весом 11 килограммов, а в диаметре 188 сантиметров. Он демонстрировался в музее природы Эстонской ССР.

Про грибы в народе ходит много небылиц. Говорят, что растут они всего несколько часов. В действительности же при хорошей влажности и умеренной температуре грибы вырастают до средних размеров за 3—6 дней. В сутки увеличиваются на 2—3 сантиметра в высоту, а по массе — до сорока граммов. Иногда борсвики при повышенной влажности и очень теплой погоде превышают эти нормы, да шампиньоны при искусственно созданных условиях

растут быстрее. По наблюдениям грибников, дождевики-великаны за ночь прибавляли в диаметре пять сантиметров. Однако и у древесной растительности в период интенсивного роста натуралисты наблюдают такой же точный прирост в высоту. Одно дерево, установили ученые, побило рекорды: за день выросло на три с половиной сантиметра. Деревья растут только днем, а грибы — ночью.

Гриб без дерева и дерево без гриба почти не растут. Эти отроки леса помогают деревьям брать из почвы воду вместе с нужными минеральными солями, а дерево дает грибам свои вещества, сохраняет влажность почвы.

Сотни лет может жить в земле грибница. Живые подземные белые нити при благоприятных условиях превращаются в грибы. У каждого гриба свое любимое дерево, а у деревьев — свои подопечные. Подосиновик поселяется на корнях осины, подберезовик — на корнях березы, рыжик «пасется» на корнях ели и сосны, а масленок и белый гриб квартируют на корнях березы, ели, сосны и дуба. С некоторыми деревьями грибы издавна в разладе. Они не дружат с тополем и осокорем, черемухой и ольхой. В таких местах грибнику делать нечего. Однако и это правило не без исключений. Мне приходилось весной собрать больше двух десятков сморчков под тополями, высаженными на усадьбе.

На Руси искони считали грибы вкусной и здоровой, «пригодной к здравью» едой. Употребление грибов в пищу нигде не пользовалось таким почетом, как в России. В X веке с принятием на Руси христианства грибы стали необычайно популярны среди населения. Христианская религия требовала поститься около 200 дней в году, и грибы во время постов заменяли скоромную пищу. Из грибов семь яств умели приготовить русские люди. Пожалуй, ни в одной стране не было таких замечательных грибных промыслов, как у нас. Ведь в лесах каждое лето вырастает около пяти миллионов тонн грибов. Кроме нас, грибы едят белки, мыши, коровы, лоси, олени...

Ученые-микологи Института ботаники имени Н. Г. Холодного Академии наук УССР и работники Киевского научно-природоведческого музея ежегодно проводят в Киеве «живую» выставку грибов, растущих в лесах Украины. Это настоящий парад грибов — до 400 видов представляют на обозрение. Всего же в природе, как считают ученые, около ста тысяч видов. Большинство из них видны только под микроскопом, как, например, виды плесневого грибка, из которых получают лечебный препарат пенициллин, положивший начало эре антибиотиков. Съедобных грибов всего около 200, но мы знаем и употребляем в пищу около 50 видов.

Самые распространенные съедобные грибы — сыроежки. Они составляют около одной трети грибного урожая. За разнообразие цветных оттенков шляпок их называют грибными самоцветами. Из них готовят суп, их жарят, идут они и на соленье. Отваренные сыроежки за одни сутки после посола становятся годными к употреблению. Соленые грибы легко промываются водой, после чего могут быть использованы как свежие. Сыроежки, как и многие другие грибы, наделены и лечебными свойствами — содержат антибиотики. А недавно их стали применять в сыроваренной промышленности. Из лесной сыроежки получили ценный фермент руссулин, обладающий непревзойденным свертывающим эффектом. Всего полграмма этого вещества за полчаса превращают в плотный сгусток сто литров молока. До сих пор для приготовления сыров использовался специальный продукт, получаемый из желудков пятинедельных телят. Сыр, приготовленный с помощью нового фермента, отличается отменным вкусом и возможностью длительного хранения.

В грибах обнаружен лецитин, препятствующий отложению в организме человека холестерина — одного из главных виновников атеросклероза. Грибы возбуждают аппетит, способствуют пищеварению, обмену веществ и укрепляют нервную систему. В грибах до 50 процентов белков, есть жиры, углеводы, минеральные вещества. По содержанию калия, фосфора и серы грибы превосходят овощи и соперничают с фруктами.

Довольно широко распространенный гриб-навозник серый в молодом возрасте тоже используется в пищу. Но хозяйкам, подающим гриб к столу, надо знать, что при этом нельзя употреблять ни капли спиртного. Иначе будет отравление. Из «антиалкогольного гриба» выделено вещество, близкое к общеизвестному антабису.

Лечебники XVII века рекомендуют боровики как средство для лечения обморожений. Настойки из белых грибов до сих пор в ходу в некоторых районах Сибири. Давно замечено, что употребление в пищу белых грибов служит профилактикой раковых заболеваний. Ученые выяснили, что белый гриб содержит противоопухолевые вещества. В нем содержатся антибиотики, смертельные для палочки Коха и для кишечной палочки. В старину в лесных местностях Германии этот гриб применяли для лечения рака кожи.

У белорусских крестьян некоторые виды рака успешно лечились красными мухоморами. Применяли их методом «нарастающей волны», начиная с малых доз и затем увеличивая с каждым новым приемом. А при отрицательных явлениях снижали дозы или прекращали принимать это ядовитое лекарство. Старым народным средством является водная или спиртовая настойка красного мухомора, употребляемая для лечения ревматизма. Настойку из сушеных плодовых тел употребляют при болях в мышцах и позвоночнике. Препарат гриба используют при спазмах сосудов, эпилепсии, нарушениях деятельности спинного мозга. Сок и мазь из плодовых тел мухоморов заживляет кожу, пораженную рентгеновским облучением.

Не только ядовитые, но и съедобные грибы, как, например, опята, свинушки, лисички и некоторые другие, способны вызвать отравления, если их употреблять часто и в большом количестве. Дело в том, что в этих грибах содержатся микродозы токсических веществ, которые имеют свойство накапливаться в печени.

Издавна в народе применяли «грибную мазь», изготовленную из слизистой оболочки веселки обыкновенной, для лечения подагры и ревматизма.

В хорошо известных грибникам говорушках содержится клитоцибин — вещество с антибактериальными свойствами. Этим же грибом французские медики лечат эпилепсию. Антибактериальные свойства есть и у шампиньонов, осеннего опенка, дождевиков и некоторых трутовиков. Мелкие порезы, ссадины можно вылечить, если к ним приложить разрезанный молодой дождевик. А мякоть плодового тела трутовика, паразитирующего на лиственных деревьях, останавливает кровотечение. В маслятах найдено особое смолистое вещество, которое снимает не только головные боли, но и ломоту в суставах при подагре.

Сбор грибов — это страсть, которой все возрастают поклонники. Ее называют третьей охотой. Вглядывайтесь попристальней, и обязательно лес откроет вам свои тайны, покажет грибное чудо.

НАРОДНЫЕ ГРИБНЫЕ ПРИМЕТЫ

Будет снег — будут и грибы.

Больше гроз — больше грибов.

В апреле мокро — грибное лето.

В июле ночи звездистые — много грибов будет.

Внезапный рост грибов предвещает дождь.

В день Феодосии (11 июня) взмоет гриб белый и моховик, да красный и смелый подосиновик.

В мочливые годы грибы растут.

В сухое время гриб «жмется» к стволу, а в сырое — растет поодаль: здесь почва теплее, чем под деревом.

Грибов вдоволь — снега вдоволь, нет грибов — снега нет.

День Евдокии (14 марта) красный (ясный) — на грузди урожай.

Если орехов уродилось обильно, а грибов мало — зима будет снежная и суровая.

Если лужи средь дворов на Благовещенье (7 апреля) — много будет белых грибов.

Если в лесу дорожки покрылись плесенью, то много будет грибов.

Если много сморчков и строчков, значит будет хороший урожай и других грибов.

Если в ночь под Крещение (19 января) звезд не видно — грибы не родятся.

Если дождь редкий, ожидай грибов.

Зажелтели первые листья у березы — собирайся брать опенки.

Закуковала кукушка — пошли грибы.

Заколосилась рожь — в лесу проскочил первый слой белых грибов.

Зацветает рожь — колосовик найдешь.

Затянулись дожди — груздей не жди.

Зацвела черемуха — появились первые подберезовики.

Зацвели сосна и вереск — масленок появился.

Земляника, калина и шиповник в цвету — к сыроожкам.

Знойный июнь — на боровики плюнь.

Красный мухомор дорогу к белому грибу показывает.

Коль рано появились опенки — грибной слой будет тонким.

Как по дороге звездочки блестят (7 января), то грибы и ягоды будут.

Лето грозное, значит, грибное.

Любят подосиновики забираться в папоротники.

Мало снега на ветках — летом в лесу делать нечего: ни грибов, ни ягод не найдешь.

Мокрое Благовещенье (7 апреля) — грибное лето.

Много гроз — вдоволь меда и грибов.

Много мошек — готовь лукошек (по грибы).

На Ивана (21 мая) день с дождями — грибы пойдут полями.

На Иванову ночь (7 июля) звездно — много грибов будет.

На Благовещенье (7 апреля) первые сморчки появляются.

На Благовещенье мороз — урожай на грузди.

На Троице (25 мая) дождь — много грибов.

Ненастье в воскресенье перед масляной — к урожаю грибов.

Облака стали цепляться за лес — иди за грибами.

Овес созреет — покажутся опенки.

Оттепель с заморозками в воскресенье на масляной неделе — к урожаю грибов.

Парной туман над лесом — пошли грибы.

Первый туман лета — верная грибная примета.

Плесень на ветоши — к урожаю рыжиков.

Полетел белый пух с осин — появились подосиновики.

Поспели земляника и черника — появляется второй слой белых грибов.

Появится поздний грибок, так будет и поздний снежок.

Появились мухоморы — ищи белый гриб.

Пошли сыроежки раньше белых — в лесу с корзинкой нечего делать.

Прошли августовские дожди — вот-вот грибов жди.

Рано опять пошли — мало грибов будет.

Расцвела трава Иван-да-Марья — иди за грибами.

Самые поздние грибы растут до устойчивых осенних заморозков.

С бледной поганкой часто рядом белый гриб.

Сентябрь — время боровиков и груздей, рыжиков и беляков.

Снова появились грибы — не жди скорого снега.

Урожай грибов — к урожаю хлебов.

Урожай сморчков — к урожаю проса и гречихи.

Хлебоуборка совпадает с повторным урожаем подберезовиков.

Цветет осина — грибнику намек: в борах появились сморчки.

Частые туманы обещают урожай грибов.

Эдуард МОЛЧАНОВ

На мгновенье,
Светом осеня,
Вдохновенье,
Посети меня.
Проясни
Речей всеневных толк,
Пред родной землей
Исконный долг.
Озари,
Как молния в бою,
Путь-судьбу
Сокрытую мою...
Чтобы не напрасно
Бить челом,
А упрек бросать —
Лишь подолом.
Чтобы сто тревог
И сто дорог
Одолеть,
Как русский витязь мог
Сохранить тепло
В морозной мгле.
Так прожить
На вздыбленной земле,
Чтобы юность
И солдатский путь
Добрим словом
После помянуть.

ЗАБАЙКАЛЬЕ

Мне видится юность за далью,
В распахнутых солнцу мирах.
И вновь я в степях Забайкалья,
Где золото роют в горах.
Старинная, горькая песня,
Какие даны ей права?
Кому в утешенье воскресли
Из самого сердца слова?
Унылые ветры степные
Кандальный оплакали звон.
Край, некогда дикий в России,
Я чту среди прочих сторон.
Пусть кануло многое в Лету,
Но только народ не забыл
Разбитых острогов приметы,
Кресты дехабристских могил.
Мне край этот дорог до боли.
Распадки, как эхо веков.
Тайга и степное раздолье.
Сибирская мощь рудников.
И удаль растет из печали,
И звезды горят на копрах,
В певучих степях Забайкалья,
Где золото роют в горах.

Представим себе: зашел разговор об истории советской фантастики, и кто-то высказался в том смысле, что до Ефремова и Стругацких фантастики у нас попросту не было.

Сумеете оспорить этот тезис! Переубедить оппонента! По-видимому, едва ли...

Отсутствие переизданий — главная причина неосведомленности современного читателя в давних делах нашей фантастики. Много ли у нас переиздается! Если не считать А. Беляева, так пока почти одни только гости Страны Фантастики, имя-то себе составившие отнюдь не НФ книгами. Оттого ссылки на них могут ведь и не прозвучать для вашего оппонента...

Чтобы как-то восполнить этот пробел, публикуем подборку рассказов из «Мира приключений» — журнала, который выходил в 1922—1931 годах и, подобно «Борьбе миров», «Вокруг света» [московскому и ленинградскому], «Всемирному следопыту», «На суше и на море» и другим изданиям тех времен, активно печатал произведения отечественных фантастов.

Не будем утверждать, что рассказы Н. Копылова [1926, № 9], А. Ульянского [1925, № 3] и Л. Арабескова [1924, № 1] — лучшее из опубликованного журналом. Вовсе нет; они иллюстрируют, скорее, средний уровень продукции «Мира приключений». Но именно поэтому они могут и сегодня сослужить определенную службу. В том числе — и как аргумент в предложенном выше споре.

Фоторепродукции иллюстраций —
Олега Капорейко

А. УЛЬЯНСКИЙ

Рис. М. Мизернюка

I.

Окрестности Клифтона на ирландском побережье пустынно и ничем не замечательны. Отлогие, покрытые камнями холмы, понижающиеся в направлении к океану, необозримые песчаные дюны, носящие следы мощных приливов, бесконечные пустыни пространства.

В первой четверти двадцатого века Клифтон был ареной многих кровавых эпизодов из эпохи борьбы за освобождение, но от этого времени не осталось никаких следов и самые имена героев были известны потомкам только из книг.

Позднее, в сороковых годах, однообразие местности было нарушено благодаря постройке огромных плотин и сооружений, перерабатывающих силу приливов. Сооружение станции потребовало многих сотен тысяч рабочих рук, и одно время местность около Клифтона выглядела очень оживленной. Но и от этого времени остались лишь немногие следы — пробитый снарядами остов здания машины и башнеобразные, уходящие в туман энергоприемники.

«Аэлита»-89

Занесенные песком ржавые рельсы и остатки бетонных шпал, выступавшие в некоторых местах из земли, давали понятие о существовавших когда-то улицах большого временного города, от которого не сохранилось ни домов, ни людей. Рабочие руки потребовались в другое место, и люди потянулись прочь из пустующих барачков, а начавшаяся затем эпоха гражданских войн, голода и эпидемий, тяжелое время, когда никому не было дела до прорываемых океаном плотин, окончательно обезлюдило и опустошило страну. Станции не работали, холод и тьма снова царили в людских жилищах, люди вернулись к масляным лампам и дымным печкам, и в эти несколько зим деревянный город, становище миллиона людей, исчез до основания.

В 1987 году, к которому относится описываемая нами история, город Клифтон представлял собой скопище усталых, измученных неурядицами людей, плохо знавших, что происходит в остальной вселенной, и мало интересовавшихся этим. Станция воздушной линии Нью-Йорк — Магада в годы войны была перенесена из Клифтона в другое место. Надземная линия Клифтон — Дублин прерывалась во многих местах и обрывалась в двух десятках верст от Дублина. Чтобы попасть на Кардиффскую линию, требовалось совершить круговой путь вокруг Дублина пешком. Самого Дублина не существовало вовсе. Он исчез под действием брошенной с аэроплана двухфунтовой перманентной бомбы, изобретенной Норденом и имевшей то главное отличие от употреблявшихся прежде бомб, взрывававшихся мгновенно и один только раз, что ее взрыв продолжался в течение неопределенного времени, иногда нескольких лет. Взорвавшись однажды и выделив огромное количество ядовитой воды, она как бы заряжалась снова и взрывалась еще и еще раз, тысячи, миллиарды раз с минутными промежутками между двумя взры-

вами. Разрушительное действие дублинской бомбы уже кончилось, но озеро зеленой дымящейся испарениями воды стояло теперь на месте цветущего когда-то города и только верхушки некоторых уцелевших зданий указывали, что когда-то здесь был город.

Люди в Клифтоне думали о пропитании. Грузы припасов по инерции продолжали прибывать из Америки, но все с большими промежутками, после того как выяснилось, что клифтонцам нечем платить за них и припасы захватывались и распределялись между жителями бесплатно. А еще позже была учреждена воздушная заградительная линия, предназначенная для предохранения Америки от разрушительного действия европейского пожара, и всякое движение через океан стало невозможным.

Клифтонцы вернулись к земледелию, воскресли допотопные приемы обработки земли. Если у человека был свой участок земли, он мог считать себя спасенным от голодной смерти, если только ему удавалось избежать нападений голодных людей, выползавших изо всех щелей и совершавших убийства ради куска хлеба. Совесть и жалость, столь обычные в былое время, стали редким явлением при такой жизни.

В числе людей, покинувших город и перешедших к земледелию, был инженер Магнус Идола, поселившийся вместе с дочерью в уединенном покинутом доме в нескольких милях от Клифтона. Он был ученый-изобретатель и фантазер в былое время, когда он пользовался некоторым авторитетом в теории взрывчатых веществ, пока слава Нордена, изобретателя перманентной бомбы, не отодвинула его имя в тень.

Это был упорный, необикновенно работоспособный человек, не завидовавший чужим открытиям, но умевший извлекать из них пользу для своего собственного, долго им подготавливаемого изобретения, которое должно было затмить все, когда-либо придуманное человечеством в области разрушения. Его не считали ни гением, ни безумцем. Он просто сошел со сцены, и об Идоле не вспоминали. Он совершал продолжительные и опасные поездки к ядовитому озеру на месте прежнего Дублина, исследуя его свойства. И здесь, на берегу хаоса, его воображением владели картины разрушений такого размаха, в сравнении с которыми зеленые озера Нордена были лишь детской шалостью. При всем том по внешности это был скромный и тихий человек, в котором, за исключением некоторых странностей, извинительных для ученого, ничто не говорило о владевшей им чудовищной страсти.

2.

Его дочь, семнадцатилетняя Юлия Идола, жила с ним и заведовала его хозяйством. Ее детские годы совпали с периодом войн и потрясений, в эти годы она пережила переход от богатства к нищете, и ее характер сложился под влиянием противоречивых впечатлений той поры. Она выросла красивой жизнеспособной девушкой, с широким взглядом на людей и мир, с оттенком суровости и прямоты в характере.

Когда ей было десять лет, отец взял ее с собой в кругосветное путешествие. Это была запутанная цепь воздушных и морских рейсов через океаны и вдоль и поперек материков, прерываемая остановками в городах с непонятно звучащими названиями. Инженер Идола редко останавливался в больших городах. Станным образом ему всегда требовалось слезать в таких местах, где никто, кроме него с дочерью, не высаживался. Он был химик-исследователь и рыскал по свету в поисках залежей танария. Тысяча пудов танариевой руды после очистки давала фунт танария, тысяча фунтов танария после переработки давала три зерна гелидия, а Идоле для его опытов требовались миллионы таких зерен, и оттого он неустанно носился по свету, разыскивая танарий, и его пути лежали в стороне от больших международных дорог.

Юлия была с ним. Чудеса мира открывались ей, и она смотрела на них с спокойствием людей конца столетия. Люди в прошлом чаще удивлялись, чем люди послед-

них лет столетия. Старый Идола, дед Юлии, рассказывал, что в молодости он пережил однажды сильное изумление при известии, что некий Блерио перелетел Ла-Манш. «Но,— прибавлял старик,— я не помню, чтобы я удивлялся чему-нибудь еще с тех пор». Удивление исчезло из мира. Юлия была дочерью человека, который с детства сроднился с мыслью, что все на этом свете достижимо и ничему не следует удивляться, а спокойствие было у ней в крови.

Юлия была с отцом и странствовала по свету, опираясь на его руку. И всегда ей казалось, что мир был создан для нее. Финиковые пальмы в Бушире росли для того, чтобы она могла срывать плоды с их ветвей, вода в океане была так горька только для того, чтобы поразить ее своим вкусом, для нее устраивались солнечные закаты на Цейлоне, а у верблюдов в Иране были горбы на спине для того, чтобы удобнее было сидеть между ними маленькой королеве.

Но люди, мириады черных, белых и бронзовых людей, копошившихся внизу, под ее воздушным кораблем, были диссонансом в общей картине. Они как будто не считали себя созданными для ее удовольствия, их лица были угрюмы и многие из них смотрели на нее равнодушно и не были рады видеть ее. Иногда в поисках за танарием ее отцу приходилось отклоняться далеко в сторону от больших дорог, забираться в дебри, не посещаемые иностранцами. Им случалось ездить на верблюдах в персидские степях, на мулах в Пиренеях, на плотах по Амазонке и на слонах в Малабаре. Впервые во время таких поездок Юлии приходилось видеть лицом к лицу людей, не обязанных улыбаться при встрече с ней, и нередко случалось, что она хваталась за руку отца в смутном страхе и опасении недоброжелательства.

В Атлантическом океане, в том месте, где Гольфштром делает излучину в сторону Европы, они останавливались на устроенной посреди океана воздушной станции смотреть, как идет работа по отводу теплого течения в более южном направлении. Предполагалось, что если направить Гольфштром к Европе у Бискайского залива и пустить его вдоль европейского берега, климат Италии распространится по всему матерiku со всей его мягкостью и обилием растительности.

Фаланги огромных воздушных грузовых судов останавливались у излучины, сбрасывая в глубину миллионы тонн камня. На плавучих и воздушных мастерских ковались и опускались в воду металлические стены. Гигантские огни освещали картину работ ночью. Вода, бурля, бесследно поглощала плоды трудов миллионов людей, ломавших камень и копавших руду во всех концах света.

Было что-то упорное в выражении лиц рабочих, смостривших в пучину, в которой исчезали привезенные ими из-за тысячи верст огромные тяжести, между тем как уровень воды не повышался ни на йоту, и пилоты воздушных судов, направляясь в обратный путь, думали об огромности бездны, которую надо было заполнить. К концу пятого года работ течение было сбито на два градуса на юг, но начавшиеся в это время войны и изоляция Старого Света приостановили работы на середине.

У Юлии завязались знакомства в разных концах света — в Лиссабоне, Гвадалахаре и в Малабаре. В Лиссабоне — дочь консула Гаэти, смуглая девочка тех же лет, что и Юлия, и по своим привычкам и образу жизни так на нее похожая, что обе, встречаясь, испытывали тягосты и ревнивый интерес друг к другу. В Гвадалахаре жили Харати и Рио, дочери ковбоев, во всем не похожие на нее, умевшие укрощать лошадей и вызывавшие в ней благоговение, на которое отвечали снисходительным презрением. В Малабаре был мальчик Дарната, спасенный ею от голода и нищеты и любивший ее со всем пылом ранней страсти.

Отец Дарнаты был слепой нищий, и мальчик должен был водить его для сбора милостыни. Юлия впервые увидела их, когда отец ссорился с сыном из-за какой-то неудачи. Отец бил мальчика палкой, а Дарната, хотя и мог избежать ударов слепого отца, не уклонялся от палки.

— Почему ты стоишь на месте и даешь себя бить? — спросила Юлия. — Почему не бежишь от него? Он злой.

— Он не злой, — ответил мальчик с угрюмым лицом. — Он голодный. Мы оба голодные. Он был прав, когда бил меня, потому что голодаем мы по моей вине. И он рассказал, как он потерял те несколько грошей, что они собрали за весь день, и как им теперь хочется есть.

Юлия плохо понимала его. Она не считала несчастьем испытывать голод, потому что, когда это случилось, она ела с большим аппетитом и все хвалили ее за это. Мальчик же был печален именно оттого, что хотел есть. Юлия высказала ему свое недоумение.

— Да, — ответил мальчик угрюмо и просто, — так бывает у вас, у богатых. Меня никто не будет хвалить, если я вздумаю съесть столько, сколько захочу. Столько, сколько дадут — не больше. Я не помню, чтобы я когда-нибудь был сыт настолько, чтобы отказаться от пищи, если б мне ее предложили.

— А мне постоянно приходится отказываться и хитрить, — сказала Юлия. — Если б я жила по своей воле, я никогда бы не обедала. Мне больше нравится лежать в траве и греться на солнце.

— Солнце, — прервал ее Дарната, — тоже для вас, богатых. Я бы очень хотел, чтобы оно грело не так сильно. Было бы лучше, если б его не было совсем...

— Почему? — спросила Юлия. — Солнце для всех одно.

— О, нет, — ответил мальчик. — Когда оно греет очень сильно, все прячутся от него в дома и тень, и только мы, голодные, должны бродить под зноем, добывая себе пропитание. Когда оно греет не так сильно и люди рады посидеть в его свете, все чувствуют себя хорошо и выглядят счастливыми, а там, где другие счастливы, голодный несчастен вдвойне. Все сыты, все счастливы, мы одни — голодные, хуже всех...

Отец Юлии взял старика и Дарнату с собой в Лагор и там, истратив несколько золотых, пристроил старика в убежище для бедных, а мальчика отдал в школу механиков, чтобы в будущем он был бы чем-нибудь большим, чем простой носильщик тяжестей. Его учение было оплачено за несколько лет вперед.

Дарната, несмотря на его печальный вид, был бойкий и способный мальчик. Несколько недель жизни в достатке было достаточно, чтобы к нему вернулись его подвижность и веселость. Когда Юлия с отцом уезжали в Европу, он провожал их и глядел на Юлию сияющими влюбленными глазами.

— Тысячу, тысячу, тысячу раз благодарю вас, — говорил он, не смея дотронуться до ее протянутой ему маленькой белой руки. — Я знаю, я буду счастлив.

И в волнении он говорил о своей бесконечной преданности ей, о душе и теле, о жизни и счастье, которые он всегда отдаст, если они ей когда-нибудь понадобятся.

У Юлии в Европе было много дела, чтобы часто вспоминать о Дарнате, но однажды, когда ее отец говорил с Лагором по всемирному телефону, ей пришлось в голову вызвать к аппарату Дарнату из школы механиков, и тогда в ее ушах снова прозвенели радостные задыхающиеся слова:

— Тысячу, тысячу, тысячу раз благодарю вас. Душа и тело, жизнь и счастье...

Он рассказал ей, что никогда еще ему не жилось так хорошо, и спрашивал, когда они снова приедут на танариевые разработки. Юлия рассказала ему о себе, но уже не повторяла тех наивностей о голоде и нищете, которые говорила при их первой встрече. Со времени их встречи прошло несколько лет. Она многое понимала иначе и действительная жизнь огромного большинства людей не была для нее тайной.

А еще позже, когда ей было пятнадцать лет, пришло время войн и восстаний. Магнус Идола, ее отец, отнесился к событиям, как к чему-то, не имеющему к нему отношения, и думал о нескольких фунтах гелидия, которых ему, быть может, не придется уже достать. В день отмены привилегий он, не дочитав газеты, встал и ушел

к себе в лабораторию. Там на деревянных упорах стоял металлический остов колеса, снабженный движущим механизмом, с батарейками и трубочками посредине. И это колесо интересовало его больше всех революций на свете.

Юлия находила утешение в тяжелой работе, в ежедневной борьбе за кусок хлеба, за тепло и свет. Ей случалось день проводить в работе по дому, а ночи простаивать с ружьем, охраняя их маленький город от расхищения голодными бродягами.

Мир вокруг нее изменился коренным образом. Многое, что сияло и казалось прекрасным, потускнело и распалось. Старое лежало в обломках. Но она была молода и смотрела в лицо жизни неподкупными глазами юности, и то, что было гибелью и безнадежностью для одних, превращалось перед ее взором в покрытый цветами луг, озаренный солнцем неистребимой жизни.

3.

Было утро поздней осени и падал снег, когда инженер Идола извлек, наконец, свое сооружение на свет. Оно производило заурядное впечатление, было не больше человеческого роста и представляло металлический остов колеса, залитый серым составом, напоминающим цемент. Каждый, кто встретил бы Идолу, тянущего за веревку салазки с серым предметом на них, подумал бы, что это обыкновенный мельничный жернов. Разглядев предмет поближе и заметив детали вращательного механизма посредине, поршни, провода от батареек, трубочки и краны, он отказался бы от своего мнения и решил бы, что это что-нибудь позамысловатее, но так как Идола был инженером, то было в порядке вещей, чтобы на салазках у него лежали замысловатые вещи. Но никто не встретил Идолу на его пути через холмы к берегу, да и некому было ходить в этих опустелых местах.

В четырех верстах от берега, на склоне глинистого холма, Идола остановился и спустил серое колесо на землю. У него был странный вид, когда, не двигаясь, он стоял под осенним небом около серого предмета и глядел перед собой темным, настоорожившимся взглядом. Он походил на человека, переживающего очень серьезную минуту своей жизни. Несколько раз он протягивал руку к медному рычагу, торчавшему в середине колеса, но, притронувшись, снова опускал руку в карман. Был момент, когда, полный неуверенности и сомнений, он отошел в сторону, присел на камень и закурил сигару. Едва закурил, он отбросил сигару в сторону и долго сидел неподвижно, опустив голову на руки как человек, который испытывает дурноту. Потом он встал и с движениями человека, идущего навстречу неизбежному, подошел к колесу и несколько раз повернул рычаг. Поршни и меха-

низ посредине задвигались, и внутренний круг начал вращаться. Скорость оборотов все возрастала, спицы, винтики и трубки внутреннего круга слились в один блестящий диск, и неожиданно все колесо, отлипнув от земли, тронулось с места и покатило по склону холма. Оно двигалось по прямой линии с все увеличивающейся скоростью. Идола следил за его движениями в маленький сильный бинокль и одобрительно кивнул головой, когда в трех четвертях версты от вершины холма внутренний металлический круг отделился от колеса и, продолжая крутиться в воздухе, отлетел в сторону и упал на землю. Серая масса дагилась теперь сама по себе, преодолевая подъемы и спуски, а когда на ее пути стала отвесная скала, раздался взрыв, похожий на подземный гул, и туча пара поднялась в воздух.

Идола дрожал от волнения, глядя в даль. Когда пыль и пар рассеялся и можно было разглядеть результаты взрыва, он увидел, что в том направлении, где прежде стояла скала, не было теперь ничего, кроме дымящегося испарениями озера с водой сгущенно-красного цвета, а колесо, окутанное паром, двигалось дальше, оставляя за собой красный дымящийся след. Там, где проходило колесо, оставалась рытвина с десятком сажен ширины с нагроможденными по бокам кучами выброшенной земли и песку и с красной, но быстро бледнеющей и под конец совершенно теряющей окраску водой посредине.

Инженер Идола перевел дух в мрачной удовлетворенности и снова впился в стекла, готовясь к главному и решительному моменту.

Колесо приближалось к воде. Был час прибой, океан мчал волны на берег навстречу маленькому крутящемуся чудовищу. Было мгновение, когда Идола закрыл глаза, боясь увидеть гибель труда всей своей жизни. Когда он снова посмотрел в стекла, колеса уже не было видно. Волны покрыли его, но столб воды шел впереди него и показывал его путь по дну океана. Волны смыкались, приняв огромную обрушивающуюся сверху массу воды, и медленно успокаивались. Столб уходил все дальше, пока не исчез за горизонтом.

Судорога торжества прошла по лицу Идолы, но сейчас же другое выражение, показывавшее желание не поддаваться первому чувству и оставаться спокойным, появилось на его лице. Он имел вид человека, который много лет назад предусмотрел каждую мелочь, взвесил все условия и предугадал все последствия, но в момент, когда в действительности все оказалось именно таким, как он предполагал, не верит, боится верить, что он и в самом деле ни в чем не ошибался.

Им овладело спокойствие, глубокое радостное спокойствие после свершения дела, которому были посвящены многие годы. Это были первые минуты спокойствия после безудержного, ни на минуту не прекращавшегося многолетнего горения. Он просидел, наслаждаясь, час-полтора, не двигаясь и ничего перед собой не видя. Неожиданно выражение скуки прошло по его лицу. Его

тревожное настроение возвращалось к нему. Салазки, на которых было привезено колесо, лежали на снегу, и он долго смотрел на них, как бы не понимая, что это за предмет и как он тут очутился. Придя в себя окончательно, он взялся за веревку и потащил салазки в обратный путь. Его спина горбилась, чего прежде за ним не замечали, и он выглядел усталым и постаревшим.

Дома он удивил Юлию своим необычным поведением. Он прошел прежде всего в лабораторию, но сейчас же вернулся в дом, словно нашел двери лаборатории закрытыми. Некоторое время он стоял в столовой с удивленным и раздумывающим видом. Затем поднялся в кабинет и сел за письменный стол. Прошло несколько часов глубокой задумчивости и молчания, прежде чем он взялся за перо.

Он должен был подвести итог сделанному и наметить будущее. Вот несколько строк, написанных им на листе, на котором сверху большими буквами стояло заглавие: «Колесо».

Формула колеса. Две длинных строчки химической формулы, в которой встречались также буквы для обозначения элементов, неизвестных в химии.

Путь колеса. Прямая линия с уклоном в один градус на половину длины тропика.

Когда остановится колесо. Здесь стояло всего одно слово: Никогда, но сбоку мелкими буквами была приписка: «Если только оно не попадет на свой собственный след».

Внизу была дата и подпись Идолы.

Он вложил листок в папку с надписью «Колесо», поднялся по приставной лестнице к шкафу с множеством полок и ящичков и положил ее в самый дальний ящичек, затем снова сел к столу и в блокноте на верхнем листке записал букву и номера полки и ящичка.

Просидев еще некоторое время в молчании, он встал и пошел вниз, в столовую, где Юлия сидела с книгой у керосиновой лампы. Он попросил есть, был оживлен и разговорчив и провел вдвоем с дочерью весь вечер. Он долго слушал ее игру на рояле, глядя в ее полуосвещенное одухотворенное лицо, и испытывал удивление и нежность. В этот вечер изобретатель Идола впервые заметил, что его дочь была взрослой прелестной девушкой, одним из самых великолепных созданий земли.

Он лег спать, умиротворенный и счастливый, но среди ночи проснулся с тяжелым чувством и не спал до утра. Ему снилось, что волны задавили его колесо. Он больше не верил в безошибочность своей формулы. Ему надо было самому посмотреть, все ли еще продолжает лететь вперед столб воды над океаном. Известия об этом могли прийти через несколько дней из Америки, но он был не в силах ждать.

Утром он сбивчиво объяснил дочери, что у него есть неотложное дело в Лондоне, и пошел в ангар выводить свой потрепанный, устаревший аппарат. Юлия вышла его проводить. Аэроплан взял курс на восток и исчез из виду, но в десяти верстах, когда она уже не могла его видеть, сделал поворот и на большой высоте снова пролетел над Клифтоном с направлением на океан и Америку.

Юлия ждала отца день и другой и не очень беспокоилась. Но на третий день один из родственников явился к ней из Клифтона и после долгих, наводящих на подозрение подходов дал ей прочесть напечатанное в газете сообщение о падении в океан аэроплана 66К315, принадлежавшего Идоле. В заметке сообщалось, что аппарат летел в направлении на Ньюфаундленд, был трижды опрошен патрулем американской заградительной линии, не дал ответа и был сбит в воду. Пилот и аэроплан погибли в океане.

Юлия осталась одна. Рука, за которую она держалась в младенчестве и отрочестве, которая опиралась на нее, когда она стала старше, рука, ставшая частью ее самой, исчезла, оставив чувство пустоты и утраты.

Газета, в которой сообщалось о катастрофе с ее отцом, была его последним следом на земле. Она много

раз перечитывала ее. На одной из страниц там была другая заметка — сообщение о странном явлении на океане, об огромном столбе воды, неуклонно движущемся в направлении на Америку.

Юлия читала и эту заметку, но ей никогда не приходило в голову, что между двумя этими сообщениями есть какая-нибудь связь. Странная работа ее отца осталась тайной для нее, так же как и для всего остального света. Лист блокнота с пометкой в углу K11-32 лежал на столе с самого верха, и Юлия, убирая комнату отца и сметая пыль со стола, старалась делать это так, чтобы ни один ключок бумаги не был сдвинут с того места, куда его положил отец.

Впервые Юлия поняла, что значит остаться одной, без единой близкой души на свете. Печаль и заброшенность, пустота существования, нищета стали ее уделом. Многие люди улыбались ей когда-то в детстве, и она вспоминала их лица, но их давно уже не было около нее и она не знала, будут ли они улыбаться ей теперь, когда она в несчастье и бедна. Дочь консула Гаэти все еще жила в Лиссабоне, но ее ничем не омраченная жизнерадостность была Юлии теперь тяжелее, чем когда-нибудь. И однажды, когда потребность дружбы и ласкового слова была нестерпимо сильна, она вспомнила сияющие глаза Дарнаты и его восторженные клятвы. Работа клифтонской станции возобновлялась по временам, и в один из таких дней она попросила соединить ее с Лагором в Индии и вызвать к телефону Дарнату из школы механиков.

— Это я,— сказала она, когда услышала в приемнике голос Дарнаты.— Я — Юлия Идола. Вы помните меня?

— Помню ли я вас? — ответил радостный юношеский голос.— Все эти годы не было часа, когда бы я не вспоминал вас. Тысячу, тысячу, тысячу раз благодарю вас...

— За что? — спросила Юлия, не понимая, за что ему следовало бы благодарить ее.

— За сердце и ласку... за свет глаз и звук голоса... За то, что вы вспомнили обо мне...

Юлия рассказала ему о смерти отца и о том, что теперь у нее во всем свете нет друзей, кроме него.

— Еще раз благодарю вас,— ответил Дарната, и серьезность звучала в его голосе.— Я ваш друг и отдаю душу и тело, жизнь и счастье в тот момент, когда они вам понадобятся.

— Я хотела бы вас видеть,— сказала Юлия, желая представить себе, каким стал теперь маленький смуглый мальчик с сияющими влюбленными глазами.

— Назовите город, в котором вы живете сейчас,— ответил Дарната,— и я через два дня буду с вами...

Волнение, звучавшее в его голосе, испугало Юлию. Разговор с Дарнатой был радостью для нее, но тайный голос говорил ей, что ей лучше не называть города, в котором она жила.

— Я назову вам потом,— сказала она просто,— а пока, когда мне будет тяжело и я буду несчастна, я буду говорить с вами. Не требуйте от меня большего...

С тех пор несколько раз через большие промежутки случалось, что Юлия Идола говорила с Дарнатой, и его голос, доходящий до нее через разделявшие их пространства, был для нее источником ласки и исцеления.

4.

Первые известия о колесе пришли с острова Ньюфаундленда. Странным образом никто не видел колеса в момент выхода его из океана, и в сообщениях говорилось о некоем движущемся сером теле, по-видимому метеорите, упавшем с неба, пронесшемся через северные области острова в направлении на запад и при полете задевавшим землю. Движение сопровождалось вихрем и гулом. Полоса разрушений, оставшаяся после его прохода, достигала километра в ширину и была сплошной. Скорость движения не могла быть установлена с достаточной точностью, но была не меньше 80 километров в час. Жестокое разрушение — несколько десятков деревьев и большая половина города Юнипера, совершенно сметен-

ные с лица земли. Приблизительное число человеческих жертв — 75 тысяч. В заключение сообщалось, что, пройдя остров, метеор исчез в воде, где и затонул.

Очень скоро, однако, сведения о том же самом метеорите или о другом ему подобном пришли из Канады. В лесах между берегом и озерами оказалась широкая просека, заваленная обломками деревьев, полотно линии С.-Джонс — Ванкувер было испорчено во многих местах. Перешеек между озерами, составлявшими систему Виннипег, оказался прорытым после прохода колеса, воды озер сошлись в месте прохода и суда могли проходить тут, как по каналу. Линия городов южнее реки Св. Лаврентия лежала в стороне от пути метеора, и число погибших человеческих жизней было невелико. Зато список заводов и лесных промыслов, поврежденных метеором, занимал несколько столбцов и с каждым днем пополнялся все новыми сведениями. В заключение сообщалось, что и этот метеор, пройдя страну, исчез в воде океана и затонул.

Дело считалось ликвидированным. Авторитеты утверждали, что если даже это был тот самый метеор, который разрушил Ньюфаундленд и уже считался однажды погребенным в проливе, то на этот раз можно было не опасаться его нового появления на материке. И тут привелись цифры о глубине и огромности Великого океана.

Затем сведения о колесе прерываются. Продвижение по дну океана, чрезвычайно замедленное, потребовало нескольких недель, и этого промежутка было достаточно, чтобы человечество обратилось к другим интересам, а вред, нанесенный метеором, был отчасти восстановлен.

Его движение через Сахалин, через огромные безлюдные пространства северной Сибири на параллели Албазин — Байкал — Кутулда — Кустанай также не было отмечено значительными человеческими жертвами.

Сведения о движущемся по земной поверхности метеоре попадали в газеты всего мира, и уже никем не опаривалась его идентичность с метеором, который незадолго перед тем разрушил Канаду. Но явление все еще продолжали считать случайным и преходящим и продолжали называть метеором. Газеты были далеки от того, чтобы бить тревогу и вызывать панику в населении Европы.

Первые серьезные опасения в Европе появились, когда колесо переходило Уральский хребет. Странному метеору была объявлена борьба. Пока подвозилась к одному месту тяжелая артиллерия, предназначенная для встречного механического удара, была попытка испробовать на колесе действие электрических волн. Огромные прикамские станции подвергли колесо одновременному действию бесчисленного количества разрядов, не отразившихся на движении колеса, но вызвавших различные побочные явления. Одновременный залп сотни тяжелых орудий, направленных в проход у Перми и выпустивших каждое по десяти тысячепудовых снарядов, отразился на движении колеса еще меньше. Удар на пустяковую долю градуса сбил его с пути, и это имело гибельные последствия для самих батарей, не успевших сняться до его прохода и попавших в зону разрушения. Тысячи уничтоженных сел и городов отметили путь колеса через Россию. Были приняты меры к оповещению населения угрожаемых местностей, но тем не менее число погибших человеческих жизней было громадным. На живом теле страны осталась узкая кровавая полоса.

Пройдя западные области южнее Пскова, колесо снова погрузилось в воду и пошло через Балтийское море. Разрушив мимоходом Ливавский порт, задев южное побережье Скандинавии по линии Смирисхамн — Ледеруп — Треллеборг, колесо пересекло у Фредериции Ютландский полуостров. Воды морей сошлись в оставленной им глубокой колеи, и Дания после его прохода превратилась в островное государство. На параллели Гримсби — Ольдгем — Ливерпуль колесо вторглось в Англию. Причинив каждому своим оборотом неисчислимый вред в этой густо населенной стране, оно снова пропало в воде, и

столб воды понесся вслед за ним по Атлантическому океану.

Нет надобности шаг за шагом следить за дальнейшим движением колеса через Пьер-Микелон — Мичиган — Иеллоустон в Америке, снова через Великий океан, через Мукден — Синьминьтин — Долоннор — Хоничжи — Тургай в Азии, через Россию и Польшу, через Мансфельд — Гайн — Обернзеа — Брилон — Мюльгейм — Дуисбург в Германии, через Лилль и снова через Атлантический океан. Нет надобности подробно описывать его третий, четвертый, пятый и последующие обороты. Линия его движения соответствовала заданию и представляла прямую линию с уклоном в один градус на половину длины тропика. Весь его путь, нанесенный на глобус, представлял винтовую нарезку на шаровидном теле. Так продолжалось до конца седьмого оборота, когда на южном течении Миссисипи колесо сделало неожиданный зигзаг, которого, может быть, не имел в виду и сам Идола, и после этого под винт попало южное полушарие земли, до тех пор не затронутое колесом.

Его путь через страны Южной Азии был ужасен по числу человеческих жертв и ознаменовался воскрешением фантастических религиозных верований среди населения. Список городов, уничтоженных совершенно или разрушенных наполовину, удлинялся с чудовищной быстротой: Минданао — Паанг — Селягор — Хамба — Пилибит — Ханпур — Нарайян — Каварда — Джунагар — Чартаз — Кабдаян — Алашкерт...

Мир, переживший период социальных войн, с войной всех против всех, измученный, опустошенный, изголодавшийся, стоял теперь перед новой загадкой, беспощадной и тем более ужасной, что природа ее оставалась непонятной. Чья-то рука стирала с лица земли плоды трудов миллионов людей, губила без счета жизни и, снова и снова возвращаясь, отнимала последнее, что оставалось у обездоленных жителей земли.

Тысячи ученых были заняты проблемой колеса. Армия исследователей сопровождала колесо на его разрушительном пути. Миллионы наблюдений были сделаны над направлением и темпом его движения, отбросы движения исследовались и разлагались в лабораториях всего мира. Сам великий Норден руководил работой химиков. Но некая неизвестная величина, неуловимая и совершенно необыкновенная, не позволяла сделать ни одного законченного построения.

Норден высказывался в том смысле, что в химическом составе колеса имеется неизвестное науке вещество, обладающее неизмеримо большой взрывчатой силой. Выделяющиеся при взрыве отбросы снова питают основное вещество и восстанавливают его силу. С каждым новым взрывом сила вещества крепнет. Этим он объяснял все увеличивающуюся скорость движения колеса и все расширяющуюся зону его разрушительного действия. Все вещества, встречающиеся в природе, земля, огонь, вода в соединении с веществом колеса только усиливают его. Нет ничего в природе, что разлагало бы его силу.

Но ученые не могли прийти ни к какому определенному выводу о природе колеса. Достаточно сказать, что даже самый вопрос о том, является ли оно делом человеческих рук или же осколком какого-либо из надземных миров — даже этот вопрос решался ими и в ту, и в другую сторону.

С течением времени люди научились до некоторой степени предупреждать вред, причиняемый колесом. Был организован Комитет Колеса, распространявший свою деятельность на весь мир. Направление движения можно было предугадать с большой точностью, и это делало возможным своевременное очищение угрожаемых городов жителями, уносящими с собой также все, что требовалось сохранить.

Неожиданный зигзаг колеса у Миссисипи стоил жителям Оклагамы нескольких сотен тысяч человеческих жизней. Всюду также находились люди, которые предпачитали смерть разорению и нищете, наступавшим вслед за колесом. Были целые страны — Китай, Полинезия, где

192 призывы Комитета Колеса не оказались достаточно убедительными, и население оставалось на местах, с фаталистическим презрением встречая смерть. В таких местах люди гибли миллионами.

5.

Дарната, лауреат лагорской школы механиков, был одним из агентов Комитета Колеса в Индии. Он не был специалистом-химиком и не пытался строить собственных теорий о химическом составе колеса. Его воображение работало в другом направлении. Он знал только, что есть где-то на свете человек, который держит в своих руках секрет разрушения мира, и его задача была найти этого человека.

Знаменитый Норден, изобретатель перманентной бомбы, одно время казался ему единственным человеком, подходящим для этой роли. Он сумел добиться доступа к нему и в течение месяца наблюдал за ним, думая найти тайный смысл в его словах и поступках. Но все поведение знаменитого химика, человека простого и прямодушного, обнаруживало его полную растерянность перед неожиданным явлением.

Синтроп, изобретатель лампочки темноты, прибора аналогичного световой лампочке, но действовавшего с обратным результатом и способного затемнить самый яркий дневной свет — прибора, получившего значительное распространение в химической промышленности и всюду, где обрабатывается фиброид, был другим ученым, около которого он в течение долгого времени делал такие же наблюдения и с таким же результатом.

Он перебирал в уме имена всех химиков-специалистов по взрывчатым веществам, чем-либо заставивших о себе говорить в последние годы. Имя инженера Идолы также встречалось в этом списке, но Идола, так, как и все другие, был признан им недостаточно сильным для этого дела. Кроме того, его личные воспоминания рисовали ему Идолу как доброго, отзывчивого человека, и он не мог допустить, чтобы этот же самый человек мог быть таким жестоким по отношению к человечеству.

Дарната предпринял поездку вдоль зоны разрушения в направлении, обратном движению колеса, и посетил с этой целью Америку. Звание агента Комитета Колеса давало ему свободный проход через посты американской заградительной линии. Он видел разрушенные города, моря, вдавшиеся по пробитым колеям внутрь материков, огромные толпы разоренных и голодных людей, развороченные земные породы с обнаженными золотоносными и угольными жилами, которые ни у кого не было охоты разрабатывать.

Он пересек последовательно зоны разрушения у Порто-Рико, Гвадалахары и Пассаквеколи и подверг обстоятельному исследованию зигзаг у Миссисипи, а затем двинулся наперерез первым семи оборотам и по первому обороту на восток. Наступил день, когда он стоял у того места, где колесо впервые явилось на американскую почву, вынырнув из океана. Дальше след терялся.

Компас и карта — старые друзья исследователей и пионеров — показали ему, где можно было его отыскать. Он принял во внимание все возможные отклонения и в широком масштабе взял под обзор все западное побережье Европы от Лиссабона до Дронтгейма.

После дневного перелета через океан он очутился в Шербурге или, вернее, у того места, где когда-то стоял Шербург. Его путешествие вдоль побережья, совершаемое первобытным способом, пешком и на лошадях, было продолжительным и опасным. Надо было продвигаться по самому берегу, по запущенным дорогам, через опустелые после войн и колеса местности, с трудом добывая себе пропитание. У Кале он перешел зону второго оборота, и здесь его поиски стали более тщательными. Юго-западное побережье Англии казалось ему местом, более подходящим для его цели, но он оставил исследование Англии до будущего, решив сначала объехать Ирландию.

Дюны, сотни раз затопленные приливами, казалось, не носили никаких старых следов. Но он упорно двигался вперед и как всегда, когда разум и инстинкт руководят человеком, добился своего. В нескольких милях от Клифтона на прибрежных холмах был след, аналогичный тем, которые он уже наблюдал в разных концах земли.

Это была неглубокая и узкая колея, но вода в ней все еще дымилась зеленоватыми испарениями, и красный осадок покрыв кончик его палки, когда он опустил ее в воду. С бьющимся сердцем он поднялся вдоль колеи по холму. В двух верстах от берега след делался совершенно незаметным, но заржавевший металлический круг с поршнями и проволоками лежал в нескольких сажнях в стороне, полузанесенный песком.

Вдалеке, в расстоянии двух верст, стоял одинокий дом, имевший, как и все кругом, вид запустения и заброшенности. Дарната, двигаясь как во сне, медленно направился к дому. Полустертая имя инженера Идолы было написано на его воротах.

Женская фигура в другом конце двора выгоняла в поле коз. Женщина была в грубой одежде, с головой, повязанной платком, из-под которого не было видно ее лица, но в ее движениях Дарната узнал Юлию.

— Я — Дарната, — сказал он, идя ей навстречу. — Вы не звали меня, но судьба привела меня в ваш дом. Хотите ли вы, чтоб я остался тут?

— Хочу ли я, чтобы вы остались со мной? — ответила Юлия, взглядывая в его сияющие влюбленные глаза. — Мой единственный друг...

И она протянула ему руку.

Он стоял теперь на пороге счастья, и мир открылся ему во всем своем великолепии, как открывается однажды в жизни всему живому и любящему. В этом мире сияло солнце, и лучи его ослепили Дарнату. И были дни, когда он старался не думать об узкой кровавой полосе, начинавшейся в нескольких верстах от дома, где он отдавался своему счастью.

Но однажды Юлия, рассказывая о своем отце, протянула ему номер старой газеты с сообщением о его гибели. Дарната прочел описание смерти Идолы, но от него не укрылось и другое стоявшее в номере сообщение — о столбе воды, движущемся через океан в направлении на Америку, и очевидная, несомненная связь между этими двумя явлениями с удесятенной силой воскресила в нем его старое страстное желание разгадать тайну колеса, о которой он позволил себе забыть.

И Юлия, с беспокойством взглядываяшая в его изменившееся лицо, поняла, что с ее возлюбленным произошла перемена. А еще позже об руку с Юлией Дарната вошел в кабинет инженера Идолы в верхней части дома. Полки, уставленные приборами, бесконечные шкафы с книгами, горы исписанной бумаги — были подножием изумительной тайны Магнуса Идолы, и Дарнате надо было сдерживать себя, чтобы не очень обнаруживать перед Юлией своего мучительно острого интереса к каждой разбитой реторте, к каждому клочку бумаги, которые все должны были вести к одной-единственной разгадке.

С деланным спокойствием и с быстро бьющимся сердцем, обнимая Юлию, Дарната обошел комнату и сел за письменный стол Идолы. Пожелтевший листок блокнота с надписью K11-32 все еще лежал на столе с самого верха. Дарната смотрел на него сосредоточенным полусознательным взглядом.

— Это последние написанные отцом слова, — сказала Юлия, осторожно пригравываясь к драгоценному клочку бумаги, и удивилась, каким жгучим огнем вспыхнули вдруг при этих словах глаза ее возлюбленного.

Загадочный шифр завладел воображением Дарнаты. Он сиял для него во тьме и свете, он читал его в зрачках Юлии. Но потребовались ночь и день и еще ночь мучительного напряжения всех способностей, прежде чем он осмыслил его значение.

Утром третьего дня, после проведенной без сна мучительной ночи, Дарната снова был в кабинете Идолы.

Он оглядел номера шкафов и полок, пододвинул к одному из них приставную лестницу и уверенно протянул руку к ящичку на самом верху. Папка с надписью «Колесо» была в его руках.

Последняя, написанная Идолы, страница лежала перед ним. Загадка умещалась в нескольких строках.

Формула колеса. Химическая формула с включением непонятных букв.

Путь колеса. Прямая линия с уклоном в один градус на половину длины тропика.

Когда остановится колесо. Никогда, если только оно не попадет на свой собственный след.

Состояние полубезумья-полупрезрения охватило Дарнату, когда он оторвался от чтения последних слов Идолы.

Несколько раз он повторял вслух:

— Если только не попадет на собственный след...

Долгое время он сидел за столом Идолы в глубокой задумчивости. Отражения всех чувств проходили по его лицу: торжество, уверенность, подавленность, отчаяние. Но когда он встал из-за стола, он был уверен и спокоен.

— Еще двадцать дней, — сказал он, кладя на место папку «Колеса». Формула колеса, всеми буквами отпечатавшаяся в его мозгу, жгла голову.

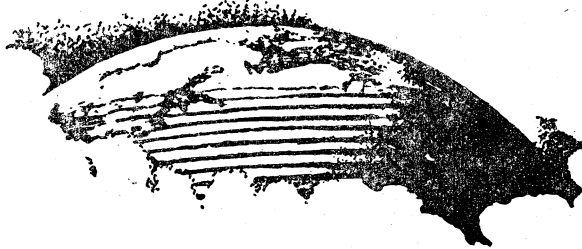
Он обнаружил в этот день бешеный интерес к географическим картам, математическим вычислениям и огромным цифрам расстояний и скоростей. Ему нужны были последние телеграммы со всех концов света. Глобус с нанесенной на него тонкой спиралью, красной резьбой обходившей мир, был в его руках, и от него не отрывался его воспаленный взгляд. Юлия в тревоге наблюдала его, заражаясь его огнем.

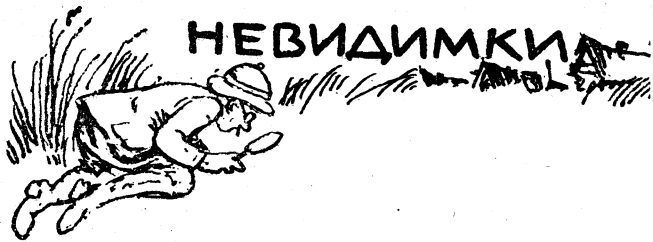
Он уехал от нее так же неожиданно, как и явился, и, уезжая, назначил день и час, когда он вернется. Юлия сосчитала, сколько дней она должна была оставаться одинокой, и насчитала двадцать один день.

Но она не была одинокой. Потому что очень скоро имя Дарнаты, вступившего на борьбу с колесом, стало долетать до нее со всех концов света, было у всех на устах. Несмотря на свою молодость и относительно небольшие знания, Дарната стоял теперь во главе Комитета Колеса. Он сумел убедить руководителей Комитета поручить ему главное начальство в борьбе с колесом и дать ему для этого все полномочия. Он не давал никаких обещаний и не открывал карт, но в его поведении была уверенность и сила, и ему поручили работу, которая оказалась не под силу самому Нордену.

В несколько дней мириады людей и машин Кабды двинулись в Азию, к подножию Гималаев, вблизи Кабдыяна, где зона двадцать первого оборота была в минимальном расстоянии от предполагаемого направления колеса. Была проделана чудовищная работа, при которой естественные и искусственные ограждения должны были постепенно перевести колесо на его старый, однажды пройденный им путь. Весь мир с волнением следил за этой работой, и день, когда колесо, пущенное по старому пути, стало стремительно замедлять свой ход, был праздником во всем свете. У Кабдыяна, пожирая само себя, колесо остановилось. Местности далеко кругом превратилась в печальнейшую из пустынь, но колесо стояло.

Дарната вернулся к Юлии. Папка с надписью «Колесо» все еще лежала в ящичке на самом верху. Но никогда, ни в момент их встречи, ни впоследствии Дарната ни словом не обмолвился жене о человеке, чьим именем была подписана формула колеса.

Н. КОПЫЛОВ

Рис. М. Кочергина

Вот как это было...

Стояло раннее весеннее утро. Из риги вышел работник, потянулся и так сладко зевнул, что у «старшины» Ивана Андреича сразу же явилось неодолимое желание последовать его примеру. Запустив руку за пазуху, он поскреб там и только что раскрыл рот для зевка, как во двор вошел пастух Сережка, держа в руках полученный им на день ломоть хлеба. Ни на кого в частности не глядя, Сережка равнодушно протянул:

— А начесь в болото змей упал. За Яфанами озимьями... — для вящей убедительности добавил: — Вот!

— Какой змей, чего плетешь? — резко оборвал Сережку старик Илюшка, ночной сторож, а Иван Андреич, перестав созерцать сворещницу и выпростав руку из-за пазухи, воззрился на левый, закрытый белым глаз Сережки.

— А змей! — не глядя ни на кого, ответил Сережка. — Все робята видели... кра-асный с хваа-стом! Прямо в озимя дяди Яфана упал... Ванька Яфанин напужался, с ночного убог... Пра!..

На крыльцо вышел квартирант Ивана Андреича, приезжий из Москвы лектор по естествознанию Егор Иванович Муромцев, и, закинув за плечи затейно расшитое полотно, собрался умыться перед чугунным пузатым умывальником, висевшим у крыльца; Муромцев через очки вскинул глаза на пастуха, и испуганный Сережка, косо глядя на важного «товарища», сразу же перевел разговор на деловую почву:

— Тялушку, дядя Илья, встрявай за тыном... не доходя... — И надев шапку, пастух пошел со двора.

По селу заходил глухой слух о падучем змее, но заходил лениво, ибо более важные интересы занимали умы местных граждан: у дяди Кондрата телка издохла, у дяди Анфима ветеринар мерина прирезать велел; на сходке толковали «о земельной банке», о ссудах и кооперации.

Интересы дня не выделялись из обычного, и слух о змее вызвал лишь несколько мимолетных насмешек по адресу баб и ребят.

Дни стояли все это время чудесные, теплые; вечер был на редкость тихий, полный пьяного дыхания спящих хлебов, весь в золотистой дымке заходящего солнца, замирающий в теплоте слабых, почти бледных тонов бедных окрестностей. Лишь спеющая рожь желтела на солнце, как расплавленное золото.

— Вот благодать-то стоит, — сказал Иван Андреич, когда после купания трое — он, приезжий лектор и учитель — уселись в этот вечер у изгороди старого сельского кладбища над рекой.

— Самое теперь время сенокоса... Сена стоят! Во! — по пояс... В совете косить начали, — сообщил тощий, с длинными усами, сельский учитель Гаврила Петрович. Лектор лежал, облокотившись на могилу, и молча жевал папиросу. Двое других растянулись на мягкой траве и жмурились от лучшей заходящего солнца.

Вдруг учитель вскочил и ударил себя по шее.

— Ишь, проклятые! — выругался он.

— Много у вас их тут! — заметил лектор.

— Чисто комариная республика, — подтвердил Иван Андреич, а учитель, взяв в зубы травинку, вновь развалился, но вдруг опять вскочил, на этот раз поймал злосчастного комара и, глядя себе на пальцы, сказал:

194

— Ишь, твердый какой. Глядите, товарищи, чудной комар!

— Это не комар, а жучок, — возразил Иван Андреич, и, за неимением иного интереса, все трое уставились на ладонь Гаврилы Петровича...

Егор Иванович, любитель энтомологии, вытащил из кармана очки, оседлал ими нос и, взяв двумя пальцами комара, начал его внимательно рассматривать.

— Занятный экземпляр, надо сказать, — произнес он после минутного осмотра и навел на пойманного комара вынутую из кармана лупу.

Было тихо. Где-то в кустах чирикали и дрались воробьи, стрекотали кузнечики, голубые и черные стрекозы порхали от цветка к цветку; снизу, из-за церкви, время от времени доносилось надорванное «Но!» пашущего мужика.

— Удивительно, — бормотал лектор, — крыльев нет... Личинка или...

Учитель и председатель с почтением глядели на его левую руку, державшую лупу, и молчали.

Вдруг лектор густо покраснел, папироса беспомощно вывалилась у него изо рта, и весь он, всей своей фигурой, изобразил картину глубочайшего изумления и недоумения. Сжав кулак, он медленно повернул к спутникам красное, как свекла, лицо и с бессмысленно неммым вопросом перевел на них глаза.

— Что с тобой, Егор Иванович?.. А? — спросил Иван Андреич, но лектор опять вонзился одним глазом в лупу, затем вдруг вскочил на ноги и, произнеся только одно слово: «микроскоп», помчался галопом с кладбища. Учитель и председатель глупо посмотрели друг на друга.

— С ума сошел!... — с испугом решил Иван Андреич; Гаврила Петрович, видимо, подумал то же самое, так как добавил:

— Вот беда-то!..

И оба пустились вслед за лектором.

По дороге от кладбища до села в этот вечер разыгралась сцена, весьма соблазнительная для встречных мужиков и баб. Гнавший из овсов телку мужик, поддерживавший штаны, и с ним двое белоголовых мальчишек, старуха-богомолка с посохом и сумой и в пыльных лаптях с безмолвным изумлением, разинув рты, смотрели, как, размахивая длинными руками, бежал в видимом волнении «товарищ», за ним с выражением недоумения спешили известный всем им глумиловский председатель и длинноногий учитель; как они догнали «товарища» и оживленной жестикуляцией привели в удивление мужика, в восторг босоногих мальчишек и в негодование богомолку, приняв их за пьяных. Последняя в сердцах плюнула и зашагала дальше по пыльной дороге; мальчишки же и мужик долго глядели вслед удалявшейся тройце.

— Егор... Ах... Иваныч! — переводя дух крикнул Иван Андреич. — С чего это ты?.. Чево тебя разорвало?!

Ответ приезжего был настолько странен, что его спутники только захлопали глазами.

— Чепуха! — отвечал лектор. — Чепуха! Ничего не пойму! Но если я с ума не сошел... Это корабль, понимаете, живой корабль!..

— Эх-ма! Рехнулся! — прошептал Иван Андреич и решил: «Это с жары»... Учитель вздохнул, и оба уже шагом поплелись за лектором.

— А ведь хороший был человек!.. — проговорил учитель. — А поди ж ты!..

Иван же Андреич мог только пробормотать:

— Неожиданность!..

Придя домой, он застал приезжего вытаскивающим из-под кровати дорожный чемодан. Пред заинтересованными хозяином и учителем на столе появился небольшой, но, видимо, дорогой микроскоп. Председатель приотворил дверь, махнул рукой своей любопытной «бабе» и, сложив руки за спиной, с сознанием собственного достоинства, начал созерцать невиданный инструмент.

Неведомое насекомое было заключено между стеклом... Прошло несколько мгновений, в течение которых беспечный мир не подозревал, что на земле готово свер-

«Аэлита»-89

щиться нечто необычайное. Учитель откешлялся, и в ответ ему предупредительно чирикнул из-за печки сверчок. Иван Андреич по привычке почесал поясницу и осторожно наклонился...

Оторвавшись от микроскопа, бледный, с каплями пота на лбу, откинулся Муромцев на спинку дивана и, наморщив брови, задумчиво вперил глаза вдаль.

— Ну что? — спросил Гаврила Петрович, с нетерпением ожидавший очереди взглянуть в микроскоп. Лектор бессильно указал одной рукой на прибор, а другой устало подпер голову с длинными, спутанными волосами и погрузился в размышления. Учитель наклонился к окуляру...

И увидел картину, более уместную на страницах фантастического журнала, чем наяву в микроскопе.

Под стеклом двигался взад и вперед крошечный сигарообразный снаряд, ярко сверкавший своей черной полированной поверхностью, напоминавший видом металлического безногого и бескрылого жучка. Но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что это не жучок, а самый обыкновенный — правда, бесконечно малый — летучий корабль из неведомого металла.

Летучий корабль! Откуда?!

По бокам корабля были расположены два ряда иллюминаторов, то открывавшихся, то закрывавшихся, снизу спускался трап, но для какой цели, кто смотрел в эти иллюминаторы, кто спускался по трапу — на эти вопросы микроскоп ответа не давал.

— Эх, слаб микроскоп-то! — проворчал Гаврила Петрович и снова приник к окуляру. На его лице отразилось сначала недоумение, затем растерянность и, наконец, испуг. Учитель точно прилип глазами к микроскопу. С минуту он молча созерцал невиданное зрелище, затем мотнул головой, словно хотел стряхнуть какой-то кошмар, и подергал себя за длинные усы, желая, видимо, убедиться, не во сне ли все это ему видится.

Наконец он оторвался от микроскопа и, обведя присутствующих мутным взором, пробормотал:

— Нда... Действительно!..

Наступила очередь Ивана Андреича. Стараясь не дышать и не прикасаться к столу, наклонился он над микроскопом и сейчас же восторженным шепотом сообщил: — Чудеса!.. Шевелится!.. Прыгает!..

Жена Ивана Андреича, притворив тщательно дверь, заглядывала и ничего не понимала. За ее спиной сын Василий, с гармонией под мышкой, вытягивался, разевал рот.

— Чего там, маманя? — громким шепотом спрашивал он.

— Бог иво знает, — отвечала мать, — говорит: «шевелится».

— Должно, блоху ай кузнечика барин-то поймал... Мой-то — дурак аж в раж вошел, весь трясется!..

Дверь тихонько прикрылась.

— Что ж это значит? — произнес наконец Гаврила Петрович.

— Чудеса! — убежденно сказал председатель.

Лектор очнулся от задумчивости.

— Нет, друзья, — сказал он, — не чудеса, а реальность, но реальность — чудеснее всякого чуда. Ведь это что ж такое? Поймите — если эдакий крохотный механизм движется, значит — он приводится кем-то разумным в движение и, значит, этот «кто-то» сидит там, внутри. Живое, разумное существо! Там, в кораблике! Так какого же размера, то есть, вернее, роста должно быть это существо! А может быть, и много существ! Сверхпигмеи! Я с ума схожу! Ущипните меня!

В это время со двора донеслись громкие бабьи голоса и чей-то визг.

— Экие бабы! — проворчал почувствовавший неполадок председатель. — Чево они там? — И вышел из комнаты.

На дворе стояло несколько баб и ребяташек, окружив босоногую, растрепанную девочку, все лицо которой было в кровавых подтеках. С подоткнутым подолом

и босыми ногами, баба голосила благим матом, в промежутках ругалась и дергала за вихры хныкавшую и утиравшую нос девочку.

— Чего такое, бабы, стряслось? — степенно спросил с крыльца председатель.

— Подралась, што ль, ай лошадь ударила? — спросила «баба» Ивана Андреича, рассматривая со всех сторон девочку.

— Комари ее покусали, — решил один из мальчишек.

— Ну тебя, — возразил старик Ильющка, — нешто комары до крови... В муравельник нешто попала?

Девчонка, испуганно хлопая глазами, стояла среди толпы и молча утирала нос, размазывая кровь.

— Не-е, — ответила девчонка.

— А где ж?..

Девчонка не ответила, ребята же, перебивая друг друга, принялись объяснять:

— Не комари... я сам видел... Чисто шмели, гудят и на нее напали и полетели... в болото... Яремкину лошадь напужали!..

— Чего это? — спросила «баба», вынимая нечто из щеки девчонки. — Глядь-кось, Андреич, заноза, да черная!..

Андреич быстро вырвал из рук жены занозу и встретился глазами с вышедшими из комнаты гостем и учителем.

— Еще... — произнес он кратко, но выразительно...

Лектор внимательно осмотрел второй экземпляр «кораблика» и, присев на ступеньки, опустил голову на руки. Так прошло несколько секунд, затем, очнувшись, Муромцев заставил мальчишек рассказать, как летели «комари», и вновь опустил голову на руки. Наконец, он как бы оторвал руки ото лба и вздохнул космы.

— Не-нет!.. Не понимаю! Ничего не понимаю! Откуда они, откуда их занесло?

— С необитаемых островов, должно быть, — произнес учитель.

— Глупости, — оборвал его лектор, — земля не приспособлена для их величины... Это организмы не земные... — докончил он медленно и вдруг, вскопши, ударил себя по лбу.

— Дурак! Старый дурак! — закричал он неистово, так что все шаррахнулись от него в стороны. — Забыл, забыл, эдакий осел! Метеорит! Неведомая планета, упавшая на землю!

Вихрем взбежал он на крыльцо и в своей комнате принялся стrotчить телеграмму своему другу профессору одного из московских рабфаков Игнатию Казимировичу Старчевскому, которого он вызывал в Глумилово и рисовал ему самые заманчивые перспективы необычайных научных открытий и мировой славы.

Весь мир в один день и в один час был взволнован, оглушен, потрясен и повергнут в недоумение невероятным сообщением о том, что где-то в Советской России, в глухом углу Вятской губернии, с упавшего метеорита слетели микроскопические существа в чудесных, подвижных неизвестно силою металлических кораблях.

Понятно, сначала это известие повсюду было сочтено довольно неудачной уткой и плодом чьей-то досужей фантазии. За границей общество, устав от политики, с удовольствием читало статью о «столкновении планет».

В одном из парижских журналов остроумно усмотрели в статье политический памфлет с намеком на последнее столкновение с Совроссией и даже указывали имена некоторых «микроскопических» членов Палаты, которым не по нутру это столкновение

Но каждый день из какого-то Глумилова появлялись все новые и новые сведения, пока, в конце концов, неясные слухи не стали фактом.

Внимание мира, отвлеченное от вопросов политических, экономических, торговых договоров, биржи и новых группировок, сосредоточилось на двух коробочках из горного хрусталя, находившихся в Московском N-ском рабфаке.

Со всех сторон мира, изо всех частей света полетели запросы в Москву и в уездный городишко в 40 верстах от Глумилова.

Слово «Невидимки» получило необыкновенную популярность; появились мыло, пудра, ботинки и духи «Невидимки»; даже одна компания воров в Лондоне решила переименовать себя в «Невидимок», о чем и объявила на страницах некоей «независимой» газеты.

Мысли кабинетных ученых пришли в хаотический беспорядок, и отчаянная полемика в университетских кулуарах разделила профессоров на враждующие лагеря. Воззрения ученых на обитаемость миров, на делимость материи, на свойства атомов были потрясены в корне и взамен, кроме гигантского неожиданного знака вопроса,— не дали ничего. Вопрос о делимости материи приобрел внезапно острую жгучесть и показал возможность деления ее почти беспредельную и, по крайней мере, неведомую для человечества, и притом в форме законченного, сложного и живого организма.

Каждый день кинематографы громадными рекламными плакатами оповещали публику о получении лент со снимками кораблей Невидимок и их обитателей. Именно: и «их обитателей».

И вот как удалось достичь этого: из Москвы, ставшей, независимо от своего политического значения, еще и ареной самой безудержной ученой склоки, на столбцах газетного мира появились обращения из Советской России ко всем ученым с предложением громадной суммы денег за изобретение в кратчайший срок сильнейшего микроскопа.

С лихорадочной поспешностью заработали умы ученых над конструкцией подобного микроскопа, пока, наконец, профессору Рихарду Бускэ из Геттингена не удалось сконструировать микроскоп такой силы, что под его объективом, к величайшему восторгу всего ученого мира, оказалось возможным не только увидеть живые существа «на кораблике», но и подробно рассмотреть их наружность и структуру. Уже по одному тому факту, что Невидимки сумели соорудить «летающий корабль», можно было вывести заключение об их высоком интеллектуальном развитии. Наблюдения над их наружностью вполне подтвердили это заключение. У обитателей микроскопического корабля, видимо, умственные способности развивались за счет физических сил; соответственно этому, при непомерном развитии органов мышления, органы чисто физического обслуживания тела атрофировались и были развиты в гораздо меньшей степени. Ноги представляли небольшие отростки со слабыми ступнями (вероятно, Невидимки мало ими пользовались), зато руки говорили о том, что физический труд не был чужд этим странному существам.

Проще говоря, Невидимки были лишены туловища и представляли собой шарики, т. е. одну голову, на которой росли руки и ноги.

Шумиха, вызванная необычайными Невидимками, все усиливалась, расходясь по миру, как круги по воде, и втягивая в свою орбиту все новые и новые пространства.

Были сфотографированы не только невиданные насекомообразные обитатели кораблей, но и Иван Андреич, старик сторож Илья и, наконец, косматая Машутка с пальцем в носу, портрет которой появился на страницах элегантных парижских журналов.

(96)

Какая-то предприимчивая американская фирма предложила Советскому правительству сумасшедшие деньги за право отыскивать и оставить себе остальные экземпляры Невидимок, а также поднять из болота упавший метеорит.

В Глумилове происходило невиданное зрелище. Понаехало столько «товарищей», сколько даже фельдшер Ефим Агапыч не видал за всю свою жизнь.

Все Глумилово с обитателями и окрестностями было запечатлено и увековечено историей; изображения Машутки и ее матери, испуганной внезапной популярностью дочери (за каковую мать стала колотить ее нещадно каждый день), попали даже в ученые рефераты. Машуткина семья сразу разбогатела, когда за бешеную до глупости цену, потребованную обалдевшим от популярности отцом Машутки, известный оператор из Берлина вытащил из Машуткиных волос третий экземпляр корабля, но, увы, уже неподвижный. Очевидно, обитатели его, долго пробыв под кожей Машуткиной головы, да еще под одуряющим влиянием Агапычевой мази, все погибли.

Множество молодых людей и не меньше количество старых, странных, полусумасшедших, выползших из заплесневелых кабинетов, с лупами в руках рыскали в окрестностях Глумилова в поисках Невидимок. Берега болота под селом сплошь были вытоптаны, но, несмотря ни на что, «Туча», вторично замеченная ребятами в полверсте от села, пропала бесследно. Ученые решили, что по каким-то неизвестным причинам, может быть, просто по непригодности к земному притяжению, чудесные летчики упали в болото.

Берлинский Мюнц-кабинет, завладевший драгоценным «мертвым кораблем», подверг его спектральному, химическому и всяческому иному анализу и определил, что корабль состоит не из стали, а из сплава серебра, платины и урания с каким-то неизвестным еще металлом. Обитателей, задохнувшихся в Машуткиных волосах, не найдено; вероятно, пагубное действие мази, которой фельдшер Ефим Агапыч натирал голову девочки, растворило их нежные организмы.

Чтобы не постигла подобная же участь живых обитателей двух других кораблей, русские ученые занялись вопросом питания Невидимок. Здесь пришлось столкнуться с большими трудностями.

— Приемлема ли для их организмов земная пища?
— Не нужно ли им какое-то особое, специфическое питание?

Ведь волей-неволей необходимо было считаться с ображением первостепенной важности: а вдруг Невидимки отравятся?

Один промах, один неудачный опыт — и организмы Невидимок могут погибнуть. Какая потеря для науки! Какой позор для русских ученых, не сумевших уберечь такие научные ценности. С другой стороны — надо принимать немедленное решение, ибо при промедлении возникла другая опасность: Невидимки могли погибнуть от голода. Ученые долго ломали головы, наконец, путем логических посылок, пришли к такому выводу: судя по внешнему виду, организм Невидимок состоял почти из одного головного мозга, следовательно, чтобы питать их, надо давать им пищу, полезную для мозга. И вот Невидимкам было предложено угощение, составленное из фосфора, белков и глюкозы с примесью безразличных вкусовых веществ. Надо было видеть, с какой быстротой подходили Невидимки к накапанной им пище.

Право, с сотворения мира не было такого энтузиазма в ученом мире, как в тот момент, когда заметили, что обитатели кораблей охотно окружили капли, представлявшиеся для них, конечно, большими холмами, и, очевидно, были довольны вкусом земной пищи. Для того чтобы дать им понять, что они не во власти стихийных сил природы, а что о них заботятся разумные существа, вкусовые свойства пищи менялись ежедневно.

Далее была сделана попытка завязать сношения с Невидимками. Необходимо было, по мнению ученых, показать Невидимкам некоторые геометрические фигуры и

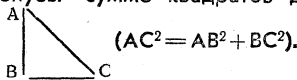
«Англетер»-99

основные формулы механики, которые любое разумное существо неизбежно должно было знать. Задача не из легких, принимая во внимание микроскопические размеры будущих собеседников. Затруднения, главным образом, заключались вот в чем: ни один чертежник не был в состоянии начертить настолько малую, но вместе с тем безусловно правильную фигуру таким образом, чтоб на Невидимок она произвела впечатление точной геометрической фигуры, а не огромной размазни.

Наконец в Москву был привезен прибор итальянского изобретателя, подходившего к делу совсем с другой стороны. Итальянец теоретически высчитал, что если поставить на известном расстоянии от корабля его прибор, то обитатели корабля неминуемо должны видеть через систему сферических больших и малых стекол все то, что будет находиться за объективом, но, конечно, в уменьшенном в несколько сот тысяч раз виде.

Вновь ученый мир вызволился: Невидимки увидели! Они поняли чертеж почти мгновенно.

И вот зрители, глядя в многоокулярный микроскоп новейшей системы, соединенный с аппаратом и доступный сразу для нескольких наблюдателей, увидели удивительную картину. Странные создания вынесли из неподвижно стоящего корабля белый квадрат и на нем начертили ту же фигуру, и затем перед изумленными и назектризованными зрителями появилась формула и чертеж: «квадрат гипотенузы = сумме квадратов двух катетов».

С этого момента начался безмолвный, самый тихий и в то же время самый оживленный разговор, за которым с волнением следил весь образованный мир, забыв политику и экономику, устремив все свое внимание лишь на ежечасные сообщения из тихого кабинета в N-ском рабфаке о разговоре человека с существами неведомой мировой системы, существами, очевидно, более интеллигентными, чем человек.

Додумались давать им целые кинематографические сеансы и видели, что Невидимки были поражены изображением человека и воспроизведением его жизни и целыми часами толпились перед экраном.

Обитатели кораблей обладали прожекторами, и часто по ночам сквозь хрустальные стены их дворца протягивался длинный синий луч, в котором летало два корабля — два блестящих создания нечеловеческого гения.

День за днем умы ученых поразились все новыми необычайными сообщениями. И самую бурную сенсацию среди ученых кругов, сенсацию, непонятную для широких слоев публики, произвело сообщение о том, что Невидимками разгадана проблема зарождения света: они обладали тайною производить свет лучей и без тени, свет, как облако, не знающий препятствий, проникающий через металл, дерево, рассеиваемый на любое расстояние без уменьшения силы.

Первый раз это было 23 октября 1926 года. Однажды ночью директор-хранитель кораблей увидел овальное облако света, тихо колыхавшееся над хрустальным дворцом Невидимок, и этот свет не давал теней и проникал через металлический стол.

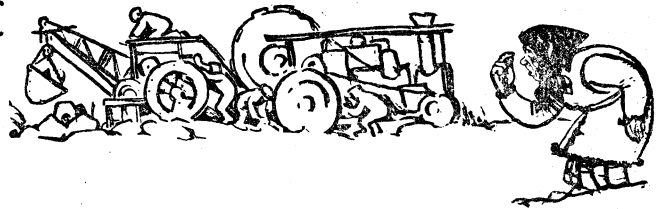
А эта загадочная энергия, поднимавшая на воздух их корабли без всякого двигателя?!

Было очевидно, что насколько эти создания малы, настолько же далеко ушли вперед в знании тайн природы. И прыстуженное, ошеломленное человечество лихорадочно спешило.

Все успехи науки, науки последнего дня, даже моменты, касающиеся микроорганизмов, микровздуков, применялись, совершенствовались, и можно сказать, — за целое прошедшее столетие наука и искусство в этой области не подвинулись так, как за несколько месяцев 1926 года.

Уже через два месяца после появления первого известия о Невидимках весь мир слушал их музыку, увлеченную тончайшим микрофоном. Музыку странную, полную чуждых для человеческого уха переходов.

1971

Мальчишки всех стран надували щеки, изображая свистящие резкие звуки музыки Невидимок; все без исключения шарманки испортили себе голоса, и скоро деловое человечество проклинало и Невидимок, и их немзыкальность, конечно, с точки зрения человека.

Негры из штата Новой Георгии устроили демонстрацию, на которой цветной проповедник сказал речь, приводящую весь юг в дикий восторг своею заключительной частью, в которой говорилось, что обитатели неведомой планеты безусловно тоже негры, ибо их музыка оказалась удивительно похожей на негритянскую. Впрочем, по этому вопросу поднялась полемика между готтентами и некоторыми китайскими композиторами, а белая раса по своей некомпетентности не могла принять участия в споре и решить, на чьей стороне истина.

Словом, толпа — vulgus — была увлечена всей этой шумихой и жадно ловила все, что появлялось из таинственного кабинета, но для нее проходила незаметной и неслышной та мучительная работа мысли, которая кипела в мозгу ученых. Ведь, в сущности, достигнуто было очень мало; чем дальше, тем пред большею тайной становилось человечество; чем более видели, тем менее понимали. Что это за существа? Откуда они? Из какой мировой системы? Какова тайна их появления на Земле? — все эти вопросы оставались загадками для ученых.

То, о чем так много говорилось, на что более всего возлагалось надежд — извлечение из болота упавшего болvida, еще не было осуществлено. Сперва неудачи сваливались на инертность местных властей, упоминалось имя какого-то предвика Черкашина, почитавшего начавшиеся работы по изысканиям за махинации бандитов, которыми еще со времени прохода Колчака было напугано окрестное население, и арестовавшего французских инженеров, слишком поторопившихся приездом. Потом, когда Москва заставила кое-кого пошевелиться и нажать административный аппарат, работа двинулась, но ненадолго: не хватило технических средств. Дело казалось безнадежным. А тут, к взычку раздражению самолюбия, появились изумительные известия о результатах экспертизы берлинского Мюнц-кабинета над мертвым кораблем. Найдено, что в числе элементов корабля имеется неизвестный ученым элемент, который по своим свойствам близко подходит к радио, но отличается от него многими свойствами. Ученые считали его именно той движущей силой, которая поднимала на воздух корабли Невидимок, притом силою невероятно могучей, так как она была способна преодолевать земное притяжение.

Весь ученый мир завopil благим матом, и глас его был, наконец, услышан. Особым декретом Наркомата приказано было содействовать ученому конгрессу в отыскании метеорита. Ассигнованы были огромные средства, даны льготные пропуски в Россию членам главнейших ученых обществ. Со всех концов мира началось паломничество жрецов науки.

События в Глумилове, как в центре мира, разрастались, вращались и возвращались в Глумилово же.

Никогда еще с момента начала своей популярности Глумилово не шумело так, как в одно бодрое осеннее утро.

Еще с вечера к поповскому двору подкатили две тройки с новыми приездками и затем уже поздно в ночь прибыло до двух десятков подвод с частями каких-то машин, прибыло множество новых людей и расположилось на луговине около пожарного навеса.

С самого утра все глумиловские обыватели, могущие

с Аэлита-89

ходить, собрались на выгоне пред поповским домом. От него и до красной вывески исполкома как бы протянулся оживленный беспроволочный телеграф. Стаи ребятишек вскарабкались на церковную ограду и расселись на ней, как воробьи.

В восьмом часу от поповского дома по направлению к полю вышло несколько человек, и тут толпа разделилась: часть пошла за «аньжинерами» и «хранцузами», а часть осталась, чтобы всласть пощупать машину и заглянуть под брезенты.

Впереди шел сухой, серьезный человек, в опущенном мехом полушубке, с острым взглядом умных темных глаз и седой бородой, профессор Игнатий Казимирович Старчевский. Рядом с ним шел его французский коллега, известный инженер Поль Монкарде, маленький тощий старик с физиономией рыси; несколько отстав, поспыставая и засунув руки в карманы брюк, следовал помощник Старчевского, молодой, но уже много обещающий ученый, инженер Андрей Петрович Осокин; за ними шли несколько механиков, представители профессиональных организаций и союза, два корреспондента лондонских и нью-йоркских газет и, наконец, один японский ученый, оживленно споривший с тощим немцем.

Словом, вся Европа и Азия выслали в Глумилово своих представителей.

Бабы, мужики и ребята выбегали из калиток и, разевая рты, смотрели на невиданное зрелище. Толпа все сгущалась, пока, наконец, желчный Старчевский, обернувшись назад, сердито не крикнул:

— Черт знает, что такое! И чего эти обезьяны глазают?

Человек в кожаной куртке поморщился и обратился к толпе:

— Товарищи! Зачем напираете? Разве мы звери какие допотопные, что вы в рот смотрите. Разойдитесь! — Откуда-то появился местный милиционер, и толпа подалась.

— Антиречно ведь, кум,— смущенно отговаривались мужики, которых расталкивал милиционер.

С этого дня Глумилово не знало покоя. И день и ночь на улице теснилась и болтала толпа; все более или менее чистые избы заняты были приезжими. Около избы-читальни по целым дням гадел народ и местные ораторы проносили бесконечные речи.

Страшно подорожало молоко. С трудом можно было раздобыть даже десяток яиц.

К вечеру первого же дня за селом пыхтел паровик, и горбатая лебедка таскала и выкидывала на берег кучи черной грязи, полной раков и всякой нечисти.

Суеверные старухи с испугом крестились на диковинные машины, а когда вечером около машины и лагеря рабочих вспыхнул яркий электрический свет, то едва ли не вся волость высыпала на косогор перед селом, так что рабочим, в конце концов, даже надоело разгонять назойливых ротозеев.

На следующее утро оказалось, что украдено много проволоки, очевидно, на тяжи для телег, и разворованы гайки у машины. Старчевский ругался немилосердно и грозил вызвать красноармейцев.

На второй день оказалось, что не хватает рабочих, что конгресс прислал больше распорядителей, чем опытных рабочих специалистов. Тут-то пришлось впервые непосред-

ственно столкнуться с населением. Мужики наотрез отказались идти на «грешную» работу.

— Ну тро у земли ворочать! — гадели они на сходке.

— Не поидем! Никто не поидет!

— Дураки! Черти!.. — ругался Старчевский. — По два рубля в день получите!

— Хошь пять! — орали мужики свое. — Не надо твоих рублей, и без рублей жили!

Работе грозил перерыв, к счастью благополучно устранивший старшим милиционером, которого мужики почему-то поголовно звали «кумом». Этот гражданин оказался добрым genieм всей экспедиции.

По уходе Старчевского он долго беседовал с мужиками в избе-читальне; до поздней ночи «протоколили» и подписывались мужики, а наутро почти все село в лице группы комсомольцев, молодых парней и охочих мужиков с вилами стояло у болота. Старчевский косо оглядел разбитую артель комсомольцев, но ничего не сказал, тем более что работа закипела. Результаты ее сказались уже на третий день: тысяч до ста пудов грязи и тины было перевернуто в вековом болоте, и берега его представляли такой же вид, какой, наверное, в день творения представляла земля. Но членов экспедиции не радовали кучи черной грязи и тины. Пока не было и намека на болид.

На четвертый день приехала партия рабфаковцев, немецких и японских студентов, с увлечением принявших участие в лазании по грязи.

Вся легкомысленная часть населения Гумилова потешалась над перепачканными в грязи и более похожими на чертей косоглазыми и низкорослыми японцами.

В тот же день обнаружился недостаток в пище. Глумиловские бабы осатанели от жадности и за крынку молока драли рубль, а за пяток яиц — полтинник и более.

Японцы жаловались, что одному их уважаемому профессору какая-то старуха наплевала в лицо.

В одном доме древний седой старик, девять лет не слезавший с печи, с перепугу встретил японцев с иконой и, дрожа, начал читать молитву на изгнание нечистой силы:

— Аминь, аминь, рассыпся!

В каком-то закоулке пьяные мужики вздумали убить студента-японца; убить — не убили, но избили его основательно, пока не были с позором принуждены к отступлению его подошедшими товарищами, в чем большую роль сыграло японское джиу-джитсу.

Вечером кум, Евграф Архипыч, вновь держал долгую речь в избе-читальне, и вновь до полночи расписывались мужики. Слава о джиу-джитсу прошла повсюду, и японцев стали бояться.

Подобные инциденты развлекали, впрочем, только молодежь, увлеченную новизной и необычностью поисков, для серьезных же ученых, собравшихся не за развлечениями, являлось жгучим вопросом чести и славы извлечение болида.

Был сделан опрос почти всех обывателей, когда, в каком направлении был услышан гул от падения болида. Но оказалось, что в ту ночь почти все крестьяне как нарочно почему-то спали мертвым сном и мало кто слышал этот гул; показания же ребят были настолько разноречивы, что строить на них какие-либо выводы было невозможно. Во время опроса в сельсовет припелась убогая старушонка и терпеливо дожидалась своей очереди.

Когда старуха, наконец, ее дождалась, то оказалось, что старуха глуха на оба уха, никакого шума, понятно, слышать не могла и пришла лишь потому, что «господа» спрашивают «у кого болит».

Старуха долго и пространно, шамкая и пожевывая беззубым ртом, объясняла, где у ней болит: «правый бок пожжет, пожжет, да как саденет»... Насилу развязались со старухой, объяснив, что здесь не больница. Кум Архипыч понохал отставленный ею старый рецепт и тоже пришел к протоколу.

А работа не подвигалась к цели ни на шаг. Работали уже с неделю; работали поспешно, ввиду приближавшихся

заморозков; погода портилась, и крестьяне всячески отлынивали от удовольствия месить холодную, как лед, трясину. По селу развивалось страшное недовольство.

Мужики иначе не называли инженеров, как «нехристи» и «потрошители».

По вечерам старики, сидя на завалинках, вели тихую, но ехидную агитацию против работ:

— Матушку-землю потрошить...— скрипел какой-нибудь поросший мхом, вроде гриба, древний дед Яфан или Хведор.— Ена нас кормит и поит, а ее потрошат. Грех... смертный грех, мужички!..

Мужики слушали подобные речи, и их темные, заветренные лица становились еще темнее, и все неохотнее шли они в воду, несмотря на красноречие кума Архипыча. Реакционная часть Гумилова откровенно возненавидела «кума» и за спиной на «собраниях» по его адресу отпускались неудобные для печати эпитеты.

Пришел какой-то странник и возмущал мужиков, подговаривая против «нечистого дела». Кум-милиционер вынохал проповедника и засадил его в холодную, но наутро его не оказалось: мужики выпустили.

Собрание на этот раз было бурное; в избе-читальне клубами плавал дым махорки и было жарко до одурения. Несмотря на то, что кум совместно с председателем Иваном Андреевичем несчетное число раз зывали: «товарищи!»— мужики были неумолимы. А один молодой мужик, бросив шапку на стол, прямо сказал:

— Хоша ты и кум!.. да эх!..

Это решило все дело.

— «Единогласно»,— орало все собрание. Кум был бес- силен.

Такое положение продолжалось до ноября. Однажды около двенадцати часов темной ноябрьской ночи Архипыч пришел со сходки охрипший и красный. Не раздеваясь и вертя в руках мокрую фуражку, он доложил Старчевскому и Осокину о том, что мужики на собрании держали себя до странности демонстративно и на все просьбы и уговоры отвечали одним словом: «грех, не пойдем, никто не пойдет». Очевидно, здесь пришлось уже натолкнуться на стачку, и работу продолжать было невозможно. Старчевский вспыхнул:

— Как невозможно? Когда цель еще не достигнута, когда зима на носу! Останавливать работу! Сумасшедшие! Вызвать красноармейцев, кавалерию...

Милиционер молча пожал плечами и, вздохнув, поглядел на потолок избы.

— Ну что же?— вскричал нетерпеливый профессор.

— Не то время, гражданин Старчевский,— пробормотал сухо и даже как будто враждебно Архипыч.

Круто повернувшись, Старчевский сел и принялся писать телеграмму.

На утро начальников экспедиции ожидала неприятная новость. На заре мужики с крестным ходом пошли кругом болота и, что куда хуже, испортили землечерпательную машину и потопили много инструментов. Это вышло уже за рамки обычных недоразумений.

Старчевский в дрожках помчался на место происшествия. Около машины, под мелким осенним дождем, стояли Осокин, инженер-француз, ругавшийся резким фальцетом, и корреспонденты. Больше никого.

Подойдя к раздряженному Старчевскому, Осокин комически развел руками.

— Работать нельзя. Машина испорчена, разбит паровой котел и сшиблено в трясину до десятка черпаков...

Старчевский собрал в барак всех членов экспедиции, но, пообеда лица всех, не встретил, к своему удивлению, сочувствия. Все были переутомлены, разбиты тяжелой работой в холодной воде, под пронизывающим ветром, и в ночном безобразии видели лишь комическую сторону. Старчевский разразился громовой речью и пристыдил всех сотрудников.

Собрались охотники исследовать старую гать. Разноплеменная молодежь, легко находящая веселую сторону в любом, даже неприятном факте, со смехом потащилась по грязи с вилами и шестами на плечах.

Старчевский, старик-француз и немец, раздосадованные скверным ходом работ, возвращались на дрожках обратно. Осокин с англичанами предпочел шлепать по грязи. Он рассеянно слушал рассказ своих спутников о прелестях утиной охоты в здешнем краю. Дойдя до оповского дома, они увидели Старчевского; красный от гнева, он что-то громко внаух стоявшему перед ним смущенному маленькому попуку.

— Стыдно! Позорно!— кричал профессор.— Возмущать темную, слепую массу!.. Позор, преступление!

— Не возмущал я!— оправдывался батюшка.

— Крестный ход!— кричал, не слушая его, Старчевский.— Как на нечистую силу ополчился!.. Это позор, на всю Европу позор! И вы, человек образованный, хотели нас выгнать крестом! Машины портить!.. Это так вам не пройдет, я сообщу в губком!..

— Довольно, коллега!— кричал с дрожек замерзший француз.

Профессор в сердцах плюнул и вскочил в дрожки; дернувшая лошадь обрызгала смущенного батюшку с ног до головы грязью.

Часу в 12-м дня собралась сходка перед сельсоветом, около пожарного навеса. Дождь на время уюмонился. Мужики были пасмурны и сидели молча на завалинке и на корточках, когда подошли старшие члены экспедиции; лишь комсомольцы с шестами на плечах постукивали ногой об ногу и пересмеивались.

Из мужиков кое-кто встал и снял шапки, а большинство провожало их злыми взглядами; кто же позубастее— то и насмешками вполголоса.

Разбрызгивая грязь, подскочила пара лошадей, и из коляски вышли начальник губмилиции, высокий угрюмый человек с бритым лицом, и ответственный секретарь Н-ского губкома тов. Филатов, знакомый лично Старчевскому, с которым весело поздоровался. Стряхивая комья грязи с плащей, приезжие вошли в совет. Придерживая болтавшийся на боку револьвер, подбежал кум Архипыч. Мужики столпились перед крыльцом.

Сначала говорил т. Филатов, говорил долго и странно о пользе образования, о международном положении и буржуазии. Мужики вздыхали, обменивались цигарками и, видимо, были во всем согласны с оратором.

После него вышел высокий начальник милиции и сразу попал в точку, но время уже было упущено и мужики не хотели новых поисков «планиды». Едва он замолк, мужики разом загалдели; красные лица, заломленные шапки мгновенно смешались в общую кашу.

— Грех!.. Смертный!..— неслось из толпы.— Матушку-землю потрошить! Не пойдем!

Неизвестно чем бы все это кончилось, если бы на конце улицы не показалась верховой. Подлетев на неседланной лошади к сельсовету, он, еще не осаживая ее, уже крикнул на скаку только одно слово:

— Нашли!

Это слово, как удар грома, упало в толпу и водворило внезапное молчание. Старчевский покраснел, а один из американских корреспондентов без шапки, бегом пустился по улице. Толпа посыпалась вслед за ним.

Старчевский хотел было идти, но верховой заявил, что найденный болид уже везут сюда.

— Везут?— в недоумении спросил профессор.— Неужели он так мал?

Верховой показал размер болида руками. Старчевский недоуменно пожал плечами. В этот момент показалась подвода. Толпа бросилась встречать диво, упавшее с неба. Старики облегченно крестились.

— Слава-ти, господи, отмаялись!

— Разойдись, разойдись, мужички,— вежливо покрикивал развеселившийся Архипыч,— не напирай очень, предмет хрупкий.

— Антиресно ведь, кум,— отвечали, как полагается, мужички и расступались.

Старчевский и все ученые подошли к подводе, и профессор свернул рогожу. Круглый, футом в диаметре, черный, весь в иде предмет лежал на подводе. Нашедших

метеор обступила толпа, но Старчевский махнул им идти в совет. Ученый был серьезен и в каком-то ошеломлении. Двое мужиков, сгибаясь под тяжестью, осторожно внесли аэролит, и пока они его несли, вокруг него раздавались шутки и остроты.

— Глядите, товарищи! Степка целу землю несет!

— Держись, Степа! Крепче руками за одну, ногами за другую, не упадешь.

Толпа, довольная окончанием постылой работы, развеселилась.

Болид был положен на стол... Наступило молчание. Старчевский с минуту смотрел на этот черный безобразный предмет, великую цель их тяжелых трудов, и снял шапку.

— Товарищи,— сказал он тихо и задумчиво,— настал великий момент...

Все также сняли шапки и затаили дыхание. Профессора молча разделись и, засучив рукава, приступили к очистке болида от грязи.

— Странно,— произнес Осокин,— чувствуется металл...

— Осторожней, осторожней,— приговаривал немец.

Грязь комьями спадала с круглой, как шар, поверхности болида и раскладывалась на белой клеенке стола...

Корреспонденты что-то лихорадочно заносили в записные книжки...

— Ни малейшего намека на минерал... гм...— произнес немец и скребнул ножом.

Старчевский становился все мрачнее и серьезнее.

— Это что?— произнес он вдруг странным, сдержанным голосом, указывая на два круглых, правильных возвышения, словно от излома.— Это что?

Осокин осторожно стер тряпкой грязь и наклонился. Один из корреспондентов поспешно налаживал кинематографический аппарат. Осокин что-то бормотал под нос.

— Что?— спросил Старчевский.

— Пять пудов...— сказал Осокин.

— Что «пять пудов»?

— «Пять пудов» записано,— ответил тот и поднял глаза. В них бегали какие-то искорки, и сам он был красен, как рак.

Старчевский бесцеремонно повернул метеорит к свету. Щелкнул затвор, послышался треск,— великий момент был увековечен...

— Гирия!— крикнул Старчевский.— Пятипудовая заводская гирия! Олухи!

Присутствующие, как оглушенные, разинули рты. В это время протолкался к столу мужичонка и с радостно расширенными глазами объявил:

— Батюшки! Да ведь это дядя Яхвана гирия-то! Прошлого лета робята с гаги уронили... вишь ты, нашли!

И, высунувшись в окно, он крикнул:

— Дядя Яхван! Иди скорее! Товарищи твою гирию нашли!..

Все окаменели от неожиданности. Лондонские корреспонденты стояли молча. Немец-профессор от недоумения разинул рот так широко, как не разевал его, вероятно, никогда в жизни. Осокина одолел пароксизм гомерического веселья; ухватившись за живот руками, он корчился от хохота, а француз-профессор вторил ему визгливым фальцетом, как потерявшая голос дворняга.

Старчевский словно взбесился: сбросил гирию со стола, сбил с ног спешившего дядю Яфана, свалил злосчастный кинематографический аппарат и, как сумасшедший, вылетел из сельсовета.

Толпой овладел приступ безудержного веселья, и около совета началась «воинственная пляска диких» с гамом, свистом и визгом гармошки.

Прошло пять месяцев. Но Старчевский был не из тех, кто отступает от раз намеченной цели. Весной следующего года он снова появился в Глумилове в сопровождении новой экспедиции — подвод с машинами, разными приспособлениями и достаточным количеством живой рабочей силы. Но на этот раз, наученный горьким опытом, он избежал ошибок прошлого: работы по изысканию и извле-

чению болида инженеры производили втихомолку, не предавая гласности результата своих трудов.

Впрочем, сделать это было им не трудно. Не только у местных крестьян, но и у всего ученого мира пропал интерес к болиду. Жизнь настоятельно выдвинула новые вопросы. Химическая война, омоложение, открытия в области радио отвлекли внимание ученых от Невидимок и нашумевшего болида. Поэтому, когда, в конце концов, труды Старчевского увенчались успехом и осколки болида были найдены, газеты, да и то далеко не все, поместили об этом немногострочное сообщение в отделе «научной хроники».

Осколки были отправлены в Московский N-ский рабфак, где их подвергли самому тщательному исследованию, но никаких следов органической жизни там найдено не было; оставалось предполагать, что все живое, если таковое и находилось на болиде, погибло от страшного жара, развившегося во время прохождения аэролита через земную атмосферу. Таким образом, единственным звеном между живой жизнью и болидом оставались Невидимки, которые по-прежнему жили в своих хрустальных ящиках под наблюдением профессоров Московского рабфака. Но теперь, после подробного исследования болида, загадка их появления на Земле стала еще более неразрешимой.

Болид ли был их родиной? С ним ли вместе низверглись они из мирового пространства на Землю или явились к нам каким-нибудь другим путем, совершенно независимо от падения аэролита?

На эти вопросы ученые не находили ответа, и в скором времени им суждено было окончательно лишиться всякой возможности получить его.

Однажды, когда дежурный член «Комиссии по питанию Невидимок», по обыкновению, впустил в их ящик определенное число капель питательного вещества, он с удивлением заметил, что вся масса Невидимок не поспешила, как раньше, к источнику своего питания. Это его обеспокоило, и он вызвал всю комиссию. Произведенное тщательное исследование констатировало печальный факт: оба летучих корабля недвижно лежали на дне ящичков, дно же было усеяно мертвыми телами Невидимок.

Что явилось причиной их смерти — ученые определить не удалось. Из многих высказанных по этому поводу догадок наиболее близким к истине казалось предположение, что Невидимки отравились теми безопасными (с точки зрения земной физиологии) веществами, которые прибавлялись к пище Невидимок для вкуса.

Единственный случай, представившийся людям для ознакомления с жителями других планет, был потерян!

И прав был 84-летний профессор Козьяволотский, старейший член комиссии, отпраздновавший все свои ученые юбилеи, когда он всплеснул руками и с неподдельной горестью воскликнул:

— Теперь жди такого случая!

КОНКУРС МИСТЕРА ГОПКИНСА

Л. АРАБЕСКОВ

Рис. С. Конского

Глава I МИСТЕРА «ГОПКИНСА И К°» ОСЕНЯЕТ ИДЕЯ

Гопкинсу приснилась черепаха... В довершение — утром влетело радио о саранче испанских размеров, разгромившей плантации канадской пшеницы. Конечно, последнее для «Гопкинса и К°» — пустяк, но настроение сверхмиллиардера сверхзапринизная вещь.

— Хорош прогресс,— ворчал Гопкинс,— если насекомое побеждает труд нескольких тысяч человек.

— Культура, ползущая как черепаха! — продолжал он, вспомнив сон. И вдруг барометр настроения духа прыгнул на «ясно», ибо Гопкинса осенила идея.

— Мистер Браун! — только подумал он о секретаре.

Однако тот занял позицию, одинаково готовый боксировать или разбирать халдейские письмена, так как от патрона следовало ожидать всего.

Браун был настоящим секретарем миллиардера: говорил на всех языках, объясняясь на некоторых из них для простоты знаками; бегло молчал; выжимал одной рукой сто кило, но не мигая смотреть на солнце и произвольно бледнеть в восточных банях; обгонял на пишущей машинке техасский экспресс и, конечно, знал стенографию, которую изучал по образцам в России.

— Мистер Браун... — произнес Гопкинс.

Секретарь с ловкостью циркового фокусника выхватил пишущую машинку величиною с портсигар и, разместив на ладони, начал...

Через сорок секунд все было закончено. Гопкинс просмотрел и, возвращая Брауну, добавил:

— Во все газеты земного шара. До часу вы свободны.

Секретарь извлек хронометр. В распоряжении — два часа семнадцать минут! Из них полтора на корреспонденцию по всему миру... Пять минут на завтрак и две на сигару... Тридцать секунд на составление приветствия, а минута на произнесение того же приветствия мисс Гопкинс... Пять на обычное интервью о курсе патрона... Пятнадцать — с индийским факиром... Остается восемнадцать с половиной минут! К невесте — шесть, обратно — семь, три — с мамашей невесты, итого для самой Клары — две с половиной минуты. Невозможно: поцелуй занимает три с половиной! Браун вздохнул — очевидно, сегодня придется обойтись без поцелуя.

Глава II ИДЕЯ «ГОПКИНСА И К°» ПРЕДАЕТСЯ ШИРОКОЙ ГЛАСНОСТИ

На следующий день тираж в семимиллионном городе достиг колоссальных размеров. То же самое повсюду, даже в негритянской республике Либерии, где газеты вы-

(101) ходили белыми буквами по черному фону. К вечеру, в гуще световых реклам Нью-Йорка, у «Лирик-Театра» собиравались толпы. Люди жестикулировали. Заключались неслыханные пари. У пристаней и в доках даже дрались. И все потому, что появилось объявление «Гопкинса и К° — из Нью-Йорка!» Его не без зависти прочли некоторые коронованные особы в Европе. Оно гласило:

«Фирма «Гопкинс и К°» из Нью-Йорка» предлагает премию тому, кто: по истечении года со дня настоящего объявления представит проект наиболее потрясающий в смысле торжества человеческого гения на путях к прогрессу, независимо от сферы изобретения.

Международная комиссия определит два заслуживающих награды проекта. Автор одного из них, по суверенному выбору учредителя премии, получит немедленно миллиард долларов. Право на эксплуатацию премированного изобретения переходит к фирме «Гопкинс и К°».

Глава III РУССКИЙ И ФРАНЦУЗ

Три года инженер-электрик Добрышин работал над своей идеей. Внешняя жизнь совершенно не интересовала его. Если бы не старушка-хозяйка, он зачастую забывал бы про пищу. Его комната сплошь заставлена странными приборами и завалена чертежами. У окна — огромный планшет на подрамнике из простого дерева. В это помещение Добрышин никого не допускает. Сегодня у него праздник — наконец верно все закончено! Остается вычертить детали и построить модель, могущую в малом масштабе, но полностью продемонстрировать опыты. Последнее займет около года, а потом... Добрышин откинулся на спинку кресла и зажмурил глаза — слишком лучезарным представлялось будущее!

За кофе, как и всегда, вместе с утренней почтой профессору Высшей Политехнической Школы в Париже Лустало подали газеты. Проглатывая изящный сандвич, он развернул «Матен».

— О, ла, ла! — воскликнул профессор. — Как это интересно!

На первой странице красовалось объявление «Гопкинса и К° — из Нью-Йорка».

Профессору — едва тридцать лет. В кругу инженеров слегка знали, что он работает над каким-то таинственным изобретением. Но Лустало по виду вел общительную жизнь — бывал в театрах, ресторанах и только уединялся с двенадцати ночи. Радость, охватившая его при чтении газеты, была понятна: вчера профессор закончил свой проект. Оставалось построить. Избегая преждевременной огласки, он уклонялся от какой-либо субсидии, между тем конструкция требовала крупных затрат. Лустало был богат, но его состояния по смете едва хватало, и он колебался. Объявление конкурса положило конец сомнениям. Через год все будет готово, но у профессора не останется ни сантимата.

— Вперед, Лустало, победа обеспечена!

Глава IV КАПИТАЛ

Годичный срок истекал. Премия в миллиард долларов — треть состояния Гопкинса, но, предназначенная к выплате, она возвращалась уже авансом, так как доходы с его предприятий невероятно возросли.

На этикетках бутылок Гопкинс поместил знаменитое объявление, и ром раскупался по двойной расценке.

Сигары Гопкинса наводнили даже Турцию!

Бедняки охотно переплачивали за пшеницу Гопкинса, потому что последний преследовал благие цели!

Принадлежащие ему океанские пароходы грузились выше ватерлинии, так как плакаты в буфетах и даже

трюмах свидетельствовали о гуманных стремлениях владельца!

Свинные туши с клеймом — призывом Гопкинса, что может быть трогательнее?

Бобовые консервы с салом, способствующие прогрессу!

Хлопок, которому, в конечном итоге, благодаря завоеваниям культуры, не угрожает ненастьем небо!

Паровозы типа «Гопкинс и К^о», мчащие к порабощению стихий гением человека!

Подошвы со штампом Гопкинса, направляющиеся прямым ходом туда же!

Гопкинс всегда умел занять такую позицию, что злая, не имеющая на взгляд реальной выгоды, могла принести только дивиденд.

Глава V

ВЕРХОВАЯ КОМИССИЯ ИСПОЛНЯЕТ СВОИ ФУНКЦИИ... ГОПКИНСУ ПРИНАДЛЕЖИТ РЕШАЮЩЕЕ СЛОВО

Представители частей света заседают ровно неделю. Они объявят имена двоих Но, несмотря на таинственность совещаний, репортеры узнают многое. Три изобретения представляются замечательными. Конкурируют: негр, француз и... русский!

Изучая свойства львиной гривы и густых зарослей в Центральной Африке, негр открыл экстракт. Стоило помазать им даже кактус, как тот покрывался шевелюрой, не говоря уже про человеческие лысины. Действием экстракта летнее пальто превращалось в доху, валик музыкальной катушки — в муфту, слон — в чудовищного пуляля!

Тем не менее кандидатура негра отпала, хотя среди ученых он имел приверженцев. Остались француз и русский... Кто получит премию?!

В ожидании решения страсти разгорелись. Беднейшее население отстаивало русского, другие — француза. Только пожарными рукавами «Гопкинса и К^о» предотвратили социальную вспышку. Наконец, репортеру по весу — легче жокея, юрче — налива и смелее — Александра Македонского удалось выяснить... Фамилия француза — Лустало, русского — Добрышин.

Первым говорил Лустало:

— Действием моего прибора сила тяжести приобретает любое направление (I). Груз, лежащий на поверхности, испытывает влияние силы тяжести, притягивающей его к земле. Я меняю направление этой силы, и она по желанию поднимает груз вверх или передвигает в сторону (II). Прибором можно поднять из шахты вагонетку, заставить висеть в воздухе грузовик и, сидя в комнате, переставлять предметы не касаясь их (III).

Водворилась тишина. Затем посыпался ряд вопросов: — Может ли прибор отодвинуть в сторону крепостной вал или перебросить на другое место дивизию пехоты с артиллерией? — спросил первым представитель военной лиги.

— Тихоокеанский пароход — в центр материка? — перебил директор «Ллойда».

— Консерватора двинуть вперед? — выкрикнул либеральный политический деятель.

(102)

— К сожалению, по техническим условиям века прибор способен оперировать с грузами, не превышающими пяти тонн, — ответил Лустало.

Гопкинс молчал... следовало выслушать второго претендента.

— Мое изобретение, — начал Добрышин, — касается усовершенствования радиоволн...

На лицах присутствующих отразилось разочарование.

— Благодаря аппарату, — продолжал Добрышин, — радиоволны из невидимых и неосозаемых приобретают конкретную форму... Можно создать из них в пространстве или на земле любое сооружение, рельеф... Подобие пирамиды Хеопса, кряж Кордильер, запруды на Амазонке, крышу, предохраняющую плантации от града, пологий каток с уклоном на сотни миль, по которому, без затраты энергии, спускать транспорты грузов, обернутых в изолированную обмотку (III).

Произошел невероятный шум. Если бы разорвалась бомба 42-сантиметровой гаубицы, то и тогда эффект не получился бы более потрясающим. Ничего нельзя было понять. Все пришли в иступление. Колокольчик председателя оказался бессильным, пришлось прибегнуть к туллубасам.

Добрышин получал премию в миллиард долларов! Гопкинс получал право эксплуатации!

Никто не заметил, когда бледный Лустало покинул собрание.

Глава VI

ВРЕМЯ ИДЕТ

События разворачивались с кружащей сверхдействительностью. Гопкинс занял господствующее положение в промышленности всего мира. Его конкуренты потерпели ряд грандиозных крахов. Но секретарю Брауну не стало от того легче, и хотя, путем усилий, он сохранил продолжительность поцелуя невесты до полутора минут — у него не всегда они оказывались. Профессор Лустало исчез бесследно.

Глава VII

ЗАОБЛАЧНАЯ ЭКСПРОПРИАЦИЯ

Аэроплан, совершающий рейсы Москва — Берлин — Лондон и vezший, кроме пассажиров, несколько пудов фунтов стерлингов, был задержан в пути. Моторы работали, автоматические счетчики указывали должное число оборотов, альтиметр — высоту в три тысячи метров, и тем не менее аэроплан не двигался, как бы повиснув в воздухе. Затем последовало нечто невероятное... Стекло кабины, где лежали тюки со стерлингами, вырвалось с треском из рамы, а тюки, вылетев в образовавшуюся брешь и пройдя по горизонтальному направлению метров триста, скрылись в компактном облаке. После того аэроплан двинулся вперед и благополучно снизился у аэровокзала в Берлине. Могло возникнуть подозрение, что тюки умышленно выбросили в пути, но состав пассажиров-очевидцев совершенно исключал возможность лжи с целью преступления.

Между тем в денежном обращении Америки появились фунты с номерами пропавших серий. Кроме того, подгулявший Париж видел над головой сератовую сигару, скользившую с востока на запад. В достоверности наблюдения веселящихся до рассвета парижан следовало усомниться, но то же самое утверждал сам шеф полиции, веселившийся до утра по обязанности. Возникла версия о воздушном пиратстве.

Правительства объявили воздух в осядном положении. Вскоре одно за другим начали поступать радио о злобных грабежах и необъяснимых подъемах ценностей с земли на небо. Последнее взволновало даже Ватикан. Далее так продолжаться не могло! Ни одного убийства, ни одного насилия над личностью, но ценности, банкно-

ты преимущественно, порхали в небо, как ласточки. Пользуясь этим, злостные кассиры стали стимулировать исчезновение вверенных сумм. Было решено созвать в Риме международный конгресс сыщиков. Его святейство благословил открытие конгресса. Повсюду установили строжайший надзор и слежку.

Глава VIII

БЕЗ РУЛЕЙ И БЕЗ ВЕТРИЛ

В океане затерялась группа скал. Белые, как лунь, буруны стерегут к ним доступ. Скалы необитаемы, однако в действительности там есть люди. Внутренность одного массива — оборудованное помещение. Здесь все, что может дать культура в смысле комфорта. В кабинете — три человека. На них эластичные, точно у водолазов, костюмы и обувь с мягкими, толстыми подошвами. Руки в перчатках, а на головах шлемы.

— Готово? — спросил один.

— Есть, капитан, — ответили два других.

Тогда тот, кого называли капитаном, открыл дверь в галерею, напоминающую трубу. Там лежала металлическая сигара, диаметром на шесть футов. Все трое вошли в нее через люк, и затем, точно мина, сигара выскользнула через противоположный конец галереи. Пропеллер отсутствовал. Не было даже признаков рулей. Под углом к поверхности океана она устремилась в пространство. Без мотора, единственно при помощи измененного направления силы тяжести! Заходящее солнце едва уловило на округлой боковой части надпись «Паллада».

Глава IX

ЛУСТАЛО ПОВЛЯЕТСЯ ВНОВЬ

Лустало неожиданно появился в Париже. Он подал прошение об отставке. По поводу своего изобретения — отмалчивался. Теперь то уезжал, то возвращался опять. Все решили, что он продолжает работу вне Парижа, наезжая сюда только развеяться. Но Лустало одинаково бывал и в Лондоне, и в Токио, и в Капштадте.

Глава X

КОЛЬЦА УДАВА КОНЦЕНТРИЧЕСКИ СЖИМАЮТСЯ

Лондонский сыщик Джаксон получил мандат на поимку воздушных пиратов. Мандат давал широчайшие полномочия по Европе. Аналогичные мандаты были выданы на Америку, Африку, Азию и Австралию.

По прошествии некоторого времени, сидя дома и покуривая трубочку, Джаксон размышлял:

— Грабежи носят сверхъестественный характер, но чудеса в наш век заменяет техника, следовательно — суть в ней. Посмотрим, чем мы располагаем...

Ночь напролет просидел Джаксон, изучая научный материал.

— Несомненно, что все выдающиеся изобретения были представлены на конкурс Гопкинса... Там бросаются фигуры Добрышина и Лустало... только они владеют изумительными тайнами.

Затем Джаксон послал шифрованные телеграммы в Париж и Нью-Йорк. Ответы не замедлили прийти. Заклучив нечто определенное из полученных сведений, Джаксон с первым же поездом выехал из Лондона.

Лустало опять в Париже... На третьи сутки, насвистывая песенку, он вернулся поздно домой и заснул. Крепкому сну помогла бутылка «Помери», или... странный запах, будто исходивший из подушки. Последнего он не заметил. Темно... Но вот, как блуждающий огонек, то вспыхивая, то заглохая, бесшумно перепрыгивает светлая точка. Любопытный глаз потайного фонарика заглядывает всюду... особенно в карманную записную книжку спящего. Кто-то невидимый подробно копирует листочки книж-

(102) ки и кладет ее обратно. Снова темно... Лустало мирно спит.

Низко склоняясь над письменным столом сидит человек. У него в руках маленькие листочки. Это известный эксперт по раскрытию таинственных шифров и знаков.

В кабинет вошел некто и молча предъявил карточку. Прочтя, начальник тайной полиции любезно предложил посетителю сесть.

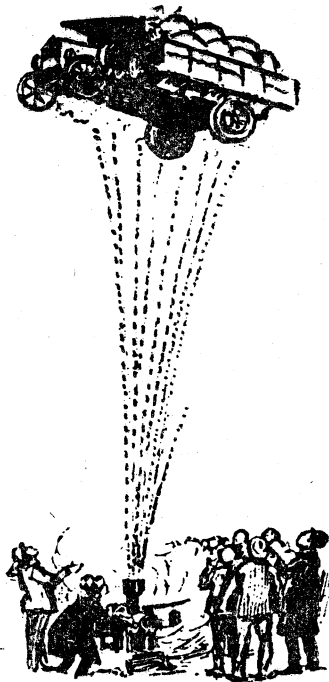
— К вашим услугам...

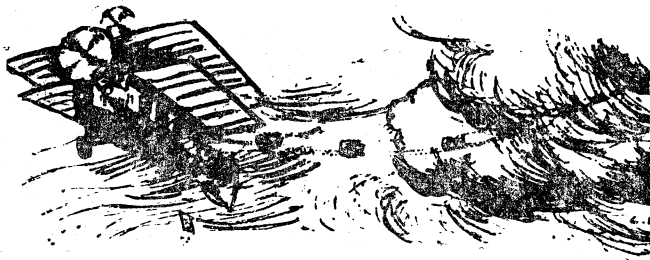
— О, иёс, мне нужен план Парижа и окрестностей.

Получив план, посетитель тщательно поставил на нем крестик и, указывая, произнес с английским акцентом:

— Я очень прошу завтра с вечера незаметно оцепить пункт вашими лучшими силами. Около двенадцати ночи туда направится человек, по всей вероятности, с коричневым саквояжем. Когда придет в оцепление — оно должно начать бесшумно сжиматься вокруг него. Соблюдайте осторожность — в центре кольца будут воздушные пираты.

Лустало проснулся с тяжелой головой. Весь день молодой профессор не мог избавиться от неприятного состояния. Около одиннадцати вечера, с ручным саквояжем, он вышел. Почти одновременно из кафе напротив появился человек с велосипедом и пинчером. Человек указал собаке на Лустало, и та последовала за ним. На углу Лустало сел в такси. Пинчер выжидательно уставился на хозяина. Автомобиль тронулся... через пять секунд подкатил второй, шофер которого до того копался в машине. Человек, велосипед и пинчер поместились в него, и второй автомобиль отправился за первым. На улицах было оживленно, и ничто не вызывало подозрения. Спустя четверть часа Лустало покинул такси и, пройдя пешком, нанял фиакр к укреплениям. Второй автомобиль застопорил в отдалении. Пинчер выскокил и, повиливая обручком хвостика, побежал между задними колесами фиакра, не замеченный седоком. Его хозяин пересел на велосипед.

В окраинной части города становилось безлюдно и, из-за скудного освещения, темно.

За линией укрепления — пустырь. В середине пустыря — кустарник и полянка, это пункт, отмеченный на плане. Без минуты двенадцать пустырь пересек силуэт человека с саквояжем и скрылся в кустарнике. Секунду спустя пробежала собака. Абсолютно темно... Но глаза нескольких десятков лучших агентов видели то, что следовало. Как кошки, заскользили тени. Они кольцом, точно удав, сжали кустарник. Под натиском осторожно зашуршали ветки. Ближе... и ближе... вот и полянка. Люди почти плечо к плечу... Раздается лай... С браунингами все кидаются вперед... Вспыхивают ослепительные лучи электричества... В центре пинчер и... больше никого... Никого!

Глава XI

ДЖАКСОН УЛЫБАЕТСЯ

Через минуту Джаксон подъехал на велосипеде.

— Никого! — подскочил к нему взволнованный начальник полиции.

— О, иёс, я так и знал, — невозмутимо ответил англичанин.

— Знали?! Почему же вы не арестовали того... с саквояжем?

— Арестовать его? Но я задержал бы обыкновенного человека, а мы ищем воздушных пиратов... Понятно?

И Джаксон безмятежно улыбнулся.

— А затем, — добавил он, пожимая руку пораженно-го шефа, — до свиданья, я намерен предпринять маленькое морское путешествие.

На следующее утро он отбыл в Нью-Йорк.

Глава XII

ЛОГИКА ДЖАКСОНА И ТВОРЧЕСТВО ДОБРЫШИНА

Сопоставлением фактов Джаксон убедился, что, кроме профессора Лустало, некому возглавить воздушных пиратов. Гипотезу следовало проверить, и он приехал в Париж. В отсутствие профессора он тайно исследовал его квартиру. Обыск не принес результатов. Тогда, усыпив Лустало, Джаксон воспользовался заметками в карманной книжке. Единственно зашифрованные числа, час и кроки пустыря показались подозрительными. Далее — понятно. Но Джаксон и не собирался покушаться с негодными средствами...

Лустало необъяснимо исчез из оцепленного участка — следовательно, гипотеза подтверждалась. Оставалось достаточно вооружиться, и для этого сыщик обратился к Добрышину.

Добрышин выстроил воздушный истребитель — шедевр техники. Его назвали «Орел». Из блестящего материала отлили корпус, в теле которого скрывались механизмы, регулирующие действия «Орла». Аппарат, подобный премированному Гопкинсом, помещался в носовой части. Конец аппарата, выдаваясь из корпуса, завершался уголь-

(104)

ным полюсом, острие которого могло испускать лучи, созидающие или разрушающие по желанию. Скорость «Орла» была поразительна для данного времени, и единственно, чего не мог избежать конструктор, — это моторов, рулей и пропеллеров, приводивших истребитель в движение, ибо Добрышин не знал секрета управления силой тяжести.

Когда все было закончено, «Орел» поднялся и исчез из глаз семимиллионного Нью-Йорка.

Там были Джаксон, Добрышин и команда. «Гопкинс и К°» остался наблюдать с крыши небоскреба.

Глава XIII

ПОЕДИНОК «ПАЛЛАДЫ» И «ОРЛА»

Они встретились на высоте. Бесшумная шла «Паллада» и мощный «Орел». Быть может, «Паллада» могла бы скрыться, но ее капитан воспротивился этому. Гений изобретателя искал сразиться с соперником.

В пространстве парили птицы, которым вдвое казалась тесна толща атмосферы... Внизу прикинула земля с лесами-мхами и реками, точно спутанные серебряные нити, а над ней, как метеоры, неслись два обособленных мира. Беспристрастное солнце освещало бок каждого, отчего теневые стороны зловеще чернели.

Но вот, шипя, от «Орла» к «Палладе» вырвался снап оранжевых лучей... И одновременно с «Паллады» им навстречу снап голубых — то ее капитан сконцентрировал силу своего аппарата, управляющего законами тяготения, в одну точку и направил на «Орла».

Лучи скрестились. Произошел молниеносный разряд. На мгновение противников соединил как бы ослепительный жезл, вольтова дуга в несколько километров. Затем огненный жезл позеленел и погас. Только раскаленные пары кружились вихрем, производя местный циклон.

«Паллады» и «Орла» буквально не стало... Они не сгорели, они просто растворились, перестали существовать, как потухшая фантазия. Их кончина не сопровождалась даже ощутимым для человеческого уха шумом, настолько сильна была частота колебаний звуковых волн,

Новинки фантастики: 1988—1989

Продолжая информировать наших читателей о книжных новинках фантастики (см. № 10 и 12 за прошлый год), помещаем сведения, полученные к февралю. Как и предыдущие, список не является максимально полным, а тем более исчерпывающим. Компенсирова возможные пропуски, включаем в него новинки, ускользнувшие при подготовке прошлых обзоров. Искренне благодарим за помощь всех тех наших читателей, кто, подобно В. Гринюку (пос. Кольцово Новосибирской обл.), снабжает нас свежей и упущенной библиографической информацией.

При описании выходных данных мы используем — помимо обычных сокращений — ряд аббревиатур в названиях издательств (ДЛ — «Детская литература», МГ — «Молодая гвардия», СП — «Советский писатель», ХЛ — «Художественная литература» и продолжающихся серий (БНФ — «Б-ка приключений и научной фантастики», БСФ — «Б-ка советской фантастики», БФ — подписная «Б-ка фантастики» в 24-х томах, ЗФ — «Зарубежная фантастика», МП — «Мир приключений», ПФ — «Приключения, фантастика», РФ — «Румбы фантастики»).

К сведению книголюбив: в распоряжении редакции книг нет, их рассылкой мы не занимаемся. Незвестны нам по-прежнему и адреса магазинов, которые принимали бы заявки на фантастику.

Андрей АНИКИН. **ВТОРАЯ ЖИЗНЬ**. Историко-фантаст. повести. М.: МГ, 1988. 192 с. (БСФ). 100 т. э.

Александр БАЧИЛО. **ИГОРЬ ТКАЧЕНКО. ПУТЕШЕСТВИЕ В ТАИНСТВЕННУЮ СТРАНУ, ИЛИ ПРОГРАММИРОВАНИЕ ДЛЯ МУШКЕТЕРОВ**. Повесть. Новосибирск: Кн. изд-во, 1988. 112 с. 15 т. э.

Кир БУЛЫЧЕВ. **ПЛЕННИКИ АСТЕРОИДА**. Фантаст. повести. Кишинев: Лит. артистикэ, 1988. 624 с. 300 т. э.

Сод.: Девочка, с которой ничего не случится; Остров ржавого лейтенанта; День рождения Алисы; Сто лет тому вперед; Пленники астероида; Заповедник сказок; Козлик Иван Иванович; Лиловый шар.

Михаил ВЕЛЛЕР. **РАЗБИВАТЕЛЬ СЕРДЕЦ**. Сборник рассказов. Таллинн: Ээсти раамат, 1988. 271 с. 40 т. э.

Николай ВОРОНОВ. **САМ**. Роман-фантазия. М.: СП, 1988. 480 с. 30 т. э.

Север ГАНСОВСКИЙ. **ИНСТИНКТ?** Повести. М.: МГ, 1988. 351 с. (БСФ). 100 т. э.

Помимо заглавной, в книгу вошла повесть «Побег» (ее 3-я часть печаталась в нашем журнале в 1987 г.).

Михаил ГРЕШНОВ. **ЭХО. НФ** рассказы. М.: МГ, 1988. 301 с. (БСФ). 100 т. э.

Евген ГУЦАЛО. **ПАРАД ПЛАНЕТ**. Роман. Пер. с укр. М.: МГ, 1988. 256 с. 65 т. э.

Евгений ЗАМЯТИН. **МЫ**. Роман; **Олд ХАКЛИ. О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР**. Роман. Пер. с англ. М.: ХЛ, 1989. 351 с. 300 т. э.

Впервые издаваемые в нашей стране

знаменитые сатирические антиутопии; первая из них написана в 1920-м, вторая — в 1932 г.

Вачеслав ЗАПОЛЬСКИХ. **ПЛАНЕТА ИМЕНИ ШЕСТОГО «Б»**. Фантаст. повести. Пермь: Кн. изд-во, 1989. 134 с. 15 т. э. Первая книга автора.

Ольга ЛАРИОНОВА. **ЧАКРА КЕНТАВРА**. Науч. фантастика. М.: Изд-во МПИ, 1988. 152 с. 100 т. э.

Юрий МЕДВЕДЕВ, Елена ГРУШКО, Александр БАЧИЛО. **ПРОСТАЯ ТАИНА**. Сборник фантаст. произведений. Сост. И. Ткаченко. М.: МГ, 1988. 63 с. (Школа Ефремова). 75 т. э.

МИРОВ ДВУХ МЕЖДУ. Сборник фантаст. произведений, очерков, критики. Сост. Е. Носов. М.: МГ, 1988. 320 с. (РФ). 55 т. э.

Центральное произведение сборника — одноименная повесть В. Пищенко.

Леонид ПНАСЕНКО. **ТАНЦЫ ПОНЕСТИНАРСКИ**. Повести и рассказы. Днепродзержинск: Проминь, 1988. 278 с. 30 т. э.

Игорь ПОДГАЙНЫЙ. **ДОЧЬ ТЕОНА**. Фантаст. рассказы. Фрунзе: Мектеп, 1988. 80 с. 12 т. э.

Георгий ПОЧЕПЦОВ. **ГОРОД КОРОЛЕЙ**. Повести-сказки. Киев: Веселка, 1988. 232 с. 115 т. э.; **ЗАМОК НА ЗАГАДОЧНОЙ ПЛАНЕТЕ**. Фантаст. повести-сказки. Киев: Молодь, 1989. 253 с. 115 т. э.

ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ. Фантаст. рассказы и повести. Сост. А. Балабуха. Петрозаводск: Карелия, 1988. 272 с. 15 т. э.

В первый сборник писателей-фантастов Карелии вошли повести «Связующая нить» Ю. Сосновского, «В начале было время» Ю. Линника, рассказы Г. Лайне, А. Луговского, В. Позднякова, Г. Салтупа, В. Верхояглова.

Борис ПШЕНИЧНЫЙ. **ЧЕЛОВЕК-ЭХО И ЕЩЕ КОЕ-КТО**. Фантаст. рассказы и повести. Душанбе: Адиб, 1988. 192 с. 20 т. э.

РУМБЫ ФАНТАСТИКИ. Сборник. Сост. А. Ярушкин. Новосибирск: Кн. изд-во, 1988. 512 с. 70 т. э.

Первый сборник ВТО МПФ — Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов при ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» — содержит повести и рассказы 19 авторов, воспоминания о Ефремове, очерки, статьи.

Юрий РЫТХЭУ. **ИНТЕРКОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ МОСТ**. Легенда о будущем. Л.: СП, 1989. 455 с. 100 т. э.

САНАТОРИИ. Сборник фантаст. произведений, очерков. Сост. Е. Носов. М.: МГ, 1988. 368 с. (РФ). 50 т. э.

Сборник назван по центральному произведению — повести В. Хлумова.

СИЛЬФИДА. Фантаст. повести русских романтиков. Сост. И. Фомина. М.: Современник, 1988. 716 с. 200 т. э.

Книгу составили произведения В. Жукковского, А. Погорельского, М. Загоскина, О. Сомова, А. Ульбрышева и других писателей прошлого века.

Евгений ФИЛЕНКО. **ЗВЕЗДНОЕ ЭХО**. Фантаст. повести и рассказы. М.: МГ, 1988. 112 с. (Б-ка журн. «Мол. гвардия»). 75 т. э. Во второй книге автора — повести «Эти двое», «Звездное эхо» и три рассказа.

Михаил ШАБАЛИН, Виталий ПИЩЕНКО. **НЛО ИЗ ГРАЧЕВКИ**. Фантаст. повесть. Новосибирск: Кн. изд-во, 1988. 104 с. 15 т. э.

Михаил ШАЛАМОВ. **СТРОГИЙ ЗАЯЦ ПРИ ДОРОГЕ**. Иронич. детектив. Пермь: Кн. изд-во, 1988. 80 с. (Лит. Прикамье). 10 т. э. Первая книга молодого писателя-фантаста.

Владимир ШЕРБАКОВ. **ТРЕТИЙ ТАИМ. НФ** рассказы, повести и легенды. М.: ДЛ, 1988. 240 с. (БНФ). 100 т. э.

Фантастика печаталась, кроме того, в сборниках «Всходы» (Уфа: Баш. кн. изд-во, 1988), «Дом под чинарами» (Тбилиси: Мерани, 1988), «Молодой Ленинград» (Л.: СП, 1988), «Орленок» (Куйбышев: Кн. изд-во, 1988), «Повесть-87» (М.: Современник, 1988), «Поиск-88» (Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1988), «Современники-88» (Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1988), «Чистые пруды» (М.: Моск. рабочий, 1988), в книгах А. Битова «Человек в пейзаже» (М.: СП, 1988), Г. Горячего «К вопросу о прищельцах» (Петрозаводск: Карелия, 1988), В. Егорова «Путь к вершине» (М.: СП, 1988), С. Зальгана «Три пункта бытия» (М.: МГ, 1988), В. Иванова «У; Дикие люди» (М.: Книга, 1988), Ф. Искандера «Кролики и удавы» (М.: Кн. палата, 1988), В. Киселева «Два названия; Европейский сонник» (Киев: Рад. письменник, 1988), С. Киселева «Там, на Земле» (Киев: Рад. письменник, 1988), В. Комарова «Непримиримое противостояние» (М.: Педагогика, 1988), Е. Мина «Ценный подарок» (Л.: СП, 1988), М. Мишина «Поверх поверхности» (М.: Моск. рабочий, 1988), А. Петрина «Похождения робота» (Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1988), Б. Рабкина «Самая длинная ночь» (М.: СП, 1988), Н. Самохина «Юмористические рассказы» (Новосибирск: Кн. изд-во, 1988), М. Успенского «Дурной глаз» (Красноярск: Кн. изд-во, 1988), Г. Шерговой «Синий гусь» (М.: МГ, 1988), А. Шихова «Мужское лето» (Кишинев: Лит. артистикэ, 1988).

Переиздавались произведения Г. Адамова, Ч. Айтматова, А. Беляева, М. Булгакова, А. Грина, И. Ефремова (в частности, роман «Час Быка»; Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1988; в обмен на макулатуру двухмиллионным тиражом выпущен роман «Лезвие бритвы»; М.: Правда, 1988), А. Кима, Л. Лагина, В. Обручева, В. Одоевского, Ю. Олеши, А. Платонова, А. Толстого, «Всадники ниоткуда» А. и С. Абрамовых (М.: ДЛ, 1988), «Потомки скифов» В. Владко (Л.: Лениздат, 1988), «Тайна заброшенного замка» А. Волкова (Фрунзе: Мектеп, 1988), «Директор департамента» Д. Лафтера (М.: МГ, 1988), «Незайка на Луне» Н. Носова (Алма-Ата: Жалын, 1988; Киев: Веселка, 1988), «Проделки Лесовика; За голубым порогом тайны» Д. Ольченко (Кишинев: Лит. артистикэ, 1988), «Покушение на миражи» В. Тендрякова (М.: СП, 1988).

Из фантастиковедческой литературы выпущены книги:

Виталий БУГРОВ. **1000 ЛИКОВ МЕЧТЫ**. О фантастике всерьез и с улыбкой. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1988. 286 с. 50 т. э.

Дополненное переиздание книги «В поисках завтрашнего дня», выходявшей в 1981 г.

Юлий КАГАРЛИЦКИЙ. **ВГЛЯДЫ-БАЯСЬ В ГРЯДУЩЕЕ**. Книга о Герберте Уэллсе. М.: Книга, 1989. 350 с. (Писатели о писателях). 200 т. э.

Александр ОСИПОВ. **МИРЫ НА ЛАДОНЯХ**. Фантастика в творчестве писателей-сибиряков. Красноярск: Кн. изд-во, 1988. 168 с. 5 т. э.

В поисках компаса...

К несомненной радости любителей фантастики, в нашем издательском мире наконец-то наметились перемены к лучшему в отношении НФ. Все больше выходит книг, все охотнее обращается к фантастике периодика. За год в среднем появляется 150—200 рассказов, до полусотни повестей и романов, да еще и переводные произведения.

Но вот что при этом происходит. Читателю случайному чаще всего попадают в руки произведения невысокого художественного уровня: что поделаешь, их значительно больше, чем высокохудожественных (и не только в фантастике, разумеется, но и в любом ином виде искусства). Да и читательская очередь к среднячкам, как правило, поскромнее, а то и вовсе ее нет: подходи, бери, наслаждайся. А если наслаждаться нечем! Не отсюда ли бытующее до сих пор представление о фантастике как литературе второсортной, серой, неинтересной!

Пусть пока и не столь велик у нас поток фантастики, как хотелось бы, но уже и сейчас остро необходима какой-то компас в этом мире. Чтобы знали неискушенные, что именно стоит искать и читать из НФ.

Руководствуясь этими соображениями, Омская областная юношеская библиотека и КЛФ «Алькор» с помощью любителей НФ попытались выделить лучшие публикации года. Ведь кто может здесь посоветовать лучше «профессиональных» читателей фантастики? Задачи мы перед собой поставили сразу две. Первая — выявить лучшие, по мнению фэнов, рассказ и повесть (роман) года. Вторая — составить рекомендуемые для чтения списки новинок НФ с балловой их оценкой по нисходящей.

Осуществляется все это в два этапа и следующим образом.

На первом этапе эксперты из разных городов (доки в НФ, досконально знающие ее!) называют все значительные, по их мнению, публикации года, каждый до 1 марта представляет свои списки. Потом эти списки мы в Омске сводим воедино и исключаем те произведения, что названы лишь одним из экспертов. (Кстати, об экспертах. Многие из них хорошо знакомы постоянным читателям «Уральского следопыта» как неоднократные победители викторин по фантастике: В. Борисов из

Абакана, М. Якубовский и А. Тетельман из Ростова-на-Дону, В. Черник и С. Иванов из Горловки...).

На втором этапе сводные списки распечатываются и в апреле — мае рассылаются всем желающим (в основном, конечно, через КЛФ) с просьбой до 30 октября оценить указанные произведения по 11-балльной шкале (от 0 до 10). «Голосование» проводится по трем подгруппам: повесть (роман), рассказ, переводное произведение.

Итоги каждого года подводятся к концу следующего.

Свои опросы мы проводим, начиная с 1986 года. Результаты уже законченных — списки произведений по каждой подгруппе, оцененных выше 5 баллов.

Предлагаем читателям «Уральского следопыта» такие списки по первой подгруппе (повесть, роман) с указанием места публикации и среднего балла.

1986

- А. и Б. Стругацкие. Волны гасят ветер («Знание — сила», 1985, № 6—12; 1986, № 1, 3) 8,893
 А. и Б. Стругацкие. Хромая судьба («Нева», № 8, 9) . . . 8,507
 В. Рыбаков. Первый день спасения («Даугава», № 10—12) 7,184
 С. Другаль. Василиск («Уральский следопыт», № 4) . . . 6,616
 А. Арканов. Рукописи не возвращаются («Юность», № 12) 6,302
 В. Бабенко. Встреча («Химия и жизнь», № 5—8) . . . 6,295
 В. Крапивин. Тополиная рубашка («Уральский следопыт», № 6, 7) . . . 6,286
 П. Амнуэль. Взрыв («Наука и религия», № 8—12) . . . 6,217
 О. Корабельников. К востоку от полночи (авт. сб. «Прикосновение крыльев». М.: Молодая гвардия) . . . 6,058
 М. Успенский. Семь разговоров в Атлантиде («Енисей», № 4) . . . 5,552
 К. Булычев. Город наверху («Вокруг света», № 7—11) . 5,288
 Э. Бутин. Лицом к лицу («Уральский следопыт», № 8, 9) 5,155

1987

- А. и Б. Стругацкие. Время дождя («Даугава», № 1—7) . 8,923
 М. Булгаков. Собачье сердце («Знамя», № 6) . . . 8,448
 А. и Б. Стругацкие. Сказка о тройке («Смена», № 11—14) 8,405

- М. Булгаков. Дьяволиада («Лит. Киргизстан», № 4) . . . 6,918
 А. Житинский. Потерянный дом («Нева», № 8—12) . . . 6,750
 Ф. Искандер. Кролики и удавы («Юность», № 9) . . . 6,731
 В. Жилин. День свершений («Уральский следопыт», № 2, 3) 6,602
 М. Успенский. В ночь с пятого на десятое («Енисей», № 2) . 6,192
 Л. и Е. Лукины. Разные среди разных («Искатель», № 1) . 6,154
 В. Крапивин. Оранжевый портрет с крапинками («Пионер», № 4—8) . . . 5,456
 Г. и Т. Свиридовы. Лабиринт («Урал», № 2—4) . . . 5,405
 А. Адамович. Последняя пастораль («Новый мир», № 3) 5,292
 К. Булычев. Подземелье ведьм («Юность», № 5) . . . 5,157
 С. Гансовский. И медные трубы («Уральский следопыт», № 11, 12) . . . 5,056

География опроса достаточно обширна: в 1987 году мы получили заполненные анкеты из 34 населенных пунктов страны, в 1988-м — из 38. Средний возраст отвечающих — 26—28 лет.

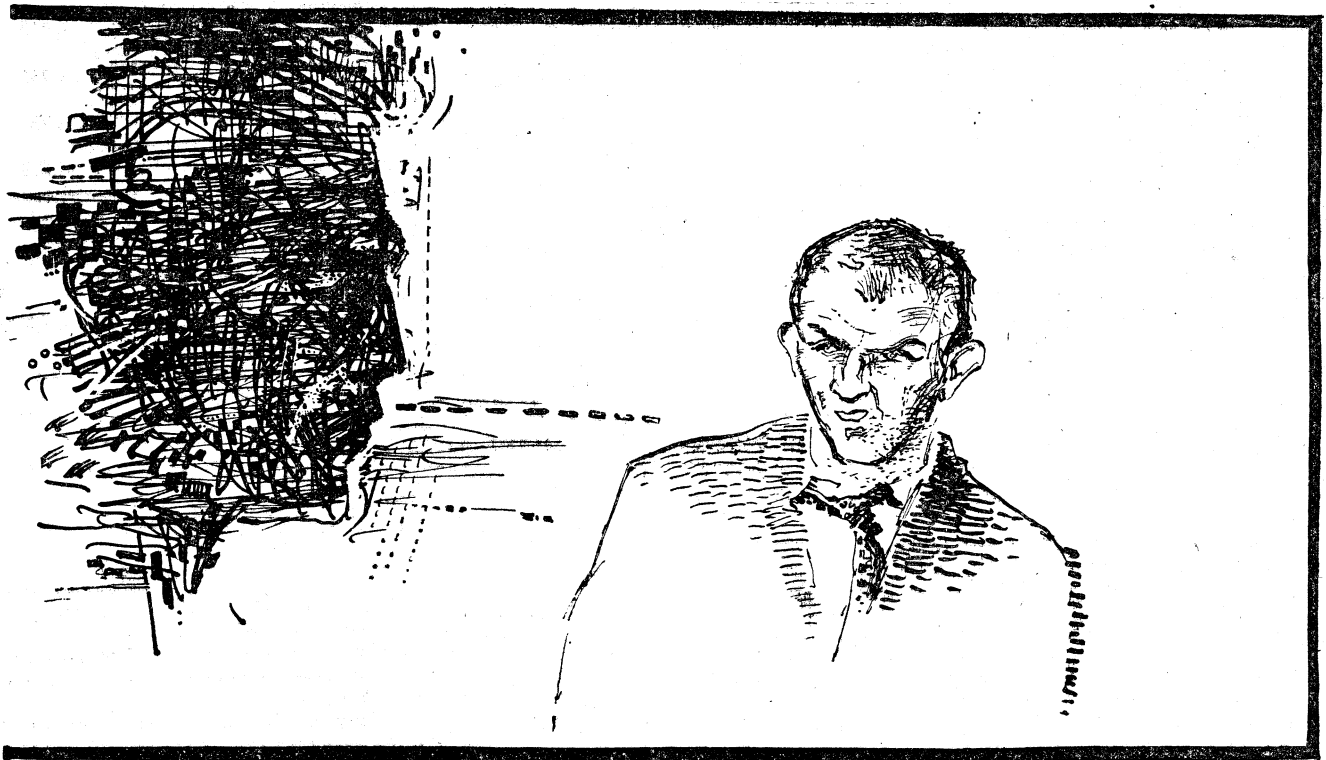
Разумеется, по анкете было немало замечаний; приведу одно-два из них.

«Товарищи, по-моему, у вас слишком широкие рамки в критериях отбора произведений. Стругацкие — и Адамович? Искандер — Булгаков — Булычев?.. Ясен смысл замечания? Отвечу на него словами Б. Стругацкого из предисловия к сборнику молодых ленинградских фантастов. «Вообще-то непонятно, почему плохой роман про изобретение самонадевающейся ушанки разрешается включать в фантастику, а хорошую сказку про Оловянного солдата — не разрешается?»

«Многие произведения... трудно достать и прочесть, т.к. они публикуются в областных сборниках и региональных журналах. И это весьма досадно». А вот как раз и для этого делали мы свой опрос, чтобы узнали все заинтересованные лица о значительных, пусть даже и мало доступных, публикациях года — и стало бы ясно им, что же, собственно, стоит переиздавать из новинок фантастики!

А напоследок... Если у кого-то из читателей «Уральского следопыта», не вхожих в КЛФ, возникнет желание участвовать в наших ежегодных опросах, просим писать нам по адресу: 644043, Омск, ул. Красный путь, 81, областная юношеская библиотека, КЛФ «Алькор». Не забудьте вложить в письмо пустой конверт со своим адресом — именно в нем вы и получите нашу «Анкету-88».

М. ИСАНГАЗИН,
председатель КЛФ «Алькор»

ЗАПАХ СТРАХА

Алексей ВАРЛАМОВ

Рис. Владимира Ганзина

Когда Салтыков вышел из автобуса, было уже темно. Он торопливо пересек улицу и пошел по замерзшим комьям глины к дому у кольцевой дороги. В этом доме жил его бывший сокурсник Чирьев. Салтыков не видел Чирьева уже лет восемь и помнил его плохо. Невысокий, кажется, довольно щуплый, с крупной головой и неровно остриженными волосами, Чирьев всегда держался скованно, но как-то очень преданно. Такие люди в университете, тем более на их факультете, редки, никогда бы он не попал к ним в компанию, если бы с самого начала их не поселили вместе на картошке. Там они легко сошлись, после собирались, и Чирьев приходил тоже. Гнать его не гнали, хотя никто особо и не звал. Этот человек оказался в результате стукачом, по его доносу в конце второго курса исключили из университета Сережку Одинцова и только по странности не вылетели остальные. Сам Чирьев проучился после этого недолго, он не сдал летнюю сессию, и его отчислили. Уже позд-

нее, когда эта история забылась и никому из них ничего не угрожало, Салтыков пытался понять, отчего Чирьев заложил именно Сережу и пощадил Валерку и его. Валерка считал, что дело тут было в той легкой изящной пренебрежительности, с какой Одинцов относился к Чирьеву. Валерка по-своему был прав.

Чирьев открыл дверь сразу же, пока не умолк звонок. Он был одет странно, сверху — пиджак и галстук, а снизу — тренировочные штаны и вьетнамки на босу ногу. В комнате неправильной формы на грязном, с толстыми щелями паркете лежал ковер, в углу стоял круглый стол с засохшими цветами, тумба, рядом — тахта, и освещала комнату единственная тускляя лампочка в разбитом плафоне. Чувствовался стойкий, дурманящий запах. Сам Чирьев показался Салтыкову более жалким, чем тогда, в университете, и вид у него был такой, как будто Салтыков застал его за каким-то постыдным занятием.

— Минька? — произнес Чирьев. — Ты? Зачем? Какого-то дело?

— У тебя остались материалы, которые мы собирали в университете, — сказал Салтыков. — Я хочу их забрать.

Алексей Варламов родился в 1963 году. Окончил филологический факультет МГУ, где и работает преподавателем русского языка для иностранцев. Участник 6-го общесоветского совещания молодых писателей. Публиковался в журнале «Октябрь». С читателями «Уральского слепопыта» встречается впервые.

— Хорошо, — ответил тот и полез в тумбу, откуда скоро извлек большую картонную коробку и бутылку дешевого вина.

«Странно, — размышлял Салтыков, — отчего мы доверили хранить эти материалы именно ему? Почему их не взяли Валерка или я?»

Чирьев меж тем развязал коробку и стал доставать оттуда карточки, тетради, магнитофонные пленки.

— Вот, — сказал он, — все на месте, кроме Сережиных. Этих у меня нет. Но там было немного. И давай-ка выпьем, Миня. Столько не виделись.

Просящий тон Чирьева и та легкость, с которой он отдавал ящик, успокоили Салтыкова.

— Нет, Чирьев, я пить не буду. — И пытаюсь смягчить свою резкость, добавил: — Может, когда в другой раз, а сейчас времени нет.

— А-а, в другой раз, — протянул Чирьев разочарованно и стал спокойно сгребать тетради и пленки обратно в ящик. — Ну, и ящичек прихватишь в другой раз.

— Ты не имеешь никакого права его хранить!

— Права не имею? А скажи-ка мне, любезный друг Миня, — внезапно бойко заговорил Чирьев, — почему ты не приходил за этим ящичком восемь лет, пять лет или на худой конец два года назад? Что случилось? Почему только теперь о нем вспомнил?

— Изволь, — резко ответил Салтыков, — я сейчас пишу книжку о репрессиях. Ты удовлетворен?

— Ты? О репрессиях? — пробормотал Чирьев. — Хотя да, наверное, сейчас это выигрышная тема. Вот и дожили до того времени, когда можно писать про репрессии. И даже делать на них свой маленький бизнес. Знаешь, Минька, — продолжал он, — я очень долго вас ждал, я все думал, что вы придете, а вы не приходили. Миня, отчего ты на меня так смотришь? Ты стал меня презирать? Раньше ты меня не презирал, мы были друзьями, а потом ты вдруг стал бояться меня. Хотя, знаешь, презрение не лучше страха. Может вдруг выяснится, что ты из того же теста, и презирать начнут тебя. А хочешь, Миня, я расскажу тебе, как меня сделали стукачом? Тебе должно быть интересно. Это ведь тоже история.

Салтыков неопределенно пожал плечами.

— Я не добрал на вступительных экзаменах полбалла, — стал рассказывать Чирьев, и, по мере того как он говорил, у Салтыкова снова закачалось внутри чувство тревоги. — Я не добрал полбалла и шел забирать документы. Мне их отдали, и я уже собирался уходить... Ко мне подошла девушка из приемной комиссии и спросила: «Это вы — Чирьев? Вас просят зайти в комнату 514». Я пришел в эту комнату. Это был комитет комсомола. Там сидел за столом мужчина, и пахло клеем, канцелярским клеем, то ли они лозунги клеили, то ли еще что. Мужчина поднял голову и я увидел его лицо: с крупными чертами, добродушное, как мордочка сытого хомяка. Хомячок подошел ко мне, обнял за плечи, и мы стали прохаживаться взад-вперед по комнате. Ровным, будничным голосом он сказал, что комитет комсомола может ходатайствовать о моем зачислении на первый курс с полупроходным баллом. Вероятно, на моем лице ничего не переменялось, и он стал ласково говорить мне: «Поступают к нам, понимаешь, Валя, не те, кто нам нужен. А вот такие парни, как ты, простые наши советские парни, без блата, без связей, поступить не могут, и очень нам это обидно. Факультет у нас,

Валюша, сложный, идеологический, а люди, к сожалению, шаткие, ненадежные и к тому же нечестные. Говорят вроде правильные вещи, а поглубже копнешь — такое там... Хотим мы тебе, Валентин, доверить одно важное дело, чтобы стал ты нашим человеком, приходил к нам почаще, рассказывал, что где услышал неладное... Документы свои оставь мне, я все устрою, а о разговоре нашем, сам понимаешь, говорить никому не надо». Я слушал не слова, а только этот ласковый, усыпляющий голос, и лишь когда вышел из университета и пошел по аллее к реке, то понял, что именно мне предложили и на что я уже дал согласие. Первое мое желание было вернуться и сказать, что не смогу. Но у меня не получилось вернуться. Уж больно мне мечталось в университете учиться. Он стоял, возвышаясь над рекой, окруженный садами, с золотым шпилем, там были удивительные люди, и вот теперь у меня на ладони лежала возможность стать одним из этих людей, что же я должен был сделать?

— Ты меня спрашиваешь? — перебил его Салтыков.

— Нет, Миня, я тебя не спрашиваю, ты бы отказался, я знаю, ты себя ценишь и пачкаться бы не стал. И все бы вы пачкаться не стали. Ты нас не сравнивай, Миня. Для вас университет — это нечто само собой разумеющееся, вы его и оценить-то понастоящему не могли. А я, Минька, я — дворовый, неуч, голы, и вдруг вот этот дворовый, кому место в ПТУ, поступает в университет. Ну, ты попробуй себе представить, что это для меня значило.

— И ты, дворовый, даже обрадовался, что тебя к нам стукачом приставили? Отыграться на нас решил? — спросил Салтыков брезгливо. — Ну и что же было потом?

— Потом... — рассеянно проговорил Чирьев, — потом была картошка...

Эту картошку Салтыков помнил хорошо. Их отобрали, всех мужиков с курса, не дали проучиться и дня, и отправили в колхоз. Поселили семерых в одной комнате, где кровати стояли вплиты, и чтобы пробраться к самой дальней, приходилось стаскивать сапоги и дальше ступать по одеялам. На картошке сложилась их компания, все они были немножко снобами, щеголяли какими-то именами, прочитанными книгами, но скоро стало ясно, что это не главное, наносное...

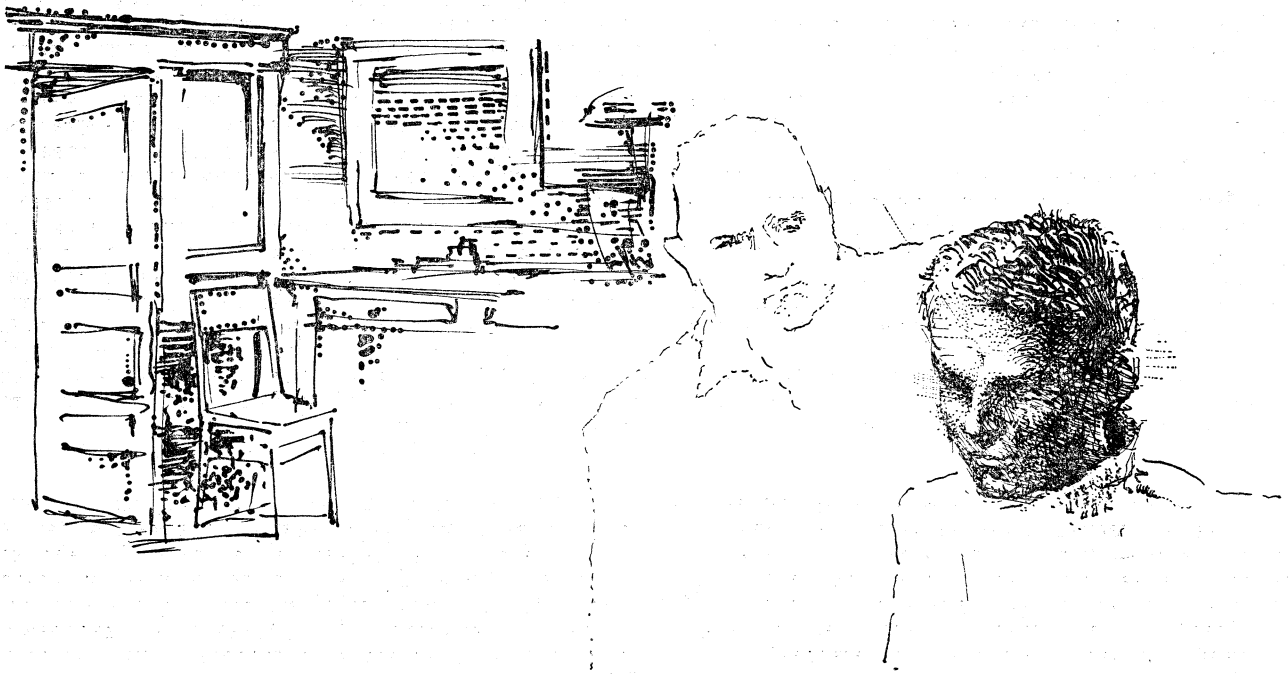
— Мне там было паршиво, — торопливо говорил Чирьев, — я жил с вами, но как будто сам по себе. Мне не давала покоя мысль, что я здесь не случайно, специально приставлен подслушивать и запоминать ваши разговоры. Вы говорили какую-то ерунду, а мне крикнуть хотелось: «Ребята, не надо об этом при мне».

— Что ж не крикнул?

— А ты бы крикнул? Я бы хотел посмотреть на такого, кто крикнул бы. А какие вы были парни, Минька. Умные, сильные, да мне этот месяц на картошке больше чем десять лет в школе дал. Предать вас? Нет, Миня, я там в какой-то момент понял, что никогда и ни при каких обстоятельствах, я не выдам ни одного из вас, ни одного человека вообще.

— Однако ж выдал.

— Подожди, — оборвал его Чирьев, — я тогда себя обмануть решил. Мне бы пойти к Хомяку и сказать: все, отказываюсь, совесть мне так подсказывает.

— Но ты не пошел.

— Я испугался. Я решил словчить, двойную игру вести, как лукавый раб. Да, я буду приходить к Хомяку и обо всем ему докладывать, но пока докладывать нечего... Дурачком решил прикинуться. Боже мой, Миня, какой я был идиот. Ты знаешь, какой запах у предательства? Оно пахнет клеем, канцелярским клеем. Представь себе много клея, целую комнату, всю в клею, и этот клей на тебе, ты пытаешься вырваться, ударить, и он тебя пускает, а потом ты оборачиваешься и видишь, что он тянется за тобой.

Я должен был приходить к Хомяку в эту комнату раз в две недели, по вечерам, когда там никого не было. Он спрашивал про вас, я что-то мямлил, говорил, что ничего не знаю, но он настаивал, вытягивал из меня, советовал, на какие темы с вами заговаривать... Я опять врал, говорил, что вас ничего не интересует кроме футбола и рок-музыки. Он слушал меня с ленивым любопытством и, похоже, его всерьез не занимало, вру я или нет. Потом однажды он утомленно сказал: «Хватит». Я давно ждал, когда ему все это надоест, когда он выгонит, наорет на меня, исключит из университета, ну, что еще он мог сделать? Но он только лениво сказал, что хватит. «Думаешь, я не знаю, о чем они говорят, твои дружки? Ругают всех кого могут — декана, ректора, генерального секретаря, смеются над его дряхлостью и дефектами речи, да в этом ли дело? Они же и над тобой смеются, ты у них дурачок, мальчик на побегушках, они тебя держат ради баловства, а за своего не считают. Не чувствуешь ты этого, что ли?» Он говорил правду.

Чирьев вышел из комнаты, а потом вернулся, и глаза его показали Салтыкову какими-то шальными. Но говорить он продолжал очень внятно:

— У Хомячка была своя теория. Что у нас наро-

дился новый класс образованной буржуазии, которая ни во что не верит и всеми правдами и неправдами пытается хорошо устроиться, занять теплое местечко и смердеть. Именно эти люди виноваты в том, что мы еще далеки от нашей главной цели. А кроме них виноваты те, кто позволяет над собой измываться. И что нам нужно нечто вроде новой революции, надо, чтобы такие, как я, он, те, кто добиваются своего в жизни честно, объединились и дали бы отпор всем этим сынкам. Но ты не верь ему, Миня, — понизил голос Чирьев и наклонился к Салтыкову, — я ему был нужен для чего-то другого. Ему просто доставляло удовольствие, что у него есть своя собственная маленькая подленькая власть, власточка, что есть человек, которым он может повелевать. И каждые две недели я приходил к нему и выдавливал из себя по капле свободного человека. Как же это было унижительно, клей, запах клея... И мне казалось, что вы чувствуете этот запах клея, что вы меня презираете, все знаете и издеваетесь надо мной. Особенно Одинцов. Он даже не презирал, он любопытствовал, изучал меня, проверял, и мне казалось, что они в сговоре, Хомячок и Одинцов: ставят надо мной какой-то жуткий эксперимент.

— Поэтому ты заложил его, — быстро перебил Салтыков.

У него вдруг стала болеть голова, он расстегнул пуговицу на рубашке, расслабил галстук и стал растирать виски.

— Что за дрянью у тебя воняет?

— Клопов морю, — равнодушно отозвался Чирьев. — Ты погоди, скоро привыкнешь. Ты лучше вспомни, что было потом.

...Потом они стали собирать материалы о сталинских репрессиях. Сейчас Салтыков уже не мог упом-

нить, кому первому в голову пришла эта идея, но загорелись ею все. Об этом никто не писал, толком не было книг, архивы закрыты. Но что им архивы, когда у этого сосед сидел, у того деда расстреляли, у третьего — девятнадцатилетнего отца забрали. Они решили сделать свой архив, опрашивать родных, знакомых, искать людей, которые там были, узнавать имена, места этих лагерей, записывать воспоминания, свидетельства, собирать картотеку. Им казалось тогда, что это просто чья-то ошибка, чей-то недосмотр, что об этом до сих пор никто не написал. И где-то в душе были рады, что они станут первыми, кто напишет документальную правду о том времени. Но когда они стали этим заниматься, то очень скоро поняли, что их поиск не имеет ничего общего с игрой. Даже его собственная мать, когда он стал спрашивать ее, за что сидел дед, ответила: «Зачем тебе это, Миша? Ты же в университете учишься, у тебя неприятности могут быть. Прошло и ладно». А его дед Александр Степанович Постнов отсидел десять лет в тюрьме. Потом еще восемь лет в лагере. И только за то, что до революции был офицером, естественно — в царской армии. И не спасло, а погубило его, что перешел затем в Красную. Мы должны это знать, думал тогда Салтыков, чтобы никогда люди не страшились об этом вспоминать. Сережкина бабушка получила пять лет за то, что на работе обернула туфли газетой с портретом Сталина. А на какой тогда газете не было этого портрета? Иногда, когда от злости становилось невмоготу, он по-мальчишески думал: «Меня бы в то время, я бы там показал...» Но та же Сережкина бабушка, разлученная с малыми детьми, битая-пербитая, гордо распрямлялась и, поджав губы, говорила им: «А войну все-таки выиграл Сталин». И никак все это в голове не укладывалось.

Осенью на втором курсе Валерка пошел работать дворником, и они стали часто собираться у него. Помогали ему убирать участок, потом поднимались в комнату, уставленную стащенной со всей округи мебелью, пили чай, спорили и готовились выступать на весенней студенческой конференции. Они сформулировали свои темы как можно нейтральнее, но говорить решили обо всем прямо. Тогда они не задумывались ни о каком риске, у них были только факты, и они были уверены, что их поддержат, может быть, пустят в архивы.

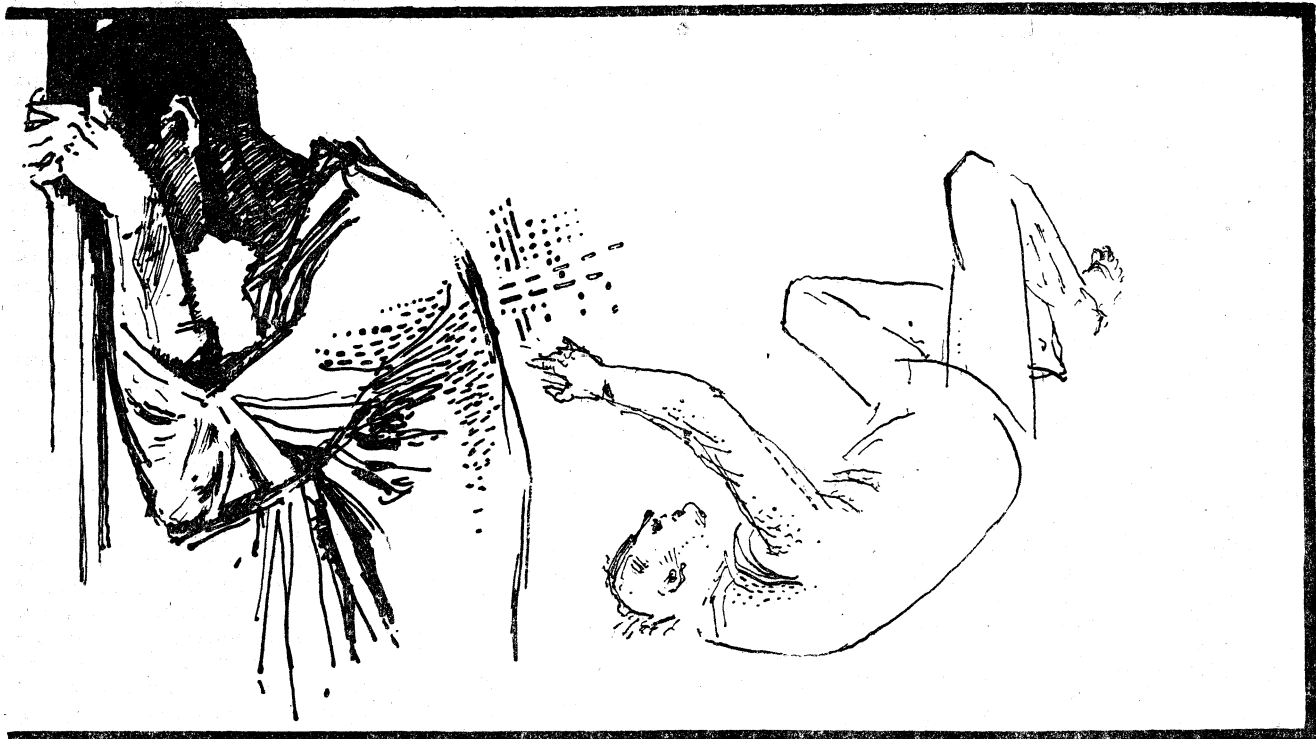
К тому времени в их компании осталось всего четверо. Двое ребят ушли, то ли почувствовав что-то недоброе, то ли стало тягостно этим заниматься. Потом ушел Крепыш. Крепыш был лучшим Сережкиным другом, и его уход Одинцов воспринял тяжело. «Мужики, это все туфта, — объявил Крепыш. — Надо делать настоящее дело, надо идти наверх, во власть. Что толку в ваших разговорах и копаниях? Что вы думаете, пока вы будете в дворничих о судьбах интеллигенции рассуждать, а в это время всякое дерьмо вами командовать, что-нибудь выйдет? Если мы возьмем власть на факультете в свои руки, мы таких дел наворочаем, мужики. Надо только немножко вначале уступить, прикинуться дурачками, а потом развернуться». Этот разговор происходил на улице, они кололи лед на Валеркином участке. «Во власть? — вскипел Одинцов, размахивая ломом. — Эта власть при тех людях, которые ее осуществляют, способна только развратить. Ты сохнешь там, Крепыш, тебя заставят делать гадости, и если только ты не примешь их нравов, тебя сожрут». — «Интеллигенты!

Чистенькими они хотят быть, невинными. Все вы так рассуждаете, в позу встали. А свято место пусто не бывает. Вот всякое дерьмо туда и лезет. И вина в этом ваша». — «Да, — отрубил Одинцов, — место порядочного человека сейчас здесь. И колоть лед достойнее». — «Ну и коли свой лед всю жизнь», — крикнул Крепыш, отщвыривая лом. Они втроем, Валерка, Чирьев и он, перестали работать и смотрели на Крепыша с Одинцовым. В этот момент Салтыков почувствовал, что он пойдет за тем, кто будет сильнее, что поделаться, он был только ведомым, только исполнителем и не знал, кто из них прав, Одинцов или Крепыш, но сильнее был Одинцов, продолжавший рубить лед, и они снова взялись за ломы с припаянными внизу топорами, а Крепыш накиннул куртку и ушел со двора. Вскоре они узнали, что Крепыш стал членом комитета комсомола. Крепыш пошел наверх и больше у них не появлялся.

На конференции они должны были выступать втроем. Чирьев отказался, сказал, что у него на большой аудитории сорвется голос. У Чирьева же хранилась основная часть их архива. Одинцов не брал архив, потому что жил в общежитии, Валерка потому, что дворничья — место ненадежное, проходной двор, а Салтыков и сам не знал, почему, но так уж повелось, что хранителем был Чирьев. К тому же было много черновой работы, переписывать, расшифровывать записи, всем этим Чирьев и занимался.

А потом случилась беда. За несколько дней до конференции к Одинцову нагрянул факультетский оперотряд, устроил обыск и забрал ту часть материалов, которая была у Одинцова в комнате. Самого его в тот же день вызвали прямо с семинара в партком и обвинили в диссидентстве и антисоветизме.

Они сидели вчетвером в дворничьей, и Одинцов рассказывал, что было на парткоме: «Партия раз и навсегда осудила культ личности, а всякие спекуляции вокруг этого вопроса играют лишь на руку западной пропаганде и мешают нашему продвижению вперед». Одинцов был сильно возбужден: «А вы знаете, говорю, сколько там погибло людей? Мы замолчали нашу беду, мы вообще молчим о всех наших бедах, а такие вещи так просто не проходят!» — «Ну, а тебе-то что? — спросил кто-то из них. — Тебе-то что сделали?» — «Ничего!» Проглотили молча все, что я сказал, и очень внятно объяснили, что с такими взглядами на идеологическом факультете мне делать нечего. Там в уголке Крепыш сидел. Его как комсомольского босса притянули. Ну, думаю, посмотрим, Леха, как ты теперь будешь отступать, дурачком прикидываться. А Крепыш встает и говорит: «Эти материалы я собирал вместе с ним... Одинцов продолжал что-то говорить и не замечал, что его никто не слышит. Кто следующий, думал Салтыков, кого следующего вызовут на партком? Сереге-то что, он уже отслужил, теперь волен идти куда хочет. Может быть, переждать, заболеть, на время затаиться, или все равно достанут? И идти или не идти на эту конференцию? О том, чтобы там после всего этого выступать, теперь не было и речи, это просто безумие. И как себя вести, если завтра вызовут в партком, что говорить? Что еще натрепали там Одинцов с Крепышом? Мне бы только армию проскочить, универ закончить. Валерка, Валерка, что с нами будет? Ты уткнулся носом в пол и потеешь, видно, какая у тебя мокрая в подмышках зеленая рубаха. Любишь ты,

Валерочка, щеголять в военном, в офицерском ватничке, в шинельке, любишь ты вообще, Валерочка, щеголять, из дому ушел, в дворники подался, решил стать мужчиной, самостоятельным. Но Валерке что? Валерка — лось. И Чирьеву что? Ему что университет, что овощебаза. А со мной-то что будет...

Салтыков раскачивался на табуретке в комнате, насквозь пропитанной дихлофосом, и не мог понять, то ли он вспоминает, то ли этот вечер и есть тот самый вечер в дворничкой. Кто следующий? Запах, жуткий запах, морят клопов, они забиваются в щели, а их продолжают морить, их выгоняют наружу, а там стоят розовощекие старички в высоких начищенных сапогах и ласково улыбаются: «Пожалуйста, сюда, молодой человек. Вы, кажется, нас искали?» Что это, что происходит? Люди, много грязных людей, голодных людей, солдаты без ремешков, глянце-вые сапоги, собаки, очереди, вышки и над всем этим страх...

— Что, вспомнил? — услышал он вдруг голос Чирьева.

Салтыков очнулся, поднял голову. В комнате было темно, душно. Салтыков попытался встать, но его тотчас же повело, и он сел обратно.

— Что со мной?

— Страх, — ответил Чирьев. — Ты пахнешь страхом. Я клею, а ты страхом.

Салтыков встал и, качаясь, пошел к двери.

— А ящик? — крикнул ему Чирьев вдогонку.

«Заперта, нас заперли, почему здесь закрыто? Дверь на себя, не открывается. Нас хотят отравить. Открой, открой, Чирьев! Поздно, мы уже арестованы. Чирьев, Чирьев!»

— Открой же ты ее наконец, — прохрипел Салтыков.

— На, выпей, — и Чирьев придвинул Салтыкову рюмку вина.

«Вино, почему вино? Оно же пахнет. Потом, что было потом? Хорошо, я напишу, я расскажу, но вы отпустите меня. Сессия, только бы сдать сессию, философию. Учить, день, ночь, учить, они не посмеют меня отчислить. Кажется, Крепыш не сдал, кажется, Чирьев не сдал. Неужели и я не сдам? Валерка ответил, поставили тройку, без стипендии, плевать. Значит, я тоже сдам. Валерка, как ты сдавал, что тебя спрашивали, что сказали? Главное, не горлопанить, Миша. Одинцов горлопан, Крепыш горлопан, мы не горлопаны, мы заблуждались... Была конференция, но мы там не выступали, мы уже тогда все поняли».

— Была конференция, — сказал Чирьев. — Я был уверен, что вы выступите.

«Мы не выступали, нет. Если мы бы выступали, мы бы не сдали летнюю сессию. Мы бы просто стали следующими...»

— Следующий был я, — сказал Чирьев.

«Правильно, следующий был ты. Стукачи всегда плохо кончают, их выкидывают, когда они больше не нужны. А мы нужны, Валерка и я, мы очень нужны. Мы не горлопаны, мы все понимаем. Партия осудила культ личности, и всякие спекуляции на эту тему выгодны только западной пропаганде. Я так и сказал, так и сказал, когда меня спросили на экзамене. Мне улыбнулись, меня простили, я заслужил, искупил свою вину. А ты нас выдал, ты нам не ровня, выдавать плохо, нечестно, так не делают», — всхлипывал Салтыков.

— Миня, я не мог вас выдать по одной-единственной причине, — сказал Чирьев снисходительно, — они уже и так все знали. Им надо было нас сломать. Они не могли исключить всех. Если бы вы выступили на конференции, ты и Валерка, сказали вслух, чем вы

занимаетесь и почему, то никто, слышишь, никто не посмел бы заткнуть вам глотку. Но они взяли вас страхом. Они напугали вас допьяна, досмерти, они пугали вас так, как пугали сорок лет назад. И чтобы закрепить в вас этот страх, им потребовался я. Меня вызвали вслед за Сережей: разговаривали со мной двое, Хомячок и коротко стриженная седовласая дама в синем в полоску пиджачке. Сначала Хомячок был очень возбужден и стал на меня кричать: «Как ты мог, Валя? Почему ты нам ничего не сказал? Ты знаешь, чего мне стоило взять тебя на факультет?» Похоже, это действительно его пугало. Я-то думал, Хомячок — шишка, а он так — тьфу, его и в аспирантуру-то взяли только для того, чтобы он организовал стукачество, не дал увянуть славной традиции. Потом он успокоился и стал в своей ласковой манере меня усыплять: «У тебя есть только один выход, дружочек. Возьми листочек бумажки и все-все нам напиши. Где вы собирались, с кем встречались, кто вас надумил... Ты же наш человек, Валя. Тебя просто по молодости втянули в это грязное дело».

«И ты все написал. Но они поверили не тебе, ты предатель, тебе нет веры, они поверили нам».

— Я дождался, пока он кончит, и задал ему единственный вопрос. Ты знаешь, за что рассределяли в тридцать девятом твоего деда? Эх, Минька, знали ли мы тогда, за какое дело беремся? Этим же все повязаны, может, мы так и помрем, не узнав всей правды. Хомячок посмотрел на даму, она еле заметно качнула головой, и я понял, что меня отпустили. Меня отпустили, слышишь? Но слишком поздно. Я не мог уйти просто так. Я должен был расплатиться за этот разговор в комитете комсомола, за свое согласие, за то, что два года каждую неделю я приходил в комитет комсомола и унижался, я должен был рассказать про комнату с клеем. Рассказать всем. Я подумал тогда, что люди, как бы ни были они разоблены и подкуплены, все же не могут совершать подлости явно, подлости совершаются тайно, за закрытыми дверями, с глазу на глаз. И если мы откроем эти двери, если все узнают, какими методами нас развращают, то, может быть, тогда мы ужаснемся и не позволим себе отступать, потому что сколько же можно отступать?

— Что же ты не сказал?

— Было бы слишком просто за две минуты отмыться, — усмехнулся Чирьев. — А впрочем, ты помнишь, как это происходило.

И Салтыков вспомнил. Вспомнил аудиторию с исцарапанными рядами кресел, зевоту, скуку, дрожь, надежду и потом вставшего Чирьева. Он шел, Чирьев, вниз к кафедре, чтобы что-то сказать. Но прежде чем он успел дойти, из-за стола в президиуме поднялся грузный человек с мясистым лицом и низким торжественным голосом молвил:

— А сейчас выступит комсомолец Чирьев, который помог всем нам разоблачить в наших рядах замаскировавшегося врага.

И в этот момент у Салтыкова что-то отпустило, обмякло, тот человек сказал «врага», а не «врагов», и он почувствовал любовь и благодарность к этому большому, доброму человеку, который их простил.

— И тогда, Миня, я посмотрел на ваши лица и понял, что говорить с вами бесполезно. Вы только еще больше испугаетесь и попрячетесь. А им только того и надо. Чтобы каждый из вас думал, видел и слышал лишь то, что ему указывают. Дальше мо-

жешь не вспоминать, дальше не интересно. Обыкновенная история. Вы закончили университет, нашли себе местечко у кормушки. А теперь ты вздумал переоборудовать в кормушку вот этот ящик. Потому как время пришло. Миня, Миня, как же нас всех поломали! Одинцов теперь знаешь что? Уехал в свою Сибирь, работает егерем и в ус не дует. Я ему говорил, опомнись, Серега, надо что-то делать, теперь легче. А он только махнул рукой: «И сегодня, Чирьев, сделать что-либо невозможно».

Какое-то время они сидели молча, потом Салтыков спросил лениво и даже как-то с тоской:

— А Крепыш?

— Крепыш бьется, — хмуро ответил Чирьев. — И дай ему бог выстоять, может, у него чего и получится.

Чирьев встал, взял ящик и понес его обратно в тумбу.

— Так что зря ты ко мне, Миня, пришел. Не дам я тебе этот ящик. Зачем тебе репрессии? Сегодня выигрышная тема, а завтра вдруг опять проигрышной станет? — Чирьев опрокинул рюмку и на глазах у Салтыкова стал обмякать, но еще продолжал говорить, только теперь его голос стал зловещим. — А ты не боишься, Миня, что все, что сейчас происходит, это только провокация, чтобы обнаружить таких вот, как ты, горлопанов, а завтра устроят гигантскую Варфоломеевскую ночь? Хомячок вон уже замдеканом ходит. А сколько их таких, хомячков, по стране? Может, и ты, Миня, хомячок? Ты, может, пришел ко мне, чтобы сжечь этот ящик? Горят, горят, — закричал Чирьев безумно, — вижу, горят архивы, вы торопитесь, вы скрываете следы, я дрянь, я дерьмо, я согласился стукачом быть, но я сберег свой архив, себе...

Чирьев надорвался и стал успокаиваться, его лицо разгладилось, он закрыл глаза и медленно осел на пол.

Салтыков с ужасом смотрел на него. Потом осторожно переступил через Чирьева и открыл тумбу. В тумбе стоял десяток флаконов с дихлофосом, на них лежал ящик. Салтыков взял его и пошел к двери. «Юродивый, токсикоман, а меня — попрекать, — лихорадочно шептал Салтыков, — время такое, должны же мы были как-то уцелеть. Главное, гадостей было не делать. Гадостей мы не делали, понял?» О черт, у него же дверь закрыта! Салтыков кинулся к Чирьеву и стал торопливо шарить по его карманам, но ключей нигде не было.

— Да очнись же ты, — тряс он Чирьева, но голова Чирьева, как неживая, болталась по ковру.

Еще несколько минут Салтыков тыкался во все ящики и углы, но ключей не находил. Он чувствовал, как и у него начинает кружить и мутить голову, и кинулся к окну. И растворил его. Его окатило воздухом, и на воздухе сразу же заломило голову. Он стоял у окна с ящиком под мышкой и туго сооружал, что до тех пор, пока Чирьев не очнется, из квартиры ему не выйти. Не отпуская ящика, Салтыков подволок Чирьева к окну. Так вдвоем они высунулись наружу: Чирьев и Салтыков с ящиком в руках. Потом Чирьев стал ворочаться, чуть не вывалился из окна, и, удерживая его, Салтыков выронил ящик. Уже в воздухе ящик рассыпался, из него повалили карточки. Плевать, подумал Салтыков, кто-нибудь подберет. Он закрыл глаза и лег на ковер рядом с Чирьевым.

ТЕРРОРИСТ

Роберт ФИШ

Рис. Николая Мооса

Летний день клонился к вечеру. Над невысокими Теннесскими горами, юго-восточными отрогами Аппалачей, стремительно двигался реактивный лайнер Боинг-727. Он летел из Нью-Йоркского аэропорта Кеннеди и, согласно расписанию, направлялся в Новый Орлеан. Автопилот поддерживал курс на юго-юго-запад и высоту 28 тысяч футов над уровнем океана.

Радист протиснулся из салона через узкую дверь в пилотскую кабину, подтянул джинсы и успокоительно кивнул капитану. Затем плотно устроился на своем месте, надвинул наушники и потянулся к ручкам настройки.

Капитан внимательно всмотрелся в его невозмутимое лицо, поправил свой микрофон, включил мелодичную магнитофонную музыку, транслировавшуюся в пассажирский салон, и включил бортовую сеть динамиков:

— Леди и джентльмены! С вами говорит командир корабля пилот Литтлджон. Впереди слева по движению вы можете видеть красивое озеро, образованное разливом реки Теннесси. Немного дальше — плотина, отделяющая его от других озер, объединенных ТВА-проектом*, в числе которых и озеро Чаттануга. А в бинокль можно увидеть на западе великие Аппалачи.

Он щелкнул переключателем и отодвинул от себя микрофон. В наушники пассажиров снова полилась негромкая музыка. Почти в то же мгновение на панели загорелась лампочка вызова по внутреннему переговорному устройству. Капитан потянулся вперед и нажал кнопку включения:

— Да?

— Капитан, это Клариса. У нас случилось происшествие...

— Происшествие?

— Да. Пассажир заперся в туалете вместе с Милли.— Голос стюардессы заторопился, очевидно, она хотела, чтобы ее правильно поняли.— Это не обычный флирт, капитан. Это хайджекинг, угроза захватить самолет.

Радист вздрогнул. Переговорное устройство придавало эмоциональной речи стюардессы металлический оттенок. Второй пилот вскочил было на ноги, но повелительный жест капитана заставил его опуститься на место.

— Где находятся воздушные маршалы**? — спросил капитан.

— Один из них сидит рядом со мной...

— Прежде чем подключить его к связи,—

перебил капитан,— скажи, как ведут себя пассажиры.

— Они еще ничего не знают, сэр.

— Отлично. Они и не должны знать. А теперь передай микрофон маршалу.

Пауза. Затем зазвучал низкий мужской голос:

— Хэлло, капитан. То, что случилось, очень просто. Мужчина прошел к туалету. Никто, конечно, не обратил на него внимания. А оказавшись в хвосте, он показал Милли пистолет и силой затащил ее в туалет. Теперь он держит ее между собой и дверью. Клариса говорит с ней через дверь. Милли утверждает, что у него есть пистолет, нож и еще какая-то бутылка с желтой маслянистой жидкостью; он говорит, что это нитро.— Мужчина закашлялся, прочищая горло.— Что нам делать?

— Ничего,— мгновенно отреагировал капитан.— Вернитесь на свое место. Пусть он говорит через Милли, раз уж он держит ее в качестве щита. Поручите переговоры Кларисе. Я запрошу инструкции у Нового Орлеана.

Лицо капитана стало серьезным, когда он вновь заговорил со стюардессой.

— Клариса?

— Да, сэр?

— Включи над туалетом сигнал «неисправен» и опусти шторы. С Милли пока все в порядке?

— Да, сэр... Минутку, она что-то говорит.— Клариса умолкла, потом заговорила вновь.— Хэлло, капитан. Милли сообщает, что он требует направить самолет в Джексонвилль. Для дозаправки.

— Куда он хочет лететь? У нас хватит горючего хоть до Кубы!

— Да, сэр, но она пока ничего больше не сообщает.

— Кто он такой?— спросил капитан.— Что указано в маршрутном листе?

— Он значится как Чарльз Вагнер из Хартфорда, Коннектикут. Место 16д, у прохода. Когда мы только вылетали из аэропорта Кеннеди, я подавала ему лэнч.

— Как он выглядит?— продолжал спрашивать капитан. В голосе стюардессы почувствовалось колебание:

— Ну... как... обычный пассажир вроде. Лет тридцати с небольшим. Волосы длинные, но уже редеют.

— Много ли он выпил?***

Роберт Л. Фиш родился в 1912 году в США. Инженер-химик по пластмассам. Работал также в Аргентине, Бразилии, Англии, Венесуэле, Мексике, Колумбии, Корее, на Тайване.

С 1962 года полностью перешел на литературную деятельность. Автор многочисленных детективных романов и рассказов (в том числе под псевдонимом Роберт Л. Пайк или Лоуренс Робертс).

Президент ассоциации писателей детективного жанра США (1978).

Живет в Трамбалле (штат Коннектикут, США).

* В соответствии с решением конгресса США в период депрессии 1930 годов был разработан и осуществлен ТВА-проект — комплекс мероприятий с целью поддержания судоходства на реке Теннесси, регулирования стока и расхода воды для промышленных целей и целей орошения.

** Специальная охрана, сопровождающая самолет в целях предотвращения угона.

*** В самолетах авиакомпаний США выпивка и закуска предоставляются пассажирам бесплатно, их стоимость включается в стоимость билета.

— Нет, сэр, только пиво,— ответила Клариса.— И я уверена, что он совершенно трезв. Что нам делать?

— Ничего. Постарайтесь найти себе какое-нибудь занятие в хвосте. На случай, если пассажиры заинтересуются, почему ты там крутишься. А теперь включи сигнал неисправности и задерни...

— С вами хочет говорить Новый Орлеан, сэр,— перебил радист.

— Говорит Литтлджон,— сказал капитан в микрофон.— У нас на борту террорист.

— Чего он хочет?

— Он захватил одну из наших стюардесс и заперся с ней в туалете. Вооружен. Грозит нитроглицерином. Пока что требует направиться в Джексонвилль. Говорит, как бы для дозаправки.

— Не выключайтесь,— ответил голос.— Я доложу руководству и свяжусь с вами.

Лицо капитана застыло, словно маска. Он глядел перед собой невидящим взглядом. Штурвал не шевелился. Ожидание было заполнено кажущимся спокойствием. Затем в тишину ворвался другой радиоголос. В нем чувствовались начальственные нотки:

— Капитан Литтлджон? Это служба безопасности Нового Орлеана. Вы можете изменить курс на Джексонвилль.

Второй пилот уже отыскивал в своей сумке карту с нужным маршрутом. Одна рука капитана Литтлджона легла на штурвал, другая отключила автопилот. Однако он счел еще необходимым сделать объявление:

— Леди и джентльмены!— услышали в салоне.— Чтобы дать возможность пассажирам правого борта полюбоваться в этот поздний час красотой озера Чаттануга...

Самолет описал широкую дугу и лег курсом на юго-восток, навстречу надвигающейся темноте. В наушниках вновь послышался голос офицера безопасности:

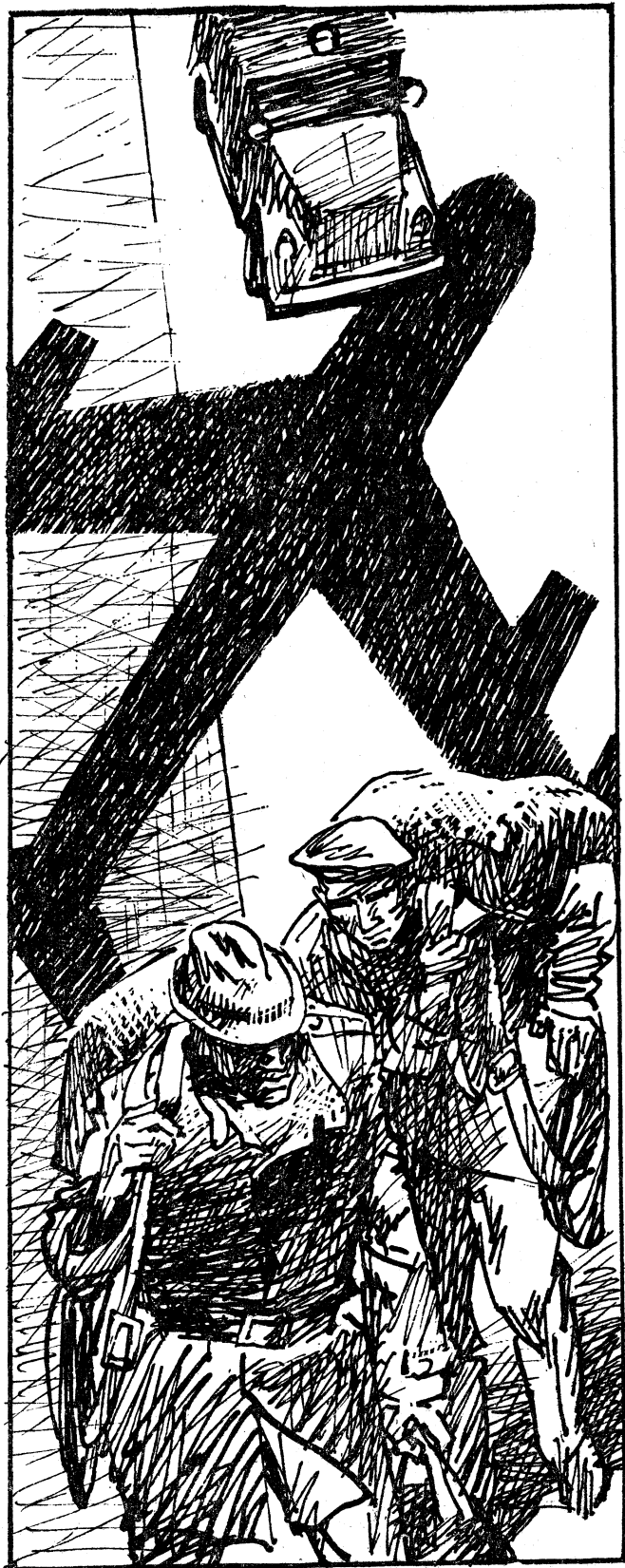
— Отлично сработано, капитан. Позднее пассажирам все же придется сообщить об изменении курса. А вы свяжитесь с нашей службой в Джексонвилле, они уже знают. Мы тоже будем слушать вас.

— Роджер*,— ответил капитан и наклонился ко второму пилоту, который уже прокладывал на своей карте маршрут. Поверхность земли постепенно темнела, хотя в иллюминаторы самолета еще проникали солнечные лучи. В наушниках снова послышался голос Кларисы:

— Капитан?

— Да, Клариса?— Литтлджон выпрямился в своем кресле.

— Он хочет денег,— сообщила стюардесса.— Хочет получить выкуп за самолет и за пассажи-

* Жаргонное слово, подтверждающее получение сообщения, вроде русского «вас понял» или «ясно».

ров. Хочет, чтобы деньги были приготовлены к тому времени, когда мы приземлимся. А не то он грозит расправиться с Милли. Если же и это не поможет, он взорвет самолет.

— Сколько же он хочет?

— Четверть...— Клариса сглотнула слюну.— Четверть миллиона.

На лице капитана не дрогнул ни один мускул. Он снова переключился на дальнюю связь.

— Хэлло, Новый Орлеан? Говорит капитан Литтлджон.

— Это Джекс,— ответило радио другим голосом.— Мы слышим.

— Парень требует четверть миллиона долларов.

— Слышим. Кто он такой?

— Он значится как Чарльз Вагнер из Хартфорда, Коннектикут.

— Чего он еще хочет?

— Минутку.— Литтлджон нажал кнопку внутреннего переговорного устройства.— Клариса, хочет он чего-нибудь еще?

— Да, сэр, он требует чертову уйму вещей. Я полагаю, он имел достаточно времени, чтобы обдумать это. Я все записала.— Послышалось шелестение бумаги. Вдруг голос стюардессы изменился:— Мне очень жаль, сэр, но этот туалет не в порядке. Нет, второй функционирует нормально. Да, сэр...— Затем ее голос понизился:— Это пассажир. Надпись включена, но некоторые не замечают...

— Ладно,— перебил капитан.— Продолжай.

— Да, сэр. Итак, вот что он хочет. Деньги в обычной дорожной сумке, перевязанными в пачки по десять тысяч. Купюры по пятьдесят или сто долларов, не крупнее. Он требует также, чтобы мы приземлились в конце 725-й полосы, подальше от аэровокзала.

— Подожди,— сказал Литтлджон стюардессе.— Хэлло, служба Джекс, вы все это слышали?

— Да,— ответил голос.— Продолжайте.

— Продолжай, Клариса,— повторил Литтлджон.

— Да, сэр. Он говорит, что пассажиры смогут выйти, но требует, чтобы никто не входил в самолет. Тогда он выйдет из туалета. И он хочет два парашюта.

— Сразу два? — переспросил капитан.

— Два,— повторила стюардесса.— Он сказал: один спортивный, другой обычный, армейский.

Пилоты услышали, как офицер безопасности в Джексонвилле давал кому-то указание:

— Запросите парашютную ассоциацию США, известен ли им некий Чарльз Вагнер. Только побыстрее.— Затем тот же голос стал громче:— Что еще, капитан?

— Клариса?

— Это все, капитан. То есть пока все. Он говорит, что дальнейшие указания даст после приземления.

Капитан отключил переговорное устройство.

— Хэлло! Джекс! Нельзя ли нам очистить место на 725-й полосе? Независимо от направления ветра.

— Роджер,— ответил голос.

— А как насчет денег?

— Деньги будут,— заговорил голос.— Не знаю, долго ли он будет обладать этими деньгами,— усмехнулся собеседник,— но он их получит. Так же, как и парашюты.

— Хорошо,— сказал Литтлджон.— Мне страшно даже подумать, что он может убить нашу Милли. Не говоря уже о самолете вместе с пассажирами и экипажем.

Ответа не было. Литтлджон отключил радио и сосредоточил внимание на управлении самолетом. Некоторое время пилоты и радист молчали. На их лицах застыло выражение напряженного ожидания. Мощные двигатели мерно рокотали. Далеко позади самолета солнце коснулось горизонта. Земля давно уже погрузилась в темноту. Наконец в наушниках зазвучал голос диспетчера Джексонвилльского аэропорта, указавший коридор для посадки. Самолет стал снижаться. Капитан передал управление второму пилоту и приступил к объяснению с пассажирами:

— Леди и джентльмены! — раздался в наушниках его спокойный голос.— С вами снова говорит капитан корабля. По условиям погоды нам приходится совершить посадку в аэропорту Джексонвилля, Флорида. После приземления представитель компании объяснит вам задержку и организует дальнейшую транспортировку. Мы сожалеем о случившемся. А теперь, когда наш самолет начал снижаться, поднимите, пожалуйста, спинки ваших кресел и пристегните ваши ремни. Следите за световыми табло. Благодарю вас за внимание.

Последний озирающийся пассажир, удивленный настойчивыми требованиями сесть в автобус, чтобы следовать к видневшемуся вдали зданию аэровокзала, вовсе не думал, что он и его спутники вскоре станут героями дня как очевидцы или даже участники несостоявшегося угона самолета.

Топливозаправщики уже завершали перекачку горючего, когда из небольшого закрытого автомобиля, остановившегося возле самолета, вышли двое. Один из них нес спортивный парашют и дорожную сумку, другой с трудом тащил огромный армейский парашют. По внешнему виду они походили на агентов ФБР. Впрочем, они и в самом деле были ими. Они поднялись по алюминиевому трапу, не входя в самолет, втокнули свой груз в салон, бросили беглые взгляды на дверь в туалет и, кивнув на прощание Кларисе, ушли. Из окна пилотской кабины Литтлджон

видел, как они снова уселись в машину и укатили. Тогда он включил переговорное устройство.

— Клариса?

— Да, капитан?

— Куда мы теперь должны лететь?

— Минутку.

Заправочные шланги медленно исчезали в чревах автоцистерн, словно некие монстры пожирали огромные спагетти. Из переговорного устройства снова послышался голос Кларисы.

— Капитан, он говорит, чтобы мы летели в направлении Майами*. Он требует держать минимальную скорость, не более двухсот миль в час, и лететь на высоте не более двух тысяч футов. И кроме того, чтобы задняя дверь была незаперта...

В разговор вмешался представитель службы безопасности:

— Капитан, разве из самолета можно выпрыгнуть?

— Из этого можно, — ответил капитан, отключив внутреннюю связь. — Очевидно, парень выбрал 727-й именно поэтому. Из 707-го или из 747-го не выпрыгнешь. Вероятно, он кое-что знает о «Боингах» или изучал специально.

— За четверть миллиона каждый согласится изучить такую проблему, — иронически заметил офицер безопасности. — Я себе представляю, что за эти деньги можно даже совершить первый в своей жизни прыжок с парашютом. Кстати, в ассоциации не оказалось сведений о парашютисте Чарльзе Вагнере.

— Если только это настоящее его имя, — заметил Литтлджон.

— Да, конечно, — согласился офицер. — А есть ли опасность разгерметизации самолета, когда откроется задняя дверь?

— Нет, на двух тысячах футов опасности нет. И потом, если мы даже запрем дверь, он может выпрыгнуть через любой аварийный люк. — Голос капитана подрагивал, выдавая волнение. — Итак, что мы будем делать?

Земля ответила незнакомым голосом:

— Капитан, с вами говорит майор Уиллоуби из воздушных сил. У вас есть предложения?

— Ну... я думаю... — неуверенно начал капитан, — что мы могли бы двигаться над океаном. Там он не выпрыгнет. Это даст вам время на подготовку. Он, конечно, не станет прыгать в воду и потребует вернуться на материк. А вы тем временем поднимете несколько самолетов, чтобы обнаружить его в момент прыжка.

Вмешался радист, участник войны во Вьетнаме:

— Если он применит затяжной прыжок хотя бы на пятьсот футов, вы не увидите его ночью.

— Но попробовать все же можно, — предложил Литтлджон. — За неимением лучшего.

— Принято, — согласился майор Уиллоуби. — Разрешаю вам следовать над водой столько времени, сколько сможете. Постарайтесь лететь над океаном хотя бы до Дейтона-Бич, тогда мы успеем поднять другие самолеты*. О'кей?

— О'кей, — ответил Литтлджон. В этот момент загорелся сигнал вызова по внутренней связи.

— Капитан, — раздался взволнованный голос Кларисы, — он нервничает.

— Скажи ему, что мы уже вылетаем, — ответил капитан и запустил двигатели. Огромный самолет вздрогнул, сдвинулся с места и, набирая скорость, покатился вдоль взлетной полосы. Потом оторвался от бетона и стал круто подниматься вверх. Огни города как бы покатались вбок, поворачиваясь вместе с разворотом самолета. Литтлджон повел корабль над водой в миле от берега. Уиллоуби следил за ним с помощью радара и продолжал поддерживать радиосвязь.

— Что делает ваш парень? — спросил майор.

— Бог его знает, — ответил Литтлджон. Он пожал плечами, и это можно было понять по интонации. — Не сомневаюсь, что скоро он выйдет из туалета и увидит, что мы летим над водой. Затем... ну, в общем, увидим. Не отключайтесь.

— Капитан? — послышался голос стюардессы.

— Да, Клариса?

— Он как будто хочет выйти.

Литтлджон заговорил торопливо, не дожидаясь развития событий:

— Клариса, шнур твоего телефона должен дотянуться до ближайшего кресла. Я хочу, чтобы ты и Милли, как только она выйдет, пристегнулись в креслах. Этот псих может выпрыгнуть или вылететь, как ему угодно, но я не желаю, чтобы вы рисковали возле раскрытой двери. Ты слышишь?

— Да, сэр, минутку. — Затем, после паузы, тембр ее голоса слегка изменился. — Вот, я пристегнулась, капитан. Они выходят.

— Как Милли?

— Бледна, как привидение.

— Неудивительно. Пусть Милли тоже сядет и пристегнется.

Мужчины в пилотской кабине напряженно вслушивались в звуки, доносившиеся из динамика внутренней связи.

— Капитан, он смотрит на воду. Говорит, если вы немедленно не отвернете к суше, он убьет нас обоих. Капитан, я боюсь!

— Поворачивайте! — скомандовал майор Уиллоуби. — Олл райт, теперь мы уже у вас на хвосте.

Литтлджон положил самолет в вираж. Под ними промелькнули огни Сент-Огастина**.

* От Джексонвилля до Дейтона-Бич полтораста километров.

** Сент-Огастин — курортный город на восточном побережье Флориды, между Джексонвиллем и Дейтон-Бич.

* Майами — крупнейший фешенебельный курорт на южном побережье Флориды.

— Капитан,— сообщила Клариса,— он говорит...

— Подожди,— перебил капитан.— Дай мне поговорить с ним.

— Минутку.— Наступила пауза. Потом снова послышался голос Кларисы.— Капитан, он не желает говорить в микрофон. И требует лететь к Окале, а затем повернуть на юг, на Нейплс, с той же скоростью и на той же высоте. Он говорит, что вы можете выйти из кабины, когда будете пролетать над Нейплсом; к этому времени его уже не будет в самолете.

— Делайте, как он говорит, капитан,— снова вмешался майор Уиллоуби.— Не рискуйте. Наши самолеты следуют за вами. И мы предупредили полицию всех населенных пунктов. Он не уйдет далеко.

— Не забывайте, что в Центральной Флориде много густых лесов,— напомнил Литтлджон.— Хотя я, конечно, подчиняюсь. Но в таком случае, почему бы нам не предоставить коридор от Нейплса до Майами? И может быть, вы зарезервируете нам места в каком-нибудь отеле на эту ночь?

— Будет сделано,— согласился майор.

— Капитан,— раздался нервный голос Кларисы,— он требует, чтобы мы ушли, чтобы мы не видели, как он прыгнет...

Литтлджон вздохнул.

— Олл райт. Но держитесь крепче, я дам крен на другой борт, чтобы держать вас подальше от проклятой двери. Шагайте.

Мужчины застыли в напряженном ожидании. Наконец стюардессы проскользнули в пилотскую кабину и заперли за собой дверь. Милли была бледна, как полотно. Клариса поддерживала ее. Литтлджон вопросительно посмотрел на женщин.

— Она просто перепугалась,— успокоила его Клариса.— Сейчас пройдет.

Литтлджон стиснул зубы и посмотрел вниз.

— Приближается Нейплс,— сообщил второй через несколько минут.

— Не хочешь ли пройтись посмотреть?— обратился к нему капитан.— Только осторожно.

— Ладно.— Он протиснулся между стюардессами и вышел в пустой салон. Держась за кресла, прошел до конца самолета, подошел к болтающейся наружной двери, клацающей при каждом соприкосновении с бортом, закрыл ее и вернулся в кабину.

— Мы его так и не видели,— сообщил по радио Уиллоуби.

— Не беспокойтесь, его найдут,— отозвался голос офицера безопасности.— Мы подняли на ноги полицию всего штата.— Он помолчал, потом заговорил другим тоном.— О'кей, капитан. Для вас открыт путь в Майами. Доброй ночи.

— Благодарю,— сухо ответил Литтлджон и выключил микрофон.— Ладно, ребята,— обратился он к экипажу и положил руки на штурвал.—

У нас сегодня был трудный день. Но еще немного, и мы сможем отдохнуть в отеле.— Повинуясь воле капитана, самолет стал резко набирать скорость.

Когда самолет набрал высоту и скорость, Литтлджон передал управление автопилоту. Кивнул радисту, и тот тщательно отключил всю радиосвязь. Затем капитан лично принес из салона небольшую дорожную сумку и стал доставать аккуратно перевязанные пачки пятидесятидолларовых банкнот.

— Пятьдесят тысяч долларов каждому,— удовлетворенно заметил он, разложив деньги на пять аккуратных пачек.— Не так уж мало за несколько неприятных часов. Особенно если учесть, что эти деньги не облагаются налогами,— ухмыльнулся он.

— Мне следовало бы выделить побольше,— угрюмо проворчала Милли.— Пять чертовски длинных часов просидеть взаперти в тесном туалете рядом с трупом...

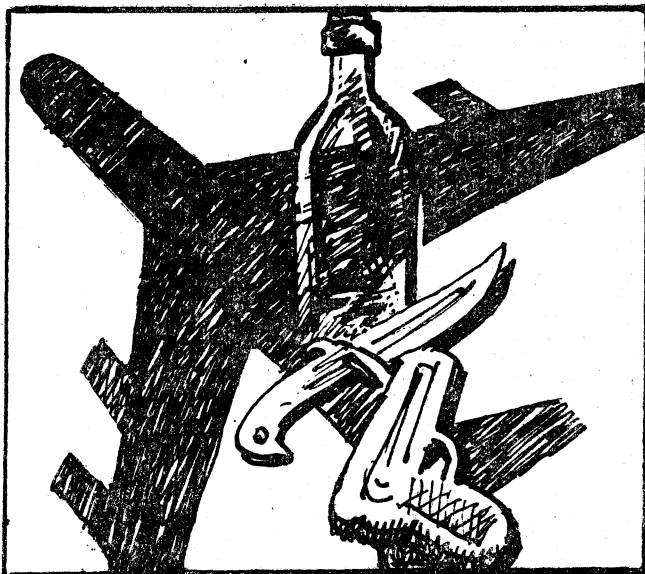
— Тебе — побольше? — удивилась Клариса.— А что тогда говорить мне, которой пришлось вытолкнуть его из этой проклятой двери? Даже будучи обвязанной веревкой, я до смерти боялась, что вылечу вместе с ним из самолета...

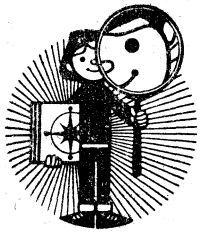
— А мне? Ведь именно мне пришлось убить беднягу,— отозвался радист, участник вьетнамской войны.

Второй пилот словно не слышал этих разговоров. Он спокойно укладывал деньги, пачку за пачкой, в свой атташе-кейс.

— Чарльз Вагнер из Хартфорда, Коннектикут,— проговорил он как бы про себя.— Угораздило же его полететь на нашем самолете в недобрый час! Интересно бы узнать: а чем он занимался при жизни?

Перевод А. Яковлева

МИР

на Лагони

Алмазы на Аляске

Да, найдены, но вот где именно? Пока что это держится в секрете. Образцы кристаллов, исследованные геологами, были признаны непригодными для получения ювелирных изделий.

Месторождение обнаружено случайно при промывке золота. Опасаясь вспышки алмазной лихорадки, первооткрыватель — житель Анкориджа Джим Риген отказался сообщить место находки, сказав лишь, что это произошло в одном из районов около Полярного круга.

Возможно, и раньше мелкие алмазы попадали в лотки золотоискателей, но на них просто не обращали внимания, ведь самый крупный из найденных пока кристаллов (три четверти карата) в пять раз легче обычных крупинок золота, остающихся в промывочных ящиках старателей.

Большинство геологов считало, что на Аляске алмазы отсутствуют. А сегодня, хотя и найдены лишь отдельные кристаллы, появилась надежда на открытие настоящего месторождения.

Е. СОЛДАТКИН

Поселок Курейка или, как чаще его называют в этих краях, «станок Курейка», расположено как раз там, где могучий Енисей пересекает Полярный круг. Казалось бы, что здесь самое место какому-нибудь рыболовецкому колхозу. Но основное занятие здешних жителей отнюдь не рыболовство. Каждое лето курейчане получают обменные урожаи картофеля, капусты, других овощей. Не случайно именно здесь находится опорный пункт научно-исследовательского института сельского хозяйства Крайнего Севера СО АН СССР.

Здесь вывели сорт картофеля «Енисей», который вызревает даже севернее Курейки — в Игарке. Но у него есть недостаток — несколько водянист.

Ученые решили создать на базе «Енисея» новый сорт. Но когда его представили на государственные испытания, выяснилось, что он практически не имеет иммунитета против многих

опасных заболеваний картофеля.

Ученые, однако, заинтересовались — почему он ничем не болел в Курейке? И тут выяснилось самое интересное. Микроклимат этого северного поселка обладает уникальными свойствами — вирусные, да и многие другие заболевания картофеля здесь практически не передаются от клубня к клубню. Здесь возник естественный природный изолятор. Подобные условия удается создать лишь в специальных помещениях, эксплуатация которых обходится в копеечку. В них обновляются коллекционные запасы картофельных клонов. В Курейке же подобную коллекцию можно выращивать под открытым небом, а представлены в ней могут быть практически все раннеспелые сорта нашей планеты.

В. КУХАРЕНКО

Лебединая трасса

Ивдель — самый северный город Свердловской области, ее урбанистский форпост на пути к берегам и островам Ледовитого океана. Расположен в глубокой живописной долине. На окраине живет-здравствует чудесная кедровая роща, шумят в городской черте перекаты и пороги стремительной реки Ивдель.

Кроме собственно города, ивдельская сельитба состоит из ряда микрорайонов-поселков, разбросанных вдоль рек и полотна железнодорожной линии Серов — Приобье. Один из таких спутников — городок гидролизного завода, построенного около тридцати лет назад. На его окраине есть старый, заброшенный карьер, который теперь заполнен водой.

Если многие водоплавающие не гнушались им, то лебеди до сей поры не жаловали антропогенный водоем. Но вот в 1986 году здесь появилась пара кликунов, на следующий год — еще одна. Это были, так сказать, птичьи квартирьеры. Очевидно, они по достоинству оценили удобства нового пристанища. И в минувшем году карьер стал настоящим лебединым гидропортом в период массового перелета на Крайний Север.

Весенне-летнюю навигацию открыла стая из 26 белоснежных птиц. Отдохнув на воде карьера, они полетели дальше, а двое остались. Затем к ним присоединились еще шесть кликунов, а чуть позднее произвели посадку около двух десятков лебедей. Первого же июня прилетели две стаи, в которых насчитывалось 70—80 птиц-красавцев. Они плавали «гуськом» и танцевали, вызывая искреннее восхищение жителей поселка гидролизников, а главное — спокойно спали, ничуть не боясь присутствия людей. Лебеди пробыли здесь до десяти часов вечера, затем, громко перекличаясь, дружно взмыли в воздух и взяли курс на север...

Д. АРТЕМЬЕВ

И посуда слышит

Друзья Питера Левина в глубине души считают его сумасбродом, хотя этому профессору паталогии и археологу-любителю из канадского города Торонто отнюдь не откажешь в логике. Левин полагает, что посуду древних можно рассматривать как естественную грампластинку, на которой записаны обрывки разговоров или даже музыка древних египтян или римлян. Их можно воспроизвести, используя новую оптическую технику, наподобие той, что применяется в компакт-дисках. Мы могли бы услышать гончаров, обсуждающих разливы древнего Нила или последние любовные истории Клеопатры.

При вращении глиняных горшков на гончарном круге или гравировке стеклянной посуды звуковые колебания от человеческой речи вызывали едва уловимые вибрации горшка или режущего инструмента. Это оставляло соответствующий отпечаток на дне бороздки — естественную звуковую запись.

Сейчас Левин разрабатывает «проигрывающее устройство» для древних записей. Информацию, запечатленную на древней посуде, будет считывать луч лазера. Проявления нерегулярностей в луче, отраженном обратно на фотодетектор, будут затем с помощью компьютера, отсеивающего посторонние шумы, вновь переводиться в звуки.

И. ПОДОЛЯНЮК

Изолятор для картофеля

СОБЕРЕМЯСЯ, КУЗНЕЦЫ!

Александр ЛЫСАКОВ

У нас в Свердловске есть достопримечательное место — дендрологический парк-выставка: здесь произрастает почти все, что может вырасти на уральской земле. Когда-то на этом месте было городское торжище, от него и следа не осталось, но чудом убереглась от разрушения часовня. Стояла она тут, среди зелени, как неприкаянная, была горьким укором. Но вот ее привели в божеский вид, водрузили над куполом огромный кованый крест.

Мы делали с Володей Виткиным, моим напарником, этот крест. Вынужден похвастаться — удался он нам. Вышел крест красивым, видным на фоне неба, воздушным и легким, как бы кружевным, хотя весит он за три пуда...

А вот ныне летом в стенах часовни явится миру другая свердловская достопримечательность — музей кузнечного мастерства.

Часовня невелика, но пока для музея кузнечного дела и такой обойдемся. А там — видно будет: может, нам выделят и какой особняк побольше в мемориальном квартале?

Неподалеку от дендрария, в двух шагах, создается в Свердловске свой тихий пешеходный «Арбат». Это — нетронутый создателями и сохранившийся от екатеринбургских времен квартал улицы 8 Марта — от Малышева до Радищева. Здесь уже убрали трамвайные рельсы, восстановили немало особняков, магазинов. Закроют, будем надеяться, и автомобильное движение, отремонтируют оставшиеся здания, лабазы, лавки, которые стоят тут и сто, и двести, и двести пятьдесят лет...

В мемориальном же квартале, на задах хваленого на всю страну особняка Свердловского шахматного клуба, находится и наш дом — старинное двухэтажное здание редакции журнала «Уральский следопыт». Само здание не очень уж из себя, так, людская при шахматном дворце. А вот за аркой, что посеред дома, раскинулся объект нашей гордости — запущенный сад, окруженный со всех сторон кирпичными стенами. В нем кое-что тоже растет, и нами уже посаженные березки окрепли. В саду же хранятся крупные и тяжелые, железные и чугунные экспонаты нашего редакционного музея. Литье, гнутье, каминные решетки, разнообразные изделия кузнецов и жестянщиков... Одних только печных дверок разных уральских заводов под аркой свалено более пяти десятков штук...

В следопытском саду создаем мы и нашу музейную, или учебную назовем ее, кузницу. Она будет настоящей, действующей. Накваляни, тисы, полный набор разных необходимых инструментов, горн с огнем... Любкой наш читатель, кто придет в редакцию в гости, сможет нагреть до красна кусок железа и ударить по нему молотком — посмотреть, как податлив металл, можно из него сделать что душа захочет, — только научиться надо кузнечному ремеслу.

...Тоска по былому, утраченному, вычеркнутому из па-

мяти все более и более становится нестерпимой. Прогресс, урбанизация, скорости — это очень хорошо. Но душа и сердце наши жаждут общения не только с компьютерами, а и с природой. Вот почему так модны стали и в наши дни ручные изделия ремесленников, вот почему рубленый с резными наличниками дом нам дороже «светлой и просторной» девятиэтажки.

Возрождается помаленьку и старинное кузнечное ремесло.

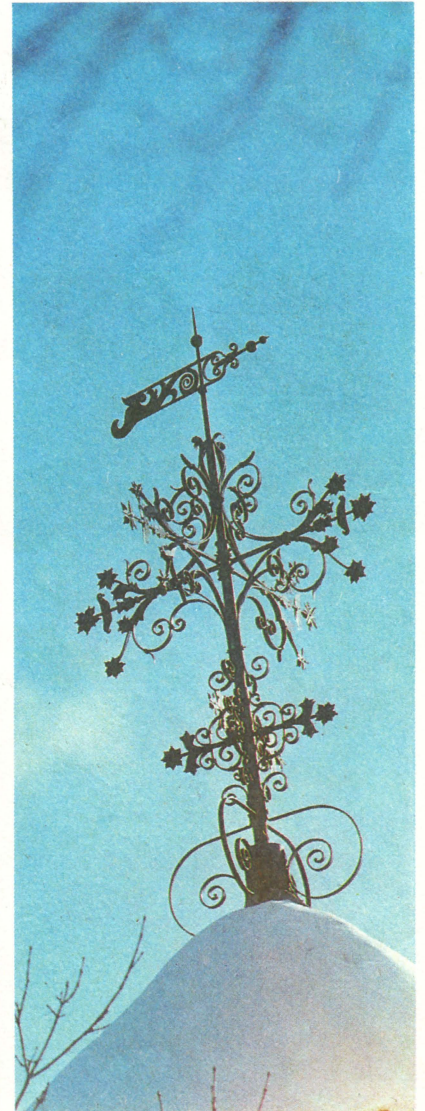
Прекрасно помню я нашу деревенскую кузницу. Она у нас стояла на краю деревни, возле дороги под тремя раскидистыми тополями. Потому так и называлась — кузница у трех тополей. Помню ее, бревенчатую, темную от копоти, всегда с открытыми настежь дверями. Помню двух немногословных кузнецов, работающих у огня ловко да споро. Мы, мальчишки, могли часами торчать в нашей кузнице у трех тополей.

Кузница была центром бытия всякой деревни, вся жизнь людская крутилась-вертелась тогда вокруг нее, кузницы. Ведь в ней делалось все, или почти все, в чем нуждался человек. Кузница да конюховка, кстати, были в недавние времена и идеологическими, если сказать по-современному, центрами-клубами, красными уголками, что ли. Здесь собирались люди, чтобы обсудить и свои деревенские, и мировые проблемы...

Вот и мы, современные новоявленные кузнецы, которых в Свердловске и вообще на Урале немало уже и которые работают по индивидуальным заказам, поштучно, с художественным уклоном (смотрите на 3-й странице обложки), возрождая как бы утраченное высокое ремесло, решили создать большую всеуральскую кузницу-клуб, или неформальное общество кузнецов, или корпорацию кузнецов-индивидуалов, или товарищество кузнечных дел мастеров... Как назвать будущее объединение кузнецов — придумаем. Сейчас важно решить другое — чем и как плодотворно будет это общественное объединение заниматься.

Крестным отцом нашим может стать Росмонумент-скульптура, а крестной матерью — редакция журнала «Уральский следопыт». Собираться на свои кузнечные конгрессы, съезды, сессии ли (как ни назови эти собрания) мы могли бы, скажем, четырежды в год: весной и летом, осенью и зимой. Обмен мнениями, идеями, опытом, координация действий, распределение заказов — много разных дел у нас, кузнецов. Общение нам необходимо, как воздух. Тогда мы сможем приносить больше пользы людям.

А пока — ждем заявки на вступление в товарищество кузнецов и предложения о его работе. Письма с пометкой на конверте «Кузнецы» направляйте в адрес редакции «Уральского следопыта». Здесь, при редакции, мы и соберемся.

9-152

ЦВЕТЫ ПОД ЗЕМЛЕЙ

Фото автора

ЦВЕСТИ ПОД ЗЕМЛЕЙ, ГДЕ ТЕМНО И СЫРО, НАСТОЯЩИЕ ЦВЕТЫ НЕ МОГУТ. ОДНАКО ТАМ ВСТРЕЧАЮТСЯ НЕОБЫЧНЫЕ — КАМЕННЫЕ ЦВЕТЫ. Посмотрите на эти фотографии — какие роскошные каменные цветники встречаются в карстовых пещерах! Причудливо извиваются их «стебли» и «лепестки», сплетаясь в замысловатые «букеты». В отличие от растений они «цветут» сотни и тысячи лет. От времени каменный цветник становится лишь богаче и разнообразнее. Сложены подземные цветы минералами кальцитом и арагонитом. Их стебли, ножки образованы многочисленными кристалликами этих минералов.

КАМЕННЫЕ ЦВЕТЫ ЖИВУТ. В КАЖДОМ ЦВЕТКЕ ЕСТЬ ТОНКИЕ КАНАЛЬЦЫ, ПО КОТОРЫМ ДВИЖЕТСЯ НАСЫЩЕННАЯ РАСТВОРЕННОЙ ИЗВЕЩЬЮ ВОДА. ЭТА ВОДА — ЖИВИТЕЛЬНЫЙ РАСТВОР ДЛЯ КАМЕННОГО ЦВЕТКА. Сотни, а может, тысячи лет двигаясь по его «сосудам», разносит вода питательную известь. Со временем мелкие каналцы закупориваются кристаллами, движение влаги по ним прекращается, и каменный цветок перестает расти. Но оставаясь вечно цветущим, он еще долго будет ждать своего часа, когда луч спелеолога, проникшего в пещеру, осветит его во всей красе.

ВЯЧЕСЛАВ
АНДРЕЙЧУК

Фото автора

